

КАСПИЙ ҚОҒАМДЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАСПИЙСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ӘДІЛЕТ» ҒЫЛЫМИ ЕҢБЕКТЕРІ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ «ӘДІЛЕТ»

SCIENTIFIC WORKS OF «ADILET»

№ 4(102), 2025

Алматы

Каспийский общественный университет
Научные труды «Әділет»
№ 4(102), 2025.

Журнал издается с 1996 года
Периодичность издания 4 номер в год

Журнал зарегистрирован Национальным агенством по делам печати и массовой информации РК

Регистрационное свидетельство № 9774-Ж от 19.12.2008 г.

Подписной индекс 75779

Главный редактор – к.ю.н. Калимбекова А.Р.

Редакционная коллегия:

Paul Varul (Эстония)

Диденко А.Г. (Республика Казахстан)

Елюбаев Ж.С. (Республика Казахстан)

Ильясова К.М. (Республика Казахстан)

Карагусов Ф.С. (Республика Казахстан)

Караев А.А. (Республика Казахстан)

Кузнецова Н.С. (Украина)

Лисица В.Н. (Российская Федерация)

Мороз С.П. (Республика Казахстан)

Ниязова А.Н. (Кыргызская Республика)

Нусенов Ж.М. (Республика Казахстан)

Подопригора Р.А. (Республика Казахстан)

Рольф Книппер (Федеративная Республика Германия)

Самарходжаев Б.Б. (Республика Узбекистан)

Сулейменов М.К. (Республика Казахстан)

Тамара Зарандиа (Грузия)

Ханс-Йоахим Шрамм (Федеративная Республика Германия)

Эдвард Юхневич (Edvardas Juchnevicius) (Польша)

Акимбекова Меруерт Аминовна (Республика Казахстан)

Учредитель:

Учреждение образования «Каспийский общественный университет»

Ответственный редактор

Калимбекова А.Р.

Адрес:

050021, РК, г. Алматы, пр. Достык, 85А, каб. 210

Раб.тел.: 8 (727) 323 10 09, вн. 215

Электронная почта: akalimbekova@mail.ru

Опубликованные материалы не всегда отражают точку зрения редакции. Ответственность за достоверность фактов и сведений в публикациях несут авторы. При использовании материалов ссылка на журнал «Научные труды «Әділет»» обязательна. Рукописи не возвращаются.

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 8.01.2026 г.

Формат 60x84/8

Печать офсетная

Типография «Delta Print»

050004, пр.Абылай хана, 60, офис 613.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 4. 2025 г.

- 6 Информация о журнале «Научные труды «Әділет»
- 6 Главный редактор журнала «Научные труды «Әділет»
- 7 Редакционная коллегия журнала «Научные труды «Әділет»
- 8 Обращение к читателям

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- 9 **Жанузакова Л.Т., доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы права университета «Туран». НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О РЕФЕРЕНДУМЕ**
- 18 **Мухамеджанов Э.Б., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ публичного права Каспийского университета. К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ НОВОГО КАЗАХСТАНА**
- 25 **Караев А.А., кандидат юридических наук, профессор, директор НИИ публичного права Каспийского университета, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации; Байзаков А.Т., магистр юридических наук, юрист Департамента правового обеспечения АО «Национальный центр государственной научно-технической экспертизы». О ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕДУРНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- 32 **M.K. Suleimenov, doctor of legal sciences, Professor, Director of the Research Institute of Private Law of the Caspian Public University; Chairman of the Kazakhstan International Arbitration; Member of the International Council under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan; Chairman of the Board of the Arbitration Chamber of Kazakhstan; Member of the Scientific Advisory Council under the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan; Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan; A.E. Dyusenova, Executive Director of the Kazakhstan International Arbitration; Leading Research Fellow at the Research Institute of Private Law, Caspian Public University; Member of the Board of the Arbitration Chamber of Kazakhstan. HARMONIZATION OF THE ARBITRATION LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN WITH THE UNCITRAL MODEL LAW: GENESIS, EVOLUTION AND PROSPECTS**
- 45 **Su Q., заместитель директора Уханьской арбитражной комиссии, Эксперт по посредничеству в финансовых спорах провинции Хубэй, член Исполнительного совета Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований гражданского права Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований арбитражного права Юридического общества провинции Хубэй, член Исполнительного совета Ассоциации исследований коммерческого права Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований арбитражного права Юридического общества Ухань, LL.M. АРБИТРАЖ В ЭПОХУ ОТКРЫТОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ, ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА УХАНЬСКОЙ АРБИТРАЖНОЙ КОМИССИИ С РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН**

- 54 **Maksatov N.R., PhD, Senior Lecturer at the Adilet Higher School of Law, private legal practitioner; Amanturliyev A.K., Master of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Adilet Higher School of Law, Caspian Public University. THE EFFECTIVENESS OF EXECUTIVE LABELING IN BINDING RELATIONSHIPS**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- 60 **Мороз С.П., доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы права «Әділет» Каспийского университета, член Научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Казахстан. ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

- 67 **Қасымхан М.Е., магистр юридических наук, сеньор-лектор Высшей школы права «Әділет» Каспийского общественного университета. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАЗАХСТАНА И КИТАЯ**

- 76 **Tokarchuk L.M., Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Law at Odesa I. I. Mechnikov National University. JUDICIAL REPRESENTATION REFORM IN UKRAINE: INSTITUTIONAL INTERACTION BETWEEN THE BAR AND LEGAL CONSULTANTS**

- 86 **Арипбаева А., методист юридической клиники Ташкентского государственного юридического университета. ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ЧЕРЕЗ ЮРИДИЧЕСКУЮ КЛИНИКУ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТГЮУ**

- 95 **Тлешалиев Н.Д., PhD докторы, Қазақстан Республикасы Мемлекеттік қызмет істері агенттігінің Алматы қаласы бойынша департаментінің сыбайлас жемқорлықтың алдын алу басқармасының басшысы; Амирбекова Ш.К., «TERENT HEALTH CARE» ЖШС заңгерінің көмекшісі. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАСЫНДА ЖАЗАНЫ ТАҒАЙЫНДАУ ИНСТИТУТЫ: ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ПРАКТИКА**

- 103 **Базарова Д.Б., доктор юридических наук, профессор заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Ташкентского государственного юридического университета. ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ УЗБЕКИСТАНА**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 112 **Круглый стол, посвященный 85-летию юбилею профессора Каспийского университета Культелеева Сагындыка Таировича на тему: «Актуальные проблемы природоохранного и природоресурсного права»**

- 114 **В Caspian University прошла международная конференция AIRPA 2025 в рамках Евразийского творческого форума**

- 115 **Выход в свет монографии на тему: «Қазақстан Республикасында азаматтық сот ісін жүргізуде мұрагерлік істерді қараудың құқықтық және процессуалдық ерекшеліктері»**

- 116 **XIX Международная научно-практическая конференция на тему: «Право на достойную жизнь: социально-экономические и культурные аспекты», посвященная 100-летию доктора юридических наук, профессора Ащеулова А.Т.**

- 121 **Международная научно-практическая конференция памяти профессора А.И. Худякова в Каспийском общественном университете**

- 123 **Авторлар туралы мәліметтер**
- 124 **Сведения об авторах**
- 125 **Information on the authors**
- 126 **Правила публикации для авторов журнала «Научные труды «Әділет» (требования к оформлению статей, представляемых для опубликования)**
- 129 **Стоимость публикации в журнале «Научные труды «Әділет»**
- 130 **Контакты и адрес редакции, телефон**

Главный редактор журнала «Научные труды «Әділет»

Калимбекова Асель Рахатовна – кандидат юридических наук, ассоциированный профессор ВШП «Әділет» Каспийского общественного университета. В 2001 году окончила с отличием Казахскую Государственную Юридическую Академию с присвоением квалификации юрист. В 2001 г. была принята на должность преподавателя на кафедру Теории и истории государства и права АЮА КазГЮУ. С января 2003 г. по декабрь 2004 г. стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права КазГЮУ. С 2003 г. по 2008 г.- младший научный сотрудник Института государства и права КазГЮУ, а с 2009 г. по февраль 2011 г. научный сотрудник Института государства и права Казахского национального университета имени аль-Фараби. В сентябре 2009 года успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история правовых и политических учений. С 2011 года ассоциированный профессор кафедры публично-правовых дисциплин КОУ (позднее ВШП «Әділет»). Имеет более 40 опубликованных научных трудов. С мая 2015 года назначена на должность главного редактора журнала «Научные труды «Әділет».

Информация о журнале «Научные труды «Әділет»

Журнал «Научные труды «Әділет» имеет давнюю историю, издается периодичностью 4 раза в год с 1996 года. В состав редакционной коллегии входили многие известные ученые-юристы Казахстана, главным редактором был академик НАН РК Баймаханов М.Т.

В настоящее время состав редакционной коллегии журнала входят академик НАН РК Сулейменов М.К., д.ю.н., профессор Диденко А.Г., Ильясова К.М., почетные профессора Caspian University доктора права Рольф Книппер, д.ю.н., профессор Кузнецова Н.С. и другие видные представители юридической науки.

Журнал с 2015 года воплощает новую концепцию развития и стратегии, в соответствии с которой планируется превратить журнал в один из ведущих научных журналов в сфере юридической науки в Казахстане и за рубежом.

Журнал способствует распространению научных знаний в сфере юридической науки, обмену мнениями ученых-правоведов, теоретическим и практическим опытом ученых и исследователей на национальном и международном уровнях. Отражая достижения юридической науки и изменения в законодательстве, будет предоставлять возможность познакомиться с работами казахстанских и зарубежных авторов, являясь источником информации о новейших научных исследованиях в сфере проблем государства и права.

Редакционная коллегия журнала «Научные труды «Әділет»

Главный редактор журнала «Научные труды «Әділет» Каспийского общественного университета

Калимбекова Асель Рахатовна. Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Каспийского общественного университета

Редакционная коллегия

Paul Varul (Эстония) Доктор права

Диденко Анатолий Григорьевич (Республика Казахстан). Доктор юридических наук, профессор

Елюбаев Жумагельды Сакенович (Республика Казахстан). Доктор юридических наук, профессор

Ильясова Куляш Муратовна (Республика Казахстан). Доктор юридических наук, профессор

Карагусов Фархад Сергеевич (Республика Казахстан). Доктор юридических наук, профессор

Караев Алипаша Агаханович (Республика Казахстан). Кандидат юридических наук, доцент

Кузнецова Наталия Семеновна (Республика Украина). Академик Академии правовых наук, доктор юридических наук, профессор, Почетный профессор Каспийского общественного университета

Лисица Валерий Николаевич (Российская Федерация). Доктор юридических наук, доцент

Мороз Светлана Павловна (Республика Казахстан). Доктор юридических наук, профессор

Ниязова Анара Натуевна (Кыргызская Республика). Доктор юридических наук, доцент

Нусенов Жолдасбек Муслимович (Республика Казахстан). Кандидат юридических наук, ректор Каспийского общественного университета

Подопригора Роман Анатольевич (Республика Казахстан). Доктор юридических наук, профессор

Рольф Книппер (Федеративная Республика Германия) Доктор права, Почетный профессор Каспийского общественного университета

Самарходжаев Батыр Билялович (Республика Узбекистан). Доктор юридических наук, профессор

Сулейменов Майдан Кунтуарович (Республика Казахстан). Академик НАН РК, доктор юридических наук, профессор

Тамара Зарандиа (Грузия). Доктор права

Ханс-Йоахим Шрамм (Федеративная Республика Германия). Доктор права

Эдвард Юхневич (Edvardas Juchnevicius) (Польша). Доктор права, профессор

Акимбекова Меруерт Аминовна (Республика Казахстан). Доктор философии (PhD)

Уважаемые читатели!

В очередном номере «Эділеттің ғылыми еңбектері» – «Научные труды «Эділет» Caspian University мы предлагаем вашему вниманию статьи, отражающие актуальные направления развития современной юридической науки и правоприменительной практики в Республике Казахстан и за её пределами. Настоящий номер отличается широтой тематического охвата и междисциплинарным характером. В статьях рассматриваются вопросы совершенствования конституционного законодательства, включая развитие института референдума, а также место прокуратуры в системе государственно-правовых институтов Нового Казахстана. Существенное внимание уделено проблемам административного права, в частности значению принципа соразмерности в административных процедурах и процессах. Актуальные вопросы административного права и противодействия коррупции раскрываются через призму внедрения цифровых технологий в систему государственного управления, что отражает современные тенденции цифровой трансформации и их влияние на правовое регулирование. Также в номере рассмотрены вопросы ответственности за процессуальные нарушения, реформирования судебного представительства, а также обеспечения доступа к правосудию, в том числе через институт юридических клиник.

Традиционно значительный блок посвящён гражданскому праву и гражданскому процессу. В данном выпуске представлены исследования, затрагивающие вопросы гармонизации арбитражного законодательства Республики Казахстан с Типовым законом ЮНСИТРАЛ, развития арбитражных институтов в международном контексте, а также отдельные аспекты эффективности правоприменения в обязательственных отношениях. Международно-правовая и сравнительно-правовая проблематика находит отражение в исследованиях, посвящённых развитию региональных интеграционных объединений, включая Шанхайскую организацию сотрудничества, что позволяет рассматривать национальное право в более широком геоправовом контексте, а также раскрывающих современные тенденции взаимодействия правовых систем и практик в условиях расширения международного сотрудничества.

Международный состав авторов и разнообразие исследовательских подходов придают выпуску особую научную ценность, способствуя развитию профессионального диалога и обмену опытом между представителями различных правовых школ.

Мы надеемся, что материалы данного выпуска будут полезны широкому кругу читателей научным работникам, преподавателям, докторантам, магистрантам, а также практикующим юристам и будут способствовать развитию научной дискуссии и совершенствованию законодательства Республики Казахстан.

Следует отметить, что журнал «Научные труды «Эділет» имеет многолетнюю историю и издаётся с 1996 года, являясь одной из площадок для публикации результатов научных исследований в области права. На протяжении многих лет журнал объединяет ведущих ученых-юристов, способствуя развитию юридической науки и укреплению научных связей как на национальном, так и на международном уровнях.

Журнал продолжает выполнять свою основную миссию — содействовать распространению научных знаний, обмену научными идеями и практическим опытом, а также обеспечивать доступ к современным исследованиям в сфере государства и права.

Главный редактор

Асель Калимбекова

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

МРНТИ 10.15.23

УДК 341.63

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-9-17

Л.Т. Жанузакова¹

¹д.ю.н., профессор, профессор Высшей школы права
университета «Туран» (г. Алматы, Казахстан)

ORCID: 0009-0005-0750-2614, E-mail: zhanleila@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О РЕФЕРЕНДУМЕ

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу института республиканского референдума в Республике Казахстан как высшей формы непосредственного выражения власти народа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки соответствия действующего законодательства конституционным принципам народовластия и потребностью в совершенствовании механизмов участия граждан в управлении государством. Нормативную базу работы составляют Конституция РК и профильные конституционные законы. Методологическую основу исследования представляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов, включая сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и историко-правовой анализ, что позволило сопоставить казахстанскую модель с практикой зарубежных стран (Швейцария, Великобритания, Германия и др.).

В статье подробно рассматриваются предмет референдума, исчерпывающий перечень вопросов, запрещенных к вынесению на всенародное голосование, а также сложная многоступенчатая процедура реализации народной инициативы. Особое внимание уделяется анализу правоприменительной практики, включая прошедшие в Казахстане референдумы и выявленные нарушения. Автор обосновывает необходимость либерализации законодательства: предлагается снизить количество подписей для инициативы, упростить процедуры, ввести институты консультативного и местного референдумов, наделить народ правом конституционной инициативы. Реализация этих мер, по мнению автора, будет способствовать демократизации, укреплению доверия между государством и обществом и построению «слышащего государства».

Ключевые слова: инициативная группа, Конституция, Парламент, Президент, республиканский референдум.

Введение

Конституция Республики Казахстан, провозглашая народ единственным источником государственной власти, закрепляет в качестве непосредственных форм ее выражения республиканский референдум и свободные выборы (п. 2 ст. 3)¹. Тем самым гражданам обеспечива-

ется возможность непосредственного участия в управлении делами государства, что составляет содержание их неотъемлемого конституционного права (ст. 33). Юридическая природа референдума как высшего непосредственного выражения власти народа обусловлена императивным характером принимаемых на нем решений, которые обладают свойством общеобязательно-

¹ Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 года на республиканском референдуме. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 09.08.2025)

сти и не нуждаются в последующем утверждении¹. Референдум, таким образом, выступает в качестве одного из ключевых конституционно-правовых механизмов реализации народного суверенитета, в связи с чем вопросы его правовой регламентации и практика применения приобретают фундаментальное значение для обеспечения поступательного развития демократических процессов в государстве. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа соответствия действующего законодательства о республиканском референдуме конституционным принципам народовластия, а также потребностью в выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию правовых институтов, призванных гарантировать действенное участие граждан в решении наиболее значимых вопросов государственной жизни.

Материалы и методы

Нормативно-правовую основу настоящего исследования составляют Конституция Республики Казахстан², а также специальное законодательство, регулирующее порядок организации и проведения республиканского референдума. Центральное место в этой системе занимает Конституционный закон Республики Казахстан от 2 ноября 1995 года «О республиканском референдуме», который определяет понятие, предмет и процедуру всенародного голосования. В части, не противоречащей данному закону, применяются также нормы Конституционного закона Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года «О выборах в Республике Казахстан»³.

Методологическую основу работы составляет комплекс общенаучных и специальных юридических методов познания. Сравнительно-правовой метод позволил провести анализ казахстанского законодательства в сопоставлении с подходами к регулированию института референдума в зарубежных странах, таких как Швейцария, Великобритания, Дания, Германия, Испания и Швеция, что способствовало выявлению как общих закономерностей, так и национальных особенностей. Формально-юридический метод применен для толкования правовых норм, закрепляющих понятие референдума, перечень вопросов, выносимых на

голосование, а также процедурные требования к инициативе граждан. Системный анализ позволил рассмотреть институт референдума в его взаимосвязи с иными формами непосредственной демократии и взаимодействия общества и государства, включая право петиций и всенародные обсуждения. Историко-правовой метод использован при изучении практики проведения республиканских референдумов в Казахстане и эволюции законодательства в данной сфере.

Результаты и обсуждение

Конституционный закон определяет республиканский референдум как «всенародное голосование по проектам Конституции, конституционных законов, законов и решений по иным наиболее важным вопросам государственной жизни Республики Казахстан»⁴. Данная дефиниция, по сути, дает понятие предмета референдума, то есть круга вопросов, выносимых на голосование. Тем самым подчеркивается исключительный характер данного института, поскольку его применение касается, как правило, очень важных, зачастую судьбоносных вопросов жизни страны.

Какие именно наиболее важные вопросы государственной жизни могут быть поставлены на всенародное голосование, Конституционный закон не расшифровывает, но зато закрепляет исчерпывающий перечень вопросов, которые запрещено выносить на референдум. К таковым относятся:

- которые могут повлечь за собой нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- изменения независимости государства, унитарности и территориальной целостности Республики, формы ее правления, основополагающих принципов деятельности Республики, положения о том, что Президент Республики избирается сроком на семь лет и одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики более одного раза;
- административно-территориального устройства и границ Республики;
- правосудия, обороны, национальной безопасности и охраны общественного порядка;
- бюджетной и налоговой политики;
- амнистии и помилования;
- назначения и избрания на должность, освобождения от должности лиц, относящиеся к ведению Президента, Палат Парламента и Правительства Республики;
- выполнения обязательств, вытекающих из международных договоров Республики⁵.

¹ Жидяева Е.С., Шевчук В.В. Правовая характеристика референдума // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet», 2021. – № 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-harakteristika-referenduma>

² Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 года на республиканском референдуме. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 09.08.2025)

³ Конституционный закон РК от 2 ноября 1995 г. «О республиканском референдуме». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002592_ (дата обращения: 09.08.2025)

⁴ Там же. Статья 2.

⁵ Там же. Статья 3.

В зарубежных странах наблюдается схожий подход в определении вопросов, которые не могут быть вынесены на референдум, хотя есть и некоторые отличия. Например, в Швейцарии, которая достаточно часто использует данный институт прямой демократии, в обязательном порядке референдумы проводятся для одобрения или неодобрения международных договоров особой важности, а в факультативном порядке – в отношении международных договоров, которые: 1) имеют неопределенную продолжительность действия и не могут быть денонсированы; 2) предусматривают присоединение к международной организации; 3) содержат важные положения, устанавливающие правовые нормы, или если их введение в действие требует адаптации федеральных законов [1, с. 54].

В Великобритании первый референдум, состоявшийся 5 июня 1975 года, также касался международного договора – о нахождении Великобритании в Общем рынке и о возможности перезаключения договора с этой наднациональной организацией [1, с. 61]. Как известно, позднее на этой основе был создан Европейский Союз, членом которого было Соединенное Королевство. Институт консультативного референдума был также использован этим государством в процедуре выхода из ЕС. 23 июня 2016 года более половины граждан проголосовало за выход из состава ЕС, на основании которого Правительство инициировало данную процедуру, которая завершилась 29 марта 2019 года. В Дании также неоднократно проводились референдумы по международным соглашениям европейского характера [1, с. 70].

В Казахстане вопрос о выполнении обязательств, вытекающих из международных договоров Республики, нельзя выносить на республиканский референдум. По сути, речь идет о ратификации или ином присоединении к международному договору, либо о его денонсации, то есть расторжении. Очевидно, это связано со спецификой вопросов в этой сфере, предполагающих наличие специальных знаний и соответствующей информации, а также необходимостью учета геополитической и социально-экономической обстановки в стране и в мире. В то же время данные вопросы могут касаться действительно судьбоносных проблем жизнедеятельности государства, способных повлиять на его суверенитет, территориальную целостность, права и свободы граждан.

Между тем, Конституционный закон не допускает ставить на референдум вопросы изменения независимости государства, унитарности и территориальной целостности Республики. Они же не могут быть предметом конституционного пересмотра. Эти положения представ-

ляются вполне правильными, но речь здесь идет о прямой форме утраты суверенитета или территории страны. Однако могут быть случаи, когда такая утрата может быть завуалирована, носить продолжительный характер. Например, при заключении международного договора с кабальными условиями, противоречащими национальным интересам и ставящими страну в политическую и экономическую зависимость от другого государства. В этой связи данное ограничение, возможно, все же можно было бы пересмотреть. Ведь в Казахстане референдум носит преимущественно факультативный характер, то есть проводится только при наличии заявленной инициативы и принятия решения о его назначении Президентом. Обязательный порядок предусмотрен только для принятия новой Конституции, поскольку Парламент этим правом не обладает. Очевидно, что вопросы второстепенного характера (например, о взаимной правовой помощи) или не имеющие судьбоносного значения, не будут ставиться на всенародное голосование, поскольку это достаточно затратная процедура.

В частности, в Республике за всю историю независимости проводилось 4 референдума: 1) 29 апреля 1995 года – о продлении полномочий Президента до 2000 года; 2) 30 августа 1995 года – о принятии Конституции страны; 3) 5 июня 2022 года – о внесении изменений и дополнений в Конституцию; 4) 6 октября 2024 года – о строительстве АЭС. Во всех четырех случаях было принято положительное решение.

Конституционным законом запрещено выносить на республиканский референдум вопрос о форме правления, о семилетнем сроке полномочий Президента и однократном пребывании его в должности, а также изменять эти нормы в Конституции. Однократное пребывание главы государства в должности – норма, внесенная в Конституцию в 2022 году, направлена против узурпации власти. Однако почему нельзя менять семилетний срок его полномочий, например, в сторону его сокращения, остается не до конца понятным.

Конституция устанавливает президентскую форму правления. Следует отметить, что это чисто казахстанское изобретение. На сегодня в мире существует две основных формы правления – монархия и республика, а разновидностью последней является президентская республика. Для нее характерны избрание Президента прямым голосованием, наличие у него большого круга полномочий, внепарламентский способ формирования правительства и ответственность правительства перед президентом. Как правило, ему принадлежит исполнительная власть, или он ее возглавляет. Все эти признаки в той или иной мере присутствуют в казахстан-

ской форме правления, хотя и имеются элементы парламентской республики (например, парламентский вотум недоверия правительству). Это обусловлено тем, что Республика во многом опиралась на французскую модель власти.

Однако здесь это не главное. Речь, по сути, идет о недопустимости изменения республиканской формы правления, то есть запрете на переход к монархии. Ведь референдум в авторитарных странах может быть использован не в демократических целях, а именно для узурпации власти. В этой связи в будущей Конституции Республики следует четко определить, что в Казахстане республиканская форма правления, и ее, конечно, менять нельзя, равно как и ставить этот вопрос на референдум. Однако вопрос о том, какая именно республика – президентская или парламентская – это вопрос о распределении полномочий между Президентом и Парламентом, а также их взаимоотношениях с другими государственными органами. Представляется не вполне логичным, почему решение этого вопроса не может быть доверено народу. Если народ – единственный источник власти, если власть обоих этих институтов носит делегированный характер, то почему граждане не вправе перераспределять полномочия между ними? Например, в Испании статьи Конституции, устанавливающие характер государства, принадлежность суверенитета, форму правления, основные права и свободы, положения о короне, при реформе должны быть обязательно переданы на всенародное голосование [1, с. 77].

В законодательстве развитых стран мира есть и другие нормы, предусматривающие проведение референдума по тем или иным вопросам, которые в Казахстане запрещено вносить на народное голосование. Например, это касается административно-территориального устройства. В Германии, которая является федерацией, ст. 146 Основного Закона предусматривает, что федеральный закон о новом делении федеральной территории нуждается в утверждении путем референдума с учетом мнения заинтересованных земель. На заинтересованных землях, из территории или частей территории которых должна быть образована новая или с новыми границами земля, должен быть проведен референдум [2, с. 177].

Право назначения референдума принадлежит исключительно Президенту Республики Казахстан, а инициатива его назначения может исходить от 4 субъектов: от Президента, Парламента, Правительства и граждан в количестве не менее чем 200 тысяч, обладающих правом на участие в республиканском референдуме, в количественном отношении в равной мере представляющих все области, столицу Респу-

блики и города республиканского значения. При этом сама процедура проявления инициативы со стороны граждан является достаточно сложной и включает несколько этапов.

Необходимо образовать инициативную группу референдума, в состав которой входит не менее чем по 3 представителя от каждой области, столицы и городов республиканского значения, то есть количество ее членов должно составлять не менее 60 человек.

Сама инициативная группа образуется на собрании, на котором присутствуют граждане, имеющие право на участие в референдуме, но не менее чем по 30 представителей от каждой области, столицы Республики Казахстан и городов республиканского значения, то есть количество участников собрания должно составлять не менее 600 человек.

Не позднее чем за 10 дней до проведения собрания его инициаторы должны письменно сообщить о времени, месте и цели собрания в местный исполнительный орган, на территории которого оно будет проводиться.

Перед началом собрания проводится регистрация участников собрания, составляется список с обязательным указанием их фамилий, имен, отчеств, места жительства и данных документа, удостоверяющего личность.

Члены инициативной группы референдума избираются большинством голосов участников собрания.

После образования инициативная группа референдума должна обратиться в Центральную избирательную комиссию для регистрации группы и вопроса, предлагаемого на референдум, с подачей соответствующих документов. Регистрация осуществляется в 10-дневный срок со дня обращения. Отказать в регистрации ЦИК может только в случаях нарушения требований Конституционного закона, то есть нарушения самой процедуры образования инициативной группы и избрания ее членов, а также выдвижения на референдум вопроса, который нельзя ставить на народное голосование. Отказ в регистрации может быть обжалован в 10-дневный срок в Верховный Суд, который рассматривает жалобу также в 10-дневный срок, и его решение является окончательным.

После регистрации членами группы осуществляется сбор подписей. Необходимо собрать не менее 200 тысяч подписей, причем в каждом регионе должно быть собрано не менее 10 тысяч подписей, если исходить из установленного требования.

По окончании сбора подписей заполненные подписные листы сдаются в территориальную избирательную комиссию, которая проверяет достоверность подписей граждан на подписных листах с привлечением работников уполномо-

ченного органа по документированию и выдаче паспортов и удостоверений личности, оформляет соответствующий протокол и направляет его в ЦИК. Лишь после этого ЦИК составляет итоговый протокол и направляет предложение инициативной группы Президенту.

Указанные процедуры вызывают ряд вопросов. Во-первых, чрезмерно высоким, на наш взгляд, является требуемое количество подписей – не менее 200 тысяч при взрослом населении страны около 12 миллионов человек. Понятно, что во многих зарубежных странах эти цифры могут быть выше, однако необходимо учитывать и уровень развития демократии в них, а также более высокую электоральную культуру граждан. Для того чтобы усилить общественную активность граждан, их возможность участия в управлении делами государства и повысить доверие к органам власти, представляется целесообразным снизить минимальное количество подписей по инициативе граждан хотя бы до 100 тысяч.

Во-вторых, вызывает недоумение требование примерно равного распределения подписей по каждому региону страны. При этом не учитывается неравномерная численность населения регионов. По состоянию на август 2024 года численность населения составила: в Алматы – 2 264 499 человек, в Западно-Казахстанской области – 695 316, в Северо-Казахстанской области – 525 793 и так далее, а количество подписей должно быть примерно равным повсеместно. Кроме того, многое зависит от иницилируемого вопроса, то есть от того, насколько он затрагивает права и интересы населения того или иного региона. Например, строительство АЭС в первую очередь интересует жителей сопредельных с озером Балхаш территорий.

В-третьих, весьма сложно собрать столько людей (не менее 600), представляющих все регионы в количестве не менее 30 от каждого из них, для проведения собрания, которое будет избирать членов инициативной группы. С одной стороны, это очень накладно в финансовом выражении, поскольку расходы на дорогу, на проживание как минимум в течение одного дня, а также необходимость аренды помещения для проведения мероприятия требуют значительных средств. С другой стороны, всегда существует вероятность, что кто-то может заболеть, у кого-то могут возникнуть неожиданные семейные или рабочие обстоятельства, препятствующие их выезду. Между тем, проведение такого собрания в онлайн-формате в настоящее время не допускается. К тому же правоприменительная практика государственных органов свидетельствует об использовании административного ресурса при попытке прове-

сти подобное мероприятие: граждан снимали с поездов, автобусов по надуманным причинам (например, как свидетелей по уголовным делам), предпринимателям, предоставляющим помещение, угрожали карательными мерами и так далее. В этой связи представляется целесообразным законодательно закрепить возможность проведения собрания в онлайн-формате.

Следовательно, государство через законодательство вводит излишние административные барьеры, препятствующие реализации права граждан участвовать в проявлении инициативы о назначении республиканского референдума. Необходимо свести к минимуму участие государства в проявлении подобной инициативы населения. В частности, полагаем возможным перейти от разрешительной системы процедуры регистрации инициативной группы к уведомительной. Контроль государства должен осуществляться не за порядком создания инициативной группы, а только в части проверки достоверности подписей граждан, чтобы исключить фальсификации.

В-четвертых, казахстанский народ должен быть наделен также правом конституционной инициативы. Весьма странной представляется ситуация, когда народ признается единственным источником власти, когда он является единственным субъектом, принимающим Конституцию, но при этом не может быть инициатором ее изменения. В настоящее время Конституция может изменяться и дополняться только по инициативе Президента, Парламента и Правительства.

В-пятых, по нашему мнению, дискреционное полномочие Президента по назначению референдума в случае проявления инициативы граждан не должно применяться, то есть при наличии такой инициативы глава государства обязан назначить референдум. В конечном счете, сам Президент наделяется властными полномочиями гражданами Казахстана, именно они избирают его, и он должен выступать не только от имени государства, но и от имени народа. Ранее нами уже подчеркивалась необходимость законодательного закрепления данных норм [3, с. 24].

Следует отметить, что инициатива граждан о назначении республиканского референдума по тому или иному вопросу, если она сопровождается подготовленным законопроектом или иным решением, в зарубежном конституционном праве именуется «народной инициативой». Обычная конституционная практика такова, что при выполнении всех требуемых условий (например, сбора необходимого количества подписей) референдум проводится в обязательном порядке. В то же время это не исключает случаев, когда парламент принимает

закон, предложенный народной инициативой, и в этом случае предполагаемый референдум утрачивает свой предмет [1, с. 32].

Во многих странах Европы используется институт консультативного референдума, то есть своего рода всенародного опроса. Решение, принятое на таком всенародном голосовании, не имеет обязательной юридической силы, но оказывает существенное влияние на позицию государственных органов. Выше уже приводился пример консультативного референдума, состоявшегося в Великобритании в 2016 году, где большинство граждан высказалось за выход из Европейского Союза, что побудило правительство запустить процедуру брексита. В Швеции на консультативном референдуме 1955 года был получен отрицательный ответ по поводу введения правостороннего движения, и парламент с правительством в результате в течение 12 лет не решались ввести новые правила дорожного движения [1, с. 18].

В Казахстане консультативный референдум не предусмотрен, но допускается проведение всенародных обсуждений по проектам Конституции, законов, вносимых в них изменений и дополнений, а также по иным наиболее важным вопросам, затрагивающим интересы общества и государства. Этот институт во многом похож на консультативный референдум, поскольку в процессе всенародных обсуждений также выявляется мнение граждан по законопроекту или иному вопросу. Однако здесь граждане не голосуют, и, кроме того, они могут вносить свои предложения и замечания по проекту соответствующего документа. Но на законодательном уровне этот институт до сих пор не закреплен. На наш взгляд, равно как и право петиций, порядок проведения всенародных обсуждений и учета внесенных предложений и замечаний граждан должен быть нормативно урегулирован, возможно, в том же Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. И сама общественность в той или иной форме должна быть представлена при рассмотрении итогов обсуждения и учета высказанных предложений и замечаний.

Что же касается консультативного референдума, то возможность его проведения также можно было бы законодательно закрепить и использовать, особенно при рассмотрении вопросов, которые вызывают наибольшие споры между различными органами власти, а также между государством и обществом. Например, когда проводились общественные слушания по вопросам утильсбора, введения единого часового пояса и так далее, наблюдалось острое противостояние между инициаторами петиций и соответствующими министерствами. Такие вопросы могли бы выноситься на консульта-

тивный референдум с тем, чтобы при окончательном решении вопроса было учтено мнение не только гражданских активистов, но и всех граждан страны.

Выражая позицию о целесообразности демократизации ряда нормативных положений, регулирующих порядок назначения и проведения республиканского референдума, в то же время следует отметить, что данный институт не должен использоваться различными политическими силами исключительно в целях привлечения электората. По мнению Борисова и Головина, привлекать народ к участию в референдуме «необходимо в тех случаях, когда его воля действительно необходима для принятия решения по вопросам, которые важны для всего населения, а представительный орган, несмотря на все делегированные ему полномочия, не может принять самостоятельное решение» [4, с. 16-17].

Во многих странах развитой демократии проводятся не только общенациональные, но и региональные (на уровне субъектов федераций), и местные референдумы. Они касаются вопросов, затрагивающих интересы соответствующих территорий и их жителей. Так, в Швеции решение о проведении коммунального (то есть местного) референдума принимается депутатами собраний уполномоченных ландстингов или коммун. Причем они обязаны принять такое решение, если соответствующее требование будет поддержано не менее чем 5% избирателей [5, с. 157].

К сожалению, в Казахстане эта форма прямого участия граждан в решении вопросов местного значения не закреплена, несмотря на то, что в Республике поэтапно проводится курс на развитие местного самоуправления. Нами неоднократно подчеркивалась необходимость закрепления института местного референдума, учитывая, что Конституция не ограничивает перечень непосредственных форм местного самоуправления [6, с. 29; 7, с. 331]. В демократическом правовом государстве действует принцип: все, что не запрещено и не предусмотрено, для граждан разрешено. В этой связи необходимо законодательно закрепить данный институт либо в законах, регулирующих статус органов местного управления и самоуправления, либо преобразовать Конституционный закон «О республиканском референдуме» в Конституционный закон «О референдуме», предусмотрев в нем отдельный раздел, посвященный местному референдуму. При этом полагаем возможным наделить правом участия в местном референдуме не только граждан Республики Казахстан, но и других постоянных жителей данных административно-территориальных единиц – иностранных

граждан и лиц без гражданства. Возможно, на первых порах у них должен быть только совещательный голос, а впоследствии, после апробирования данного института, можно будет предоставить им право решающего голоса. Опасения, что тем самым закладывается фундамент для вмешательства иностранных государств в дела Казахстана, представляются необоснованными, поскольку перечень вопросов, по которым может проводиться или, наоборот, не проводиться местный референдум, будет также законодательно определен.

Прошедший 6 октября 2024 года республиканский референдум по вопросу строительства АЭС, к сожалению, не обошелся без многочисленных нарушений. Независимые наблюдатели зафиксировали факты вбросов бюллетеней членами комиссий референдума, включение в списки для голосования только пришедших на участок граждан, запреты на фото- и видеосъемку, отказ председателей участковых комиссий выдавать копии протоколов, необоснованные удаления наблюдателей с участков для голосования, в том числе на основании оснований, зафиксированных в актах, составленных комиссиями, не предусмотренных Конституционным законом о выборах, и даже случаи подсчета голосов граждан без присутствия наблюдателей. Сложившаяся негативная практика проведения выборов и референдума показала незнание членами избирательных комиссий (комиссий по референдуму) и наблюдателями от партий законодательства по этим вопросам, а также грубое игнорирование требований закона. Практически за все эти годы члены участковых и территориальных комиссий, допустившие подобные грубые нарушения, не привлекались ни к административной, ни к уголовной ответственности. Кодекс об административных правонарушениях если и применяется, то только в отношении самих наблюдателей, которые пытаются отстаивать свои права. Подобные нарушения идут вразрез с политикой «слушающего» и «справедливого» государства, обеспечения верховенства закона, о которых неоднократно говорил Президент. В преддверии республиканского референдума, который состоялся 6 октября 2024 года, он, выступая с очередным Посланием к народу Казахстана 2 сентября 2024 года, подчеркнул: «Предстоящий референдум станет еще одним проявлением широкого общенационального диалога и ярким примером реализации концепции «слушающего государства». По сути, такими шагами мы формируем новую общественно-политическую культуру, закладываем новые стандарты принятия ключевых государственных решений»¹.

Заключение

Таким образом, референдум представляет собой важнейший институт прямой демократии, форму реализации гражданами своего конституционного права на участие в управлении делами государства и один из главных инструментов взаимодействия государства и общества. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие в Казахстане сформированной нормативной правовой базы, регулирующей порядок назначения и проведения республиканского референдума, существует ряд проблем, требующих дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Представляется обоснованным пересмотреть отдельные законодательные запреты на вынесение вопросов на референдум, в частности, касающиеся выполнения международных обязательств и распределения полномочий между ветвями власти в рамках республиканской формы правления, сохранив при этом неизменяемость самой республиканской формы. Назрела необходимость либерализации процедуры народной инициативы путем снижения требуемого количества подписей, отмены требования их равномерного регионального распределения, легализации онлайн-формата проведения собраний и перехода от разрешительной системы регистрации инициативных групп к уведомительной. Важным шагом вперед стало бы наделение народа правом конституционной инициативы, а также замена дискреционных полномочий Президента по назначению референдума его обязанностью назначить голосование при выполнении всех требований.

Заслуживают внимания и внедрения такие институты, как консультативный референдум и законодательно урегулированные всенародные обсуждения. Крайне актуальным представляется закрепление института местного референдума, что будет способствовать развитию местного самоуправления и вовлечению граждан в решение вопросов локального значения. Наконец, необходимым условием реализации принципа верховенства закона и построения «слушающего государства» является обеспечение неотвратимости ответственности за нарушения законодательства о референдуме. Реализация указанных предложений будет способствовать дальнейшей демократизации общественно-политической жизни, укреплению доверия между государством и обществом и формированию новых стандартов принятия ключевых государственных решений при непосредственном участии народа.

¹ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 г. «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм».

URL <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 09.08.2025).

Список литературы

1. Маклаков В.В. Референдум в зарубежных странах: Учеб. пособие / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. правоведения; Отв. ред. Алферова Е.В. – М., 2014. – 128 с.
2. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств. – 8-е изд. – М., 2012. – 640 с.
3. Жанузакова Л.Т. К вопросу о совершенствовании законодательства о референдуме // Вестник Института законодательства РК, 2018. – № 1. – С.19-25
4. Борисов И.Б., Головин А.Г. Право на референдум: 25 лет конституционно гарантированному демократическому институту // Гражданин. Выборы. Власть. - 2018. - № 4. – С.5-18.
5. Ракитская И.А. Референдум в Швеции: особенности организации и правила проведения // Московский журнал международного права, 2015. – № 3. – С.148-160.
6. Жанузакова Л.Т. Правовые основы обеспечения развития института местного самоуправления в Республике Казахстан на современном этапе // Вестник Института законодательства и правовой информации РК, 2021. – № 4. – С.21-30.
7. Жанузакова Л.Т. Правовые основы местного самоуправления в Республике Казахстан // Глобальные изменения: вызовы науки и образования. Мат. МНП форму, посв. 30-летию университета «Туран», 6-7 октября 2022 г. – Алматы: Университет «Туран», 2023. – С. 327-333.

References

1. Maklakov V.V. Referendum v zarubezhnykh stranakh: Ucheb. posobiye / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled.; Otd. pravovedeniya; Otv. red. Alferova Ye.V. – M., 2014. – 128 s.
2. Maklakov V.V. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. – 8-ye izd. – M., 2012. – 640 s.
3. Zhanuzakova L.T. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva o referendume // Vestnik Instituta zakonodatel'stva RK, 2018. – № 1. – S.19-25
4. Borisov I.B., Golovin A.G. Pravo na referendum: 25 let konstitutsion-no garantirovannomu demokraticeskomu institutu // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. - 2018. - № 4. – S.5-18.
5. Rakitskaya I.A. Referendum v Shvetsii: osobennosti organizatsii i pra-tila provedeniya // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava, 2015. – № 3. – S.148-160.
6. Zhanuzakova L.T. Pravovyye osnovy obespecheniya razvitiya instituta mestnogo samoupravleniya v Respublike Kazakhstan na sovremennom etape // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii RK, 2021. – № 4. – S.21-30.
7. Zhanuzakova L.T. Pravovyye osnovy mestnogo samoupravleniya v Respub-like Kazakhstan // Global'nyye izmeneniya: vyzovy nauki i obrazovaniya. Mat. MNP formu, posv. 30-letiyu universiteta «Turan», 6-7 oktyabrya 2022 g. – Alma-ty: Universitet «Turan», 2023. – S. 327-333

Л.Т. Жанұзакова¹

¹з.ғ.д., «Туран» университетінің Заң жоғары мектебінің профессоры,
(Алматы қ., Қазақстан)

ORCID: 0009-0005-0750-2614, E-mail: zhanleila@mail.ru

МЕМЛЕКЕТТІК ЗАҢДЫ ЖЕТІЛДІРУДІҢ БІРНЕШЕ МӘСЕЛЕЛЕРІ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ РЕФЕРЕНДУМЫ ТУРАЛЫ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЗАҢДАР

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасындағы республикалық референдум институтын халық билігінің тікелей жүзеге асырылуының ең жоғары нысаны ретінде кешенді талдауға арналған. Зерттеудің өзектілігі қолданыстағы заңнаманың халық билігі қағидаттарына сәйкестігін бағалау және азаматтардың мемлекеттік басқаруға қатысу тетіктерін жетілдіру қажеттілігімен айқындалады. Зерттеудің нормативтік негізін Қазақстан Республикасының Конституциясы және салалық конституциялық заңдар құрайды.

Зерттеудің әдіснамалық негізін жалпы ғылыми және арнайы заңи әдістердің кешені құрайды. Олардың қатарына салыстырмалы-құқықтық, формальды-құқықтық, жүйелік және тарихи-құқықтық талдау әдістері жатады. Бұл әдістер Қазақстандағы референдум моделін шетелдік мемлекеттердің (Швейцария, Ұлыбритания, Германия және т.б.) тәжірибесімен салыстырып қарастыруға мүмкіндік берді. Мақалада референдумның мәні мен пәні, бүкілхалықтық дауыс беруге шығаруға тыйым салынған мәселелердің толық тізбесі, сондай-ақ халықтық бастаманы іске асырудың күрделі көпсатылы рәсімі жан-жақты қарастырылады. Сонымен қатар Қазақстанда өткізілген референдумдар мен анықталған құқықтық бұзушылықтарды қамтитын құқық қолдану тәжірибесіне ерекше назар аударылады.

Автор конституциялық заңнаманы либералдандыру қажеттігін негіздей отырып, референдум өткізу жөніндегі бастаманы көтеру үшін қажетті қолтаңбалар санын қысқартуды, рәсімдерді жеңілдетуді, консультативтік және жергілікті референдум институттарын енгізуді, сондай-ақ халыққа конституциялық бастама құқығын беруді ұсынады. Автордың пікірінше, аталған шараларды іске асыру демократиялық процестерді дамытуға, мемлекет пен қоғам арасындағы сенімді нығайтуға және «халық үнін еститін мемлекет» тұжырымдамасын іске асыруға ықпал етеді.

Түйінді сөздер: бастамашыл топ, Конституция, Парламент, Президент, республикалық референдум.

L.T. Zhanuzakova¹

¹Doctor of Legal Sciences, Professor of the Higher School of Law,
Turan University (Almaty, Kazakhstan)

ORCID: 0009-0005-0750-2614, E-mail: zhanleila@mail.ru

SOME ISSUES OF IMPROVING THE CONSTITUTIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN ON REFERENDUMS

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the institution of the republican referendum in the Republic of Kazakhstan as the highest form of the direct expression of the people's power. The relevance of the study is determined by the need to assess the compliance of the current legislation with the constitutional principles of popular sovereignty and by the necessity to improve the mechanisms of citizens' participation in public governance. The normative basis of the study consists of the Constitution of the Republic of Kazakhstan and relevant constitutional laws regulating the institution of the referendum. The methodological framework of the research includes a combination of general scientific and special legal methods, such as comparative legal analysis, formal legal analysis, systemic analysis, and historical legal analysis. These methods made it possible to compare the Kazakhstani model of referendum regulation with the practices of foreign countries, including Switzerland, the United Kingdom, Germany, and others. The article examines in detail the subject matter of the referendum, the exhaustive list of issues prohibited from being submitted to a nationwide vote, and the complex multi-stage procedure for the implementation of a popular initiative. Particular attention is given to the analysis of law enforcement practice, including the referendums held in Kazakhstan and the violations identified during their conduct.

The author substantiates the necessity of liberalizing the relevant legislation and proposes reducing the number of signatures required to initiate a referendum, simplifying procedural requirements, introducing the institutions of consultative and local referendums, and granting the people the right of constitutional initiative. According to the author, the implementation of these measures would contribute to the further democratization of public governance, strengthening trust between the state and society, and promoting the development of the concept of a "listening state."

Keywords: initiative group, Constitution, Parliament, President, republican referendum.

МРНТИ 10.15.23

УДК 342.41

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-18-24

Э.Б. Мухамеджанов¹¹д.ю.н., профессор, г.н.с. НИИ публичного права

Каспийского университета (г. Алматы, Казахстан)

ORCID: 0009-0002-1285-1681, e-mail: ebm-58@mail.ru

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ НОВОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация

Статья посвящена анализу эволюции конституционно-правового статуса прокуратуры Республики Казахстан в контексте реализации принципа «Закон и порядок» и конституционных реформ 2017 и 2022 годов. В работе исследуется трансформация полномочий прокуратуры от советской модели всеобъемлющего надзора до современного правозащитного института с ограниченной компетенцией. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания и специальные юридические методы. Особое внимание уделяется анализу права опротестования нормативных правовых актов, которое *de jure* было предоставлено прокуратуре Конституцией 1995 года, но *de facto* осталось нереализованным из-за отсутствия процедурного механизма. Выявлены системные проблемы функционирования прокуратуры, включая недостаточную процессуальную самостоятельность следователей, ограниченность парламентского контроля за исполнением законов и поднадзорность всех правоохранительных органов главе государства, что ставит под сомнение объективность прокурорского надзора. На основе проведенного анализа обосновывается предложение о переподчинении органов прокуратуры Парламенту как наиболее перспективном направлении оптимизации их статуса в условиях перехода к президентско-парламентской форме правления. Автор доказывает, что такое переподчинение позволит усилить систему сдержек и противовесов, повысить независимость прокуроров и обеспечить реальный парламентский контроль за исполнением законов.

Ключевые слова: прокуратура, конституционно-правовой статус, разделение властей, система сдержек и противовесов, парламентский контроль, конституционная реформа.

Введение

В современных условиях развития казахстанской государственности особое значение приобретает принцип «Закон и порядок», который в последнее время последовательно акцентируется в выступлениях и интервью главы государства. Как справедливо отмечает Президент Республики Казахстан, данный принцип имеет фундаментальное значение, поскольку охватывает не только правоохранительную сферу, но и политический порядок, обеспечивая единство народа через систему устойчивых

ценностей и символов¹. Представляется, что в условиях трансформации общественных отношений именно закон может и должен стать тем консолидирующим механизмом, который способен преодолеть разобщенность общества и обеспечить его устойчивое развитие. Недопустимость девальвации правовых ценностей, к сожалению, имевшей место на протяжении трех десятилетий суверенного развития стра-

¹ Токаев К.К. Послание Главы государства народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм». URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslaniye-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyi-optimizm-285014> (дата обращения: 09.10.2025).

ны, является важнейшим условием сохранения правопорядка. Как верно отмечал Гегель, закон есть «право и мера», и там, где нарушается мера, наступает бесправие, то есть беззаконие и произвол¹.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью всестороннего осмысления роли и места органов прокуратуры в системе государственной власти Республики Казахстан в контексте конституционных реформ 2017 и 2022 годов. Представляется парадоксальным, что процесс построения суверенного Казахстана в начале 90-х годов XX века сопровождался угрожающей девальвацией вновь созданных правовых ценностей. Это проявилось, прежде всего, в политическом противостоянии главы государства с Верховным Советом Республики Казахстан, его неоднократном роспуске², а затем в одностороннем отказе от Конституции 1993 года и принятии неоднозначной по своим последствиям Конституции 1995 года. В эту деструктивную динамику оказались вовлечены не только политические деятели того периода, но и целый ряд правоохранительных и государственных органов, включая прокуратуру Республики Казахстан. Будучи институтом, призванным стоять на страже законности, прокуратура не смогла в полной мере обеспечить ее соблюдение ни в деликатной сфере взаимоотношений между главой государства и представительной властью, ни в вопросах приватизации государственной собственности, избирательных процессах, ни в иных сферах, где ее деятельность представлялась наиболее целесообразной.

Сказанное обуславливает необходимость обращения к анализу конституционно-правового статуса прокуратуры на различных этапах развития казахстанской государственности. Целью настоящего исследования является анализ эволюции конституционно-правового статуса прокуратуры Республики Казахстан, выявление проблемных аспектов ее функционирования и обоснование предложений по оптимизации ее места в системе разделения властей. Хронологические рамки исследования охватывают период с момента принятия Конституции 1995 года до настоящего времени, включая анализ

конституционных реформ 2017 и 2022 годов, что позволяет проследить динамику развития правового регулирования деятельности прокуратуры и определить перспективные направления ее совершенствования.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области конституционного права, теории государства и права, а также философские работы, включая труды Гегеля о праве и мере³. Нормативную базу исследования образуют Конституция Республики Казахстан 1995 года⁴, Конституционный закон «О Первом Президенте Республики Казахстан – Елбасы»⁵, Конституционный закон «О прокуратуре», а также иные законодательные акты, регулирующие деятельность органов прокуратуры. В работе использованы официальные выступления и интервью главы государства, в которых раскрывается принцип «Закона и порядка»⁶, а также программные документы, определяющие формулу «Сильный Президент – авторитетный Парламент – подотчетное Правительство»⁷.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (диалектический, системный анализ, синтез, индукция, дедукция) и специальные юридические методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой, метод толкования правовых норм). Использование сравнительно-правового метода позволило сопоставить правовой статус прокуратуры в различные исторические периоды развития Казахстана. Формально-юридический метод применялся для анализа содержания конституционных норм и выявления правовых коллизий. Историко-правовой метод способствовал пониманию эволюции института прокуратуры в контексте конкретно-исторической ситуации переходного периода.

³ Брушлинский В. О категории меры у Гегеля. URL: <https://lenincrew.com/measure-of-hegel/#note-14278-1> (дата обращения: 09.10.2025).

⁴ Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 09.10.2025).

⁵ Конституционный Суд РК постановил признать утратившим силу закон о Первом Президенте // Интернет ресурс: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34249129

⁶ Токаев К.К. Послание Главы государства народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм». URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslaniye-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskiy-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 09.10.2025).

⁷ Там же.

¹ Брушлинский В. О категории меры у Гегеля. URL: <https://lenincrew.com/measure-of-hegel/#note-14278-1> (дата обращения: 09.10.2025).

² Серикболсын Абдильдин: Власть или как она достаётся. URL: <https://datnews.info/serikbolsyn-n-abdil-din-vlast-ili-kak/>; Машулы А. Политический путь Серикболсына Абдильдина // Интернет ресурс: <https://rus.azattyq.org/a/serikbolsyn-abdildim-politicheskiy-portret/28885332.html> (дата обращения: 10.10.2025).

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что после принятия Конституции 1995 года органы прокуратуры заняли особое место в системе государственной власти. В оптимизированном виде прокуратура была переподчинена главе государства, а ее компетенция была определена следующим образом: выявление и принятие мер к устранению нарушений Конституции, законодательных актов и актов Президента РК; осуществление надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства; представление интересов государства в суде; опротестование законов и других правовых актов, противоречащих Конституции и законам Республики; в порядке и пределах, установленных законом, осуществление уголовного преследования¹.

Данный круг полномочий определялся характером государственной политики в сфере законности и в полной мере соответствовал концепции прокуратуры как правозащитного органа. По этим основаниям она оказалась в сфере влияния главы государства, поскольку Президент РК, согласно Конституции, является гарантом прав и свобод человека и гражданина, формирует правовую систему государства, вносит законопроекты в Парламент, подписывает и обнародует законы. Конструктивной находкой модели деятельности органов прокуратуры стало наделение этого органа правом опротестования законов и других правовых актов, противоречащих Конституции и законам РК. Теоретическая суть этого права заключалась в том, что в число поднадзорных субъектов должны были входить Парламент, Правительство и даже Президент, а точнее — нормативные правовые акты, издаваемые этими субъектами.

Однако, как показало исследование, в процессе подготовки Конституции 1995 года и внесения в нее последующих изменений и дополнений эта функция органов прокуратуры не получила полного развития и осталась фактически «мертвой». Генеральный прокурор не мог реализовать право опротестования законов, противоречащих Конституции, поскольку законодатель не подкрепил его соответствующим процедурным механизмом. В Конституции, при определении полномочий Парламен-

та, не было указано, что последний вправе рассматривать протесты Генерального прокурора, равно как и не была предусмотрена процедура внесения протеста в Парламент или в одну из его палат. Кроме того, принятые Парламентом законы подписывает Президент РК, которому подотчетны органы прокуратуры, что создавало иллюзию нарушения принципа субординации в случае опротестования. По аналогичным причинам прокурор не мог опротестовывать противоречащие Конституции или закону акты Президента, но при этом был обязан обеспечить надзор за их исполнением, что изначально закладывало противоречие в правовой статус органа.

Существенным результатом конституционного регулирования 1995 года стала оптимизация советской модели органов прокуратуры: она лишилась права вести предварительное следствие и осуществлять общенадзорные полномочия в прежнем объеме. Проект новой прокуратуры сделал этот орган малоэффективным, за некоторым исключением участия прокурора в уголовном и гражданском судопроизводстве. В остальном эффективность деятельности Генерального прокурора и подчиненных ему прокуроров компенсировалась и зависела от позиции, занятой главой государства или его Администрацией по той или иной ситуации, что ставило реализацию надзорных функций в прямую зависимость от политической конъюнктуры.

Недостатки такого положения объективно требовали пересмотра полномочий органов прокуратуры, что было частично реализовано в ходе конституционных реформ 2017 и 2022 годов. Проведенный анализ позволяет утверждать, что данные реформы содержали как элементы ведомственного интереса, так и заимствование неадаптированного опыта стран ОЭСР в части надзора за следствием. Ведомственный интерес проявился в том, что органы прокуратуры по своей инициативе изменили порядок рассмотрения обращений граждан, сузив круг обращающихся, ограничили полномочия надзора за соблюдением законности в деятельности государственных органов и субъектов предпринимательства, а также сузили круг правовых актов, которые может опротестовать прокурор. В настоящее время под опротестование не попадают не только законодательные акты, акты Президента РК и его Администрации, Конституционного Совета, нормативные постановления Верховного Суда, но и акты

¹ Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 09.10.2025).

Высшего Судебного Совета, Высшей аудиторской палаты, а также нормативные акты технического характера.

В контексте модернизации уголовного правосудия на органы прокуратуры еще в 2021 году было возложено согласование ключевых процессуальных решений органов расследования – признания лица подозреваемым, квалификации преступления, прекращения дела. С 2022 года прокуроры получили полномочия самостоятельно составлять по особо тяжким преступлениям и делам о коррупции обвинительные акты, в которых дается анализ всем собранным следствием доказательствам, определяется окончательная квалификация содеянного и принимается решение о предании обвиняемого суду. Представляется, что эти нововведения могут отрицательно отразиться на работе следователей, поскольку такой надзор, по сути, подменяет процессуальную деятельность следствия, приводя к деформации принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя. В результате следователь рискует превратиться в статиста, выполняющего преимущественно техническую работу по сбору, фиксации и легализации доказательств, тогда как ключевые процессуальные решения принимаются прокуратурой.

После проведения конституционной реформы 2022 года в системе государственных органов произошли существенные изменения, которые не могли не затронуть положение прокуратуры. Изменились сроки нахождения у власти Президента страны, порядок избрания депутатов Мажилиса Парламента РК, Правительство было наделено правом законотворчества (часть 2 п. 3 ст. 61 Конституции). Кроме того, в системе государственных органов появился новый субъект – Конституционный Суд, и изменился правовой статус уже существовавших органов – прокуратуры и Уполномоченного по правам человека. Эти изменения, инициированные главой государства, положили начало постепенному переходу к президентско-парламентской форме правления по формуле: «Сильный Президент – авторитетный Парламент – подотчетное Правительство»¹. В новых условиях закономерно встает вопрос о том, насколько существующая модель прокуратуры

соответствует изменившейся архитектуре государственной власти.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов относительно места прокуратуры в системе государственной власти. Многовекторность прокуратуры, заложенная Конституцией 1995 года, изначально позиционировала данный орган как равноудаленный от всех ветвей власти и как один из элементов системы «сдержек и противовесов». Схожее положение, но на более высоком властном уровне, занимает институт Президента РК, который в системе разделения властей не входит ни в одну из них, а находится над ними, обеспечивая их согласованное действие и выступая в роли арбитра.

Важным средством укрепления организационных и функциональных связей прокуратуры и Президента РК является порядок назначения и освобождения Генерального прокурора от должности (подпункт 4 ст. 44 Конституции РК). Такие отношения служат основой подотчетности Генерального прокурора исключительно главе государства. Однако, как показывает практика, данная модель организационных и функциональных связей демонстрирует свою эффективность преимущественно в условиях, когда президентская форма правления не приобретает авторитарных черт. В условиях же гипертрофированной президентской власти институт прокуратуры, как и любой другой правоохранительный орган, рискует утратить способность надлежащим образом выполнять свои функции по надзору за законностью.

Особого внимания в контексте обсуждаемой проблематики заслуживает вопрос о парламентском контроле. Согласно Конституции, непосредственный контроль законодателя за исполнением принятых им законов сведен к минимуму. Парламент не наделен правом прямого контроля за реализацией законов – эту функцию в настоящее время осуществляет преимущественно исполнительная власть. Представляется очевидным, что такой контроль должен обеспечивать если не сам Парламент, то соответствующие его контрольные органы, однако в казахстанском Парламенте они отсутствуют. Данный институциональный пробел требует восполнения, и одним из возможных решений может стать пересмотр вопроса о подчиненности органов прокуратуры.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о переподчинении органов прокуратуры законодательной власти,

¹ Токаев К.К. Послание Главы государства народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм». URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslaniye-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskiiy-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 09.10.2025).

то есть Парламенту, что в большей степени отвечало бы требованиям современного этапа развития правовой системы и реальному соотношению функций ветвей власти. В пользу данного предложения можно привести ряд аргументов.

Во-первых, переподчинение органов прокуратуры Парламенту способно повысить реальную независимость прокуроров, и в первую очередь Генерального прокурора РК. Назначение на должность коллегиальным органом (Парламентом на совместном заседании палат), в отличие от назначения Президентом с согласия депутатов Сената, позволит минимизировать риск возникновения у назначенного лица чувства персональной обязанности перед конкретным должностным лицом и, соответственно, повысит его процессуальную независимость.

Во-вторых, необходимо учитывать, что Президент РК несет значительную ответственность за состояние правовой системы и правопорядка в стране, в связи с чем ему подконтрольны многочисленные правоохранительные и правоприменительные органы. К их числу относятся: Государственная служба охраны Президента, Комитет национальной безопасности, Агентство по делам государственной службы, Агентство по противодействию коррупции (Антикоррупционная служба), Агентство по регулированию и развитию финансового рынка, Агентство по защите и развитию конкуренции, Агентство по стратегическому планированию и реформам, Агентство по финансовому мониторингу и прокуратура. В этих условиях объективность осуществления прокуратурой высшего надзора за законностью в отношении вышеназванных органов вызывает обоснованные сомнения, поскольку все они, включая саму прокуратуру, подотчетны одному должностному лицу.

В-третьих, у прокуратуры с Парламентом прослеживается более тесная предметная связь, чем с институтом Президента. Парламент принимает законы, а прокуратура призвана организовывать высший надзор за соблюдением законности, реализуя тем самым принцип реального действия права в государстве. Акты Президента и его Администрации в настоящее время выведены из-под надзора органов прокуратуры, однако в долгосрочной перспективе они, как подзаконные акты, могли бы быть включены в сферу ее компетенции. Представляется аксиоматичным, что любой

государственный или общественный институт, не имеющий внешнего, стороннего надзора, со временем подвергается деградации.

В-четвертых, Парламент в системе разделения властей выступает как инструмент «сдержки и противовеса» по отношению к Правительству. Однако в соответствии с частью третьей п. 3 ст. 61 Конституции РК Правительство наделено правом временного законотворчества. В таких ситуациях функцию внешнего надзора могли бы принять на себя органы прокуратуры, тем более что акты, издаваемые Правительством, уже входят в круг их компетенции.

В-пятых, в рамках конституционных реформ 2022 года был принят Конституционный закон «О прокуратуре», предусматривающий новые полномочия Генерального прокурора по принятию нормативных правовых актов об организации досудебного расследования в системе органов прокуратуры. Наличие таких полномочий у органа, подконтрольного Парламенту, позволило бы последнему не только проводить парламентские расследования в порядке п. 2 ст. 47 Конституции РК, но и в случае выявления признаков преступлений передавать материалы в прокуратуру как правоохранительный орган, подотчетный непосредственно законодательной власти. Это создало бы завершенный механизм парламентского контроля, подкрепленный реальными правовыми последствиями.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования конституционно-правового статуса прокуратуры с учетом новых реалий развития государственности и утверждения принципа «Закон и порядок» как фундаментальной основы правовой системы Республики Казахстан.

Заключение

Проведенное в рамках настоящего исследования комплексное рассмотрение эволюции конституционно-правового статуса прокуратуры Республики Казахстан позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Установлено, что институт прокуратуры Республики Казахстан прошел сложную эволюцию от советской модели всеобъемлющего надзорного органа до современного правозащитного института с существенно ограничен-

ными полномочиями. Конституционная реформа 2022 года ознаменовала качественно новый этап в развитии государственного управления, закрепив переход к модели, основанной на формуле «Сильный Президент – авторитетный Парламент – подотчетное Правительство». Данная трансформация объективно требует пересмотра места прокуратуры в обновленной системе разделения властей, поскольку прежняя модель, ориентированная на подчинение прокуратуры главе государства, перестает в полной мере соответствовать новым реалиям.

Проведенный анализ позволил выявить ряд системных проблем, препятствующих эффективному функционированию органов прокуратуры. К их числу относятся: недостаточная процессуальная самостоятельность следователей, обусловленная расширением надзорных полномочий прокуратуры в досудебном производстве; ограниченность парламентского контроля за исполнением законов, что создает дисбаланс в системе сдержек и противовесов; а также поднадзорность всех правоохранительных органов одному должностному лицу – Президенту Республики Казахстан, что ставит под сомнение возможность объективного и независимого осуществления прокурорского надзора в отношении иных органов, подчиненных главе государства.

Указанные проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового статуса прокуратуры с учетом новых конституционных реалий и утверждения принципа «Закон и порядок» как фундаментальной

основы правовой системы. В свете проведенного анализа наиболее перспективным направлением оптимизации представляется переподчинение органов прокуратуры Парламенту. Реализация данной модели позволит достичь нескольких важных целей: во-первых, усилить систему сдержек и противовесов посредством передачи надзорного органа под контроль законодательной ветви власти; во-вторых, повысить реальную независимость прокуроров, устранив их прямую подотчетность главе государства; в-третьих, обеспечить подлинный парламентский контроль за исполнением законов, который в настоящее время осуществляется преимущественно исполнительной властью.

Поднятые в настоящем исследовании вопросы, несмотря на их возможную дискуссионность, имеют принципиальное значение для дальнейшего развития правовой системы Республики Казахстан. Их игнорирование означало бы фактическое устранение от поиска решений назревших проблем, что может привести к усугублению выявленных дисбалансов. В этой связи представляется, что затронутая проблематика требует дальнейшего научного осмысления. Перспективные направления исследований могут быть связаны с разработкой конкретных правовых механизмов реализации предложенной модели переподчинения прокуратуры Парламенту, а также с анализом зарубежного опыта функционирования прокуратуры в парламентских республиках с целью выявления наиболее эффективных моделей, адаптируемых к казахстанским реалиям.

Э.Б. Мұхамеджанов¹

¹заң ғылымдарының докторы, профессор, Каспий университетінің жария құқық ғылыми-зерттеу институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы қ., Қазақстан)

ORCID: 0009-0002-1285-1681, e-mail: ebm-58@mail.ru

ЖАҢА ҚАЗАҚСТАННЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК- ҚҰҚЫҚТЫҚ ИНСТИТУТТАР ЖҮЙЕСІНДЕГІ ПРОКУРАТУРАНЫҢ ОРНЫ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ ҚАТЫСТЫ

Андатпа

Мақала Қазақстан Республикасының прокуратурасының конституциялық-құқықтық мәртебесінің эволюциясын «Заң және тәртіп» қағидатын іске асыру және 2017 және 2022 жылдардағы конституциялық реформалар контекстінде талдауға арналған. Зерттеуде прокуратура өкілеттіктерінің кең ауқымды қадағалауға негізделген кеңестік модельден шектеулі құзыреті

бар қазіргі заманғы құқық қорғаушы институтқа дейінгі трансформациясы қарастырылған. Зерттеудің әдіснамалық негізін жалпығылыми таным әдістері мен арнайы құқықтық әдістер құрайды. Ерекше назар нормативтік құқықтық актілерге наразылық білдіру құқығын талдауға аударылған. Дегенмен бұл құқық *de jure* 1995 жылғы Конституциямен прокуратураға берілгенімен, тиісті процессуалдық тетіктің болмауына байланысты *de facto* іске асырылмай қалған. Сонымен қатар прокуратура қызметінің жүйелік проблемалары айқындалған, атап айтқанда: тергеушілердің процессуалдық дербестігінің жеткіліксіздігі, заңдардың орындалуын парламенттік бақылаудың шектеулілігі, сондай-ақ барлық құқық қорғау органдарының мемлекет басшысына бағыныстылығы. Бұл жағдайлар прокурорлық қадағалаудың объективтілігіне күмән туғызады. Жүргізілген талдау негізінде президенттік-парламенттік басқару нысанына көшу жағдайында прокуратура органдарының мәртебесін оңтайландырудың неғұрлым перспективалы бағыты ретінде оларды Парламентке қайта бағындыру жөнінде ұсыныс негізделеді. Автор мұндай институционалдық өзгеріс биліктің тежемелік әрі тепе-теңдік жүйесін нығайтуға, прокурорлардың тәуелсіздігін арттыруға және заңдардың орындалуына нақты парламенттік бақылауды қамтамасыз етуге мүмкіндік беретінін дәлелдейді.

Түйін сөздер: прокуратура, конституциялық-құқықтық мәртебе, биліктің бөлінуі, тежемелік және тепе-теңдік жүйесі, парламенттік бақылау, конституциялық реформа.

E.B. Mukhamedzhanov¹

¹Doctor of Law, Professor, Chief Research Fellow, Research Institute of Public Law, Caspian University (Almaty, Kazakhstan)

ORCID: 0009-0002-1285-1681, e-mail: ebm-58@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE PLACE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SYSTEM OF STATE-LEGAL INSTITUTIONS OF THE NEW KAZAKHSTAN

Abstract

This article examines the evolution of the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan in the context of the implementation of the principle of "Law and Order" and the constitutional reforms of 2017 and 2022. The study analyzes the transformation of prosecutorial powers from the Soviet model of comprehensive supervision to a modern human rights-oriented institution with limited competence. The methodological framework of the study is based on general scientific methods of cognition and specialized legal research methods. Particular attention is devoted to the analysis of the power to challenge normative legal acts. Although this power was granted to the prosecutor *de jure* by the 1995 Constitution, it has remained *de facto* unrealized due to the absence of an appropriate procedural mechanism. The research also identifies systemic problems in the functioning of the Prosecutor's Office, including the insufficient procedural independence of investigators, the limited scope of parliamentary control over the implementation of laws, and the subordination of all law enforcement bodies to the Head of State. These factors raise doubts about the objectivity of prosecutorial supervision. Based on the analysis conducted, the author substantiates the proposal to subordinate the Prosecutor's Office to Parliament as the most promising direction for optimizing its institutional status within the transition to a presidential-parliamentary form of government. The author argues that such institutional reconfiguration would strengthen the system of checks and balances, enhance the independence of prosecutors, and ensure effective parliamentary oversight over the enforcement of laws.

Keywords: prosecutor's office, constitutional and legal status, separation of powers, system of checks and balances, parliamentary oversight, constitutional reform.

ГРНТИ 10.17.31

УДК 342.9:347.998.85

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-25-31

А.А. Караев^{1*}, А.Т. Байзаков²

¹к.ю.н., профессор, главный научный сотрудник
института законодательства и правовой информации
(г. Астана, Казахстан)

²м.ю.н., юрист департамента правового обеспечения
АО «Национальный
центр государственной научно-технической экспертизы»
(г. Алматы, Казахстан)

ORCID: 0009-0003-0413-3177, e-mail: a.baizakov@ncste.kz

О ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕДУРНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация

В статье анализируются теоретические и практические аспекты реализации закрепленного в статье 10 АППК РК принципа соразмерности (включающего пригодность, необходимость и пропорциональность) в контексте проблем его системного применения в казахстанском административном судопроизводстве, а также в свете доктринальной дискуссии о его терминологическом соотношении с пропорциональностью и исторических корнях, уходящих в прусское полицейское право XIX века. В статье прослеживается эволюция научных взглядов от формального требования законности к современному пониманию соразмерности как инструмента взвешивания конкурирующих интересов, разработанному в трудах немецких ученых Р. Краусса и П. Лерше. Эмпирическую основу исследования составил анализ решения Специализированного межрайонного административного суда города Астаны по делу № 7194-25-00-4/315 об оспаривании итогов конкурса «Лучший научный работник – 2024». На данном примере демонстрируются последствия несоблюдения каждого из элементов принципа: отсутствие оценки фактической исполнимости судебного акта, игнорирование альтернативных способов защиты и нарушение баланса интересов истца и 50 лауреатов премии, что повлекло невозможность исполнения судебного акта и создало угрозу правам третьих лиц.

Проведенный анализ позволяет заключить, что формальный подход к применению статьи 10 АППК РК нивелирует охранительный потенциал принципа соразмерности. Обосновывается необходимость системного применения всех элементов теста на соразмерность в административном судопроизводстве для обеспечения законности судебных актов и баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: принцип соразмерности, принцип пропорциональности, административная процедура, административное судопроизводство, административный акт, публичные интересы, судебная практика, административное право Республики Казахстан

Введение

Принцип соразмерности, нормативно закрепленный в статье 10 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – АППК РК), выступает в качестве фундаментального критерия

легитимности вмешательства публичной власти в сферу прав и свобод человека. Выступая межотраслевым регулятором, данный принцип конституционализирует административное судопроизводство, задавая параметры допустимого ограничения прав в публичных интересах. Законодатель, имплементируя евро-

* Автор-корреспондент e-mail: ali_agahan@mail.ru

пейские стандарты административной юстиции, структурировал принцип соразмерности посредством выделения трех обязательных элементов: пригодности (*Geeignetheit*), необходимости (*Erforderlichkeit*) и пропорциональности в узком смысле (*Angemessenheit*). В своей совокупности данные элементы образуют нормативную модель, призванную обеспечить баланс между публичным интересом и недопустимостью чрезмерного (*übermäßig*) ограничения конституционных прав личности.

Однако формальное закрепление данной трехступенчатой структуры в тексте АППК РК не снимает концептуальных вопросов, связанных с ее интерпретацией. В юридической доктрине сохраняется дискуссия, обусловленная как терминологической неопределенностью, так и различиями в правовых традициях. Спорным остается вопрос о соотношении понятий «соразмерность» и «пропорциональность»: рассматривать ли их как синонимичные категории (восходящие к англо-саксонскому *principle of proportionality*) или как самостоятельные правовые феномены, где пропорциональность выступает лишь заключительной стадией теста на соразмерность. Более того, отсутствие в теории административного права единой методологии применения теста на допустимость ограничения прав порождает риски судебного усмотрения и фрагментарного применения норм АППК РК, что требует доктринального осмысления.

Именно данная теоретическая неопределенность предопределяет научно-практическую значимость настоящего исследования, поскольку без концептуализации принципа соразмерности как целостного правового института невозможно оценить качество его имплементации в правоприменительной практике. Особую актуальность приобретает анализ того, насколько последовательно административные суды Республики Казахстан применяют элементы соразмерности при разрешении конкретных споров. Как показывает практика, несоблюдение данных элементов способно нивелировать гарантии судебной защиты и привести к дисбалансу публичных и частных интересов, что требует выявления соответствующих дефектов правоприменения. В этой связи целью настоящего исследования выступает комплексный теоретико-прикладной анализ принципа соразмерности, выявление проблем его интерпретации в доктрине и оценка релевантности судебного применения на основе анализа конкретного административного дела.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили положения статьи 10 АППК РК, нормы дей-

ствующего административного законодательства, а также научные труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные природе принципа соразмерности и его соотношению с принципом пропорциональности (В.А. Третьяков, А.А. Бажанов, А.В. Должиков, Р. Краусс, П. Лерше). Эмпирическую базу составили материалы судебной практики, в частности решение Специализированного межрайонного административного суда города Астаны по делу № 7194-25-00-4/315 об оспаривании решения конкурсной комиссии Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Методологическая основа работы построена на использовании формально-юридического метода при анализе нормативных положений, историко-правового метода при рассмотрении генезиса принципа соразмерности в прусском административном праве, сравнительно-правового метода при сопоставлении отечественной и германской доктрины, а также метода правового анализа судебной практики для оценки соблюдения элементов принципа соразмерности при вынесении судебного решения.

Результаты и обсуждение

Теоретико-правовые основы принципа соразмерности. Статья 10 АППК РК закрепляет принцип соразмерности, который выступает в качестве фундаментального регулятора как на стадии административной процедуры, так и в ходе административного судопроизводства. Законодатель имплементировал трехступенчатую структуру данного принципа, известную в континентальном праве. Во-первых, пригодность (англ. *suitability*) означает, что применяемые административным органом меры должны объективно способствовать достижению целей, предусмотренных законодательством. Во-вторых, необходимость (англ. *necessity*) предписывает, что из всех возможных средств достижения цели должно выбираться то, которое в наименьшей степени ограничивает права и свободы участников административной процедуры. В-третьих, пропорциональность в узком смысле (англ. *proportionality stricto sensu*) требует, чтобы объем общественных благ, полученных в результате ограничения прав, превышал вред, причиненный данным ограничением, то есть чтобы публичный интерес не обеспечивался ценой непропорционального ущемления частных интересов.

Однако нормативное закрепление структуры принципа не снимает теоретических противоречий, связанных с его понятийным аппаратом. В юридической литературе дискуссионным остается вопрос о соотношении терминов

«соразмерность» и «пропорциональность». Так, В.А. Третьяков рассматривает принцип соразмерности как категорию, определяющую правомерность ограничения прав и свобод человека для достижения законных целей, а также устанавливающую пределы полномочий государственных органов [1]. В англоязычной традиции оба понятия охватываются термином «principle of proportionality». Это позволяет сделать вывод, что в казахстанском правовом контексте принцип соразмерности, включающий элемент пропорциональности, является аналогом общеевропейского стандарта защиты прав от чрезмерного вмешательства публичной власти. Тем не менее, для более глубокого понимания содержания данного стандарта недостаточно ограничиться лишь его телеологическим толкованием — необходим анализ его исторического генезиса.

Генезис и доктринальное развитие принципа. Обращение к истории зарождения принципа соразмерности позволяет выявить те концептуальные основания, которые предопределили его современную структуру. Большинство исследователей сходятся во мнении, что данный принцип был разработан в административном (полицейском) праве Пруссии в XIX веке. Первоначально он подразумевал обязанность государственных органов применять меры принуждения исключительно на основании закона и только для достижения установленных им целей. При этом сами меры должны были быть соразмерны совершенному правонарушению [2].

Эволюция данного подхода не ограничилась формальным требованием законности, что подтверждается наблюдениями А.В. Должикова. Ученый справедливо отмечает: «причем данные меры должны реально обеспечивать достижение заявленной цели и не являться чрезмерно (сверх необходимого) обременительными для лиц, в отношении которых они применяются. Не провозглашая принцип соразмерности эксплицитно, прусские административные суды фактически заложили основные аспекты его современного понимания» [3].

Дальнейшая доктринальная разработка принципа связана с именами немецких ученых Рупрехта Краусса и Питера Лерше, которые перевели эмпирические наработки судов на уровень системной теории. Именно Краусс ввел термин «пропорциональность в узком смысле», определив ее как составную часть общего принципа соразмерности. По его мнению, «логическое значение слова "соразмерность" предполагает, что речь идет о соотношении двух или более объектов, которые могут быть сопоставимы и соответствуют друг другу определенным образом» [4]. Краусс рассматривал со-

размерность как тест, позволяющий защитить основные права от чрезмерного ограничения. Он подчеркивал, что если критерием законности выступает только необходимость, то даже незначительный общественный интерес может оправдать серьезное нарушение прав, что недопустимо [2].

Развивая эту мысль, П. Лерше акцентировал внимание на важности структурного анализа ограничений. Он предупреждал, что любая мера может быть представлена как «необходимая», если цель, которой она служит, определяется слишком широко, что требует применения формализованного теста для оценки допустимости ограничений [2]. Таким образом, усилиями немецкой доктрины принцип соразмерности приобрел завершенную аналитическую форму.

В современном понимании, как резюмирует А.А. Бажанов, принцип соразмерности предполагает не просто проверку наличия легитимной цели и соответствия ей средств, но и обязательное сопоставление («взвешивание») затрагиваемых публичных и частных интересов [2]. Именно этот доктринальный вывод приобретает ключевое значение при переходе от теории к практике, поскольку он задает параметры оценки конкретных судебных решений.

Проблемы применения принципа соразмерности в судебной практике (дело М.К. Жабагина). Абстрактная модель теста на соразмерность обретает реальное содержание лишь при соприкосновении с конкретными казусами. Показательным в этом смысле является административное дело по иску М.К. Жабагина к Министерству науки и высшего образования Республики Казахстан, где несоблюдение элементов соразмерности привело к правовой неопределенности.

Решением Специализированного межрайонного административного суда города Астаны № 7194-25-00-4/315 от 12 марта 2025 года иск был удовлетворен. Суд признал незаконным протокол заседания Республиканской конкурсной комиссии по присуждению ежегодной премии «Лучший научный работник» 2024 года в части исключения истца из ранжированного списка и обязал Министерство принять с учетом правовой позиции суда благоприятный административный акт в пользу М.К. Жабагина.

Для понимания контекста спора необходимо кратко изложить его фактические обстоятельства. 8 ноября 2024 года Министерство объявило конкурс на соискание премии. Протоколом от 27 декабря 2024 года комиссия подвела итоги, определив 50 лауреатов, и исключила М.К. Жабагина из ранжированного списка. Истец оспорил данное решение, требуя понудить ответчика принять акт о присуждении ему пре-

мии. Суд, руководствуясь статьями 14 и 157 АППК РК, счел требования подлежащими удовлетворению, фактически предписав восстановить права истца путем пересмотра его кандидатуры.

Однако при оценке законности и обоснованности данного решения обнаруживается его противоречие фундаментальным требованиям статьи 10 АППК РК. Применяя к судебному акту тест на соразмерность, можно выявить существенные нарушения на каждой из трех стадий проверки.

Пригодность. Первый элемент теста — пригодность — требует оценки того, ведет ли избранный судом способ защиты к достижению заявленной цели. В данном случае суд избрал понуждение к принятию благоприятного акта по итогам конкурса 2024 года. Однако итоги конкурса «Лучший научный работник – 2024» были подведены 27 декабря 2024 года, список из 50 победителей утвержден и опубликован. На момент вынесения судебного решения конкурсная процедура была завершена. Возникает вопрос о принципиальной исполнимости судебного акта: можно ли «пересмотреть кандидатуру» для участия в уже завершенном конкурсе, не аннулируя при этом его результаты? Пригодность предписанной судом меры вызывает серьезные сомнения, так как объективная невозможность ее реализации (ввиду истечения сроков и подведения итогов) ставит под вопрос саму способность этого решения восстановить права истца.

Если пригодность меры вызывает сомнения, то следующим шагом теста становится проверка ее необходимости, то есть поиск наименее обременительного варианта.

Необходимость. Суд, предписывая принять благоприятный акт, не мотивировал, почему именно этот способ (включение в список победителей прошедшего конкурса) является наименее обременительным и единственно возможным. С точки зрения необходимости, следовало оценить, существует ли альтернативный способ восстановления прав истца, не затрагивающий права третьих лиц. Например, компенсация морального вреда или материальное поощрение за счет резервных средств. Требование о пересмотре итогов завершеного конкурса не является наименьшим злом, поскольку оно неизбежно вторгается в сферу прав и законных ожиданий уже объявленных лауреатов. Отсутствие в решении анализа альтернативных мер защиты свидетельствует о несоблюдении элемента «необходимость».

Однако даже если бы альтернатив не существовало, суду надлежало пройти третью, заключительную стадию проверки – оценку пропорциональности, где происходит взвешивание

конкурирующих интересов.

Пропорциональность (в узком смысле). Наиболее уязвимым аспектом решения является именно нарушение баланса интересов. Суд, защищая права одного лица, не оценил последствия такого восстановления для прав 50 лауреатов премии, которые добросовестно выполнили условия конкурса и чей статус был официально подтвержден. Включение М.К. Жабагина в число победителей *post factum* автоматически означает либо исключение одного из действующих лауреатов (что нарушит его права), либо расширение списка победителей сверх установленного лимита (что нарушит условия конкурса). В обоих случаях вред, причиненный публичному порядку и частным интересам третьих лиц, не просто равен, а, вероятно, превышает пользу от восстановления прав истца именно таким способом.

Таким образом, кумулятивный эффект выявленных нарушений приводит к тому, что решение суда, призванное защитить права, порождает системную проблему. Решение суда порождает ситуацию, при которой защита прав одного участника административной процедуры приводит к неопределенности правового положения 50 иных участников, что противоречит самой идее пропорциональности. Как следствие, перед Министерством науки и высшего образования поставлена трудноразрешимая задача, а само решение создает угрозу необоснованного нарушения прав более широкого круга лиц.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что принцип соразмерности, нормативно закрепленный в статье 10 АППК РК, представляет собой не просто декларативное требование к осуществлению административных процедур, но фундаментальный материально-правовой критерий легитимности публично-властного вмешательства в сферу прав и свобод человека. Являясь инструментальным выражением конституционного принципа справедливости, соразмерность имплицитно обязывает суд и административного органа осуществлять многоступенчатую проверку принимаемых решений на предмет их пригодности, необходимости и пропорциональности.

Теоретический анализ генезиса и доктринальных подходов к пониманию соразмерности (В.А. Третьяков, А.В. Должиков, Р. Краусс, П. Лерше) демонстрирует эволюцию данного принципа от узкоотраслевого полицейского требования в прусском праве XIX века до универсального стандарта защиты прав человека,

предполагающего обязательное взвешивание конкурирующих публичных и частных интересов. Особую значимость для отечественной правовой системы приобретает германская доктринальная традиция, рассматривающая соразмерность как структурированный тест, позволяющий минимизировать судебный субъективизм и обеспечить предсказуемость правоприменения.

Эмпирический анализ судебного решения по делу М.К. Жабагина выявил существенный разрыв между нормативным содержанием принципа соразмерности и практикой его применения судами первой инстанции. Удовлетворяя иски, Специализированный межрайонный административный суд города Астаны ограничился формальной констатацией нарушения прав истца, проигнорировав необходимость последовательного применения теста на соразмерность. В частности:

- критерий пригодности не был оценен с точки зрения принципиальной исполнимости судебного акта в условиях завершенной конкурсной процедуры;

- критерий необходимости не получил развития в части анализа альтернативных, менее обременительных способов восстановления прав истца;

- критерий пропорциональности (в узком смысле) не был применен для взвешивания последствий восстановления прав одного лица и неизбежного ущемления законных интересов 50 лауреатов премии.

Подобный формально-догматический подход нивелирует охранительный потенциал принципа соразмерности и способен трансформировать судебную защиту из средства восстановления справедливости в источник новой правовой неопределенности. Игнорирование требования о соблюдении баланса интересов приводит к парадоксальной ситуации, при которой защита прав индивидуального субъекта осуществляется ценой необоснованного ограничения прав более широкого круга лиц, что противоречит самой сущности правосудия.

В более широком теоретическом контексте выявленные проблемы свидетельствуют о незавершенности процесса институционализа-

ции принципа соразмерности в казахстанской административной юстиции. Формальное закрепление данного принципа в тексте АППК РК не гарантирует его адекватного применения без соответствующей доктринальной проработки и формирования единообразной судебной практики. Отсутствие у правоприменителя навыков системного применения теста на соразмерность создает риски судебного активизма и подрывает правовую определенность как фундаментальную ценность правового государства.

Перспективы дальнейших научных изысканий в данной области могут быть связаны с разработкой методических рекомендаций по применению принципа соразмерности в административном судопроизводстве, а также с компаративным анализом практики его имплементации в странах континентальной правовой семьи. Практическая значимость настоящего исследования заключается в обосновании необходимости более строгого следования структуре теста на соразмерность при вынесении судебных актов по административным делам, затрагивающим конкурирующие интересы различных участников правоотношений.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что несоблюдение судом первой инстанции требований статьи 10 АППК РК при рассмотрении дела М.К. Жабагина поставило Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан перед объективной невозможностью надлежащего исполнения судебного акта без нарушения прав 50 лауреатов премии «Лучший научный работник – 2024», итоги которой были подведены 27 декабря 2024 года. На момент завершения настоящего исследования решение Специализированного межрайонного административного суда города Астаны № 7194-25-00-4/315 от 12 марта 2025 года не вступило в законную силу, что сохраняет потенциальную возможность для апелляционной инстанции устранить выявленные нарушения путем переоценки дела с позиций доктрины соразмерности и восстановления нарушенного баланса публичных и частных интересов.

Список литературы

1. Третьяков В.А. Общая характеристика принципа соразмерности (пропорциональности) // Юридическая наука. – 2021. – № 1. – С. 13-15.
2. Бажанов А.А. Обоснование принципа соразмерности в практике Федерального Конституционного суда Германии (1950–1960 гг.) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 5. – С. 159-168.
3. Должиков А.В. Влияние конституционных прав на российскую правовую систему // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 6 (91). – С. 109–120.
4. Krauss R. von. Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. In seiner Bedeutung für die Notwendigkeit des Mittels im Verwaltungsrecht. – Hamburg : Appel, 1955. – 138 p.

References

1. Tretyakov V.A. Obshchaya kharakteristika printsipa sorazmernosti (proportionalnosti) // Yuridicheskaya nauka. – 2021. – № 1. – S. 13–15.
2. Bazhanov A.A. Obosnovaniye printsipa sorazmernosti v praktike Federalnogo Konstitutsionnogo suda Germanii (1950–1960 gg.) // Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina. – 2018. – № 5. – S. 159–168.
3. Dolzhikov A.V. Vliyaniye konstitutsionnykh prav na rossyskuyu pravovuyu sistemu // Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye. – 2012. – № 6 (91). – S. 109–120.
4. Krauss R. von. Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. In seiner Bedeutung für die Notwendigkeit des Mittels im Verwaltungsrecht. – Hamburg: Appel, 1955. – 138 S.

А.А. Қараев¹, А.Т. Байзақов²

¹заң ғылымдарының кандидаты, профессор, Қазақстан Республикасы
Заңнама және құқықтық ақпарат институтының бас ғылыми қызметкері
(Астана қ., Қазақстан)

²заң магистрі, «Ұлттық мемлекеттік ғылыми-техникалық сараптама
орталығы» АҚ құқықтық қамтамасыз ету департаментінің заңгері
(Алматы қ., Қазақстан)

ORCID: 0009-0003-0413-3177, e-mail: a.baizakov@ncste.kz

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ӘКІМШІЛІК ПРОЦЕДУРАЛЫҚ-ПРОЦЕСТІК КОДЕКСІНДЕГІ СӘЙКЕСТІЛІК ҚАҒИДАТЫНЫҢ МАҢЫЗЫ ТУРАЛЫ: ТЕОРИЯ МЕН ТӘЖІРИБЕ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Андатпа

Мақалада Қазақстан Республикасының Әкімшілік процедуралық-процестік кодексінің 10-бабында бекітілген сәйкестілік қағидатын (оның құрамдас элементтері – жарамдылық, қажеттілік және пропорционалдылық) іске асырудың теориялық және тәжірибелік қырлары талданды. Зерттеу аталған қағидатты Қазақстандағы әкімшілік сот ісін жүргізуде жүйелі түрде қолдану мәселелері тұрғысынан, сондай-ақ оның пропорционалдылық ұғымымен терминологиялық арақатынасына қатысты доктриналық пікірталастар және XIX ғасырдағы пруссиялық полиция құқығынан бастау алатын тарихи тамырлары аясында жүргізілді. Мақалада заңдылықты формалды түрде сақтау талабынан бәсекелес мүдделерді теңгерудің құралы ретіндегі қазіргі заманғы сәйкестілік қағидатын түсінуге дейінгі ғылыми көзқарастар эволюциясы қарастырылды. Бұл тұжырымдама неміс ғалымдары Р. Краусс пен П. Лерше еңбектерінде дамытылған. Зерттеудің эмпирикалық негізін Астана қаласының Мамандандырылған ауданаралық әкімшілік сотының № 7194-25-00-4/315 іс бойынша «Үздік ғылыми қызметкер – 2024» конкурсының қорытындыларын даулау жөніндегі шешімін талдау құрайды. Аталған мысал арқылы қағидаттың әрбір элементін сақтамаудың салдары көрсетіледі: сот актісінің нақты орындалу мүмкіндігін бағаламау, құқықтарды қорғаудың баламалы тәсілдерін елемей, сондай-ақ талапкер мен сыйлықтың 50 лауреатының мүдделері арасындағы тепе-теңдіктің бұзылуы. Бұл жағдай сот актісін орындаудың мүмкін еместігіне әкеліп, үшінші тұлғалардың құқықтарына қауіп төндірген.

Жүргізілген талдау Қазақстан Республикасының ӘППК-нің 10-бабын қолданудағы формалдық тәсіл сәйкестілік қағидатының құқық қорғаушылық әлеуетін төмендететінін көрсетеді. Осыған байланысты әкімшілік сот ісін жүргізуде сот актілерінің заңдылығын қамтамасыз ету және жария әрі жеке мүдделердің теңгерімін сақтау мақсатында сәйкестілік қағидатының барлық элементтерін жүйелі түрде қолданудың қажеттілігі негізделеді.

Түйіндісөздер: сәйкестілік қағидаты, пропорционалдылық қағидаты, әкімшілік рәсім, әкімшілік сот ісін жүргізу, әкімшілік акт, жария мүдделер, сот практикасы, Қазақстан Республикасының әкімшілік құқығы.

A.A. Karaev¹, A.T. Baizakov²

¹Candidate of Legal Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

²Master of Laws, Legal Counsel, Department of Legal Support, JSC "National Center for State Scientific and Technical Expertise" (Almaty, Kazakhstan)
ORCID: 0009-0003-0413-3177, e-mail: a.baizakov@ncste.kz

ON THE SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY IN THE ADMINISTRATIVE PROCEDURAL AND PROCESSUAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Abstract

This article analyzes the theoretical and practical aspects of the implementation of the principle of proportionality enshrined in Article 10 of the Administrative Procedural and Processual Code of the Republic of Kazakhstan, which includes the elements of suitability, necessity, and proportionality in the strict sense. The study examines the problems of its systematic application in administrative adjudication in Kazakhstan, as well as the doctrinal debate concerning its terminological correlation with proportionality and its historical origins in the nineteenth-century Prussian police law. The article traces the evolution of scholarly approaches from the formal requirement of legality to the contemporary understanding of proportionality as a mechanism for balancing competing interests, developed in the works of German scholars R. Krauss and P. Lerche. The empirical basis of the research is the analysis of the decision of the Specialized Inter-District Administrative Court of Astana in case No. 7194-25-00-4/315 concerning the challenge of the results of the "Best Researcher – 2024" competition. This case illustrates the consequences of failing to comply with each element of the proportionality principle: the absence of an assessment of the practical enforceability of the judicial act, the disregard of alternative remedies, and the disruption of the balance between the interests of the claimant and the 50 prize laureates. As a result, the judicial act proved impossible to enforce and created a threat to the rights of third parties.

The conducted analysis demonstrates that a formalistic approach to the application of Article 10 of the Administrative Procedural and Processual Code of the Republic of Kazakhstan diminishes the protective potential of the principle of proportionality. The article substantiates the necessity of the systematic application of all elements of the proportionality test in administrative adjudication in order to ensure the legality of judicial acts and to maintain a proper balance between public and private interests.

Keywords: principle of proportionality, proportionality test, administrative procedure, administrative adjudication, administrative act, public interests, judicial practice, administrative law of the Republic of Kazakhstan.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ISTIR 10.33.01

UDC 341.63

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-32-44

M.K. Suleimenov¹, A.E. Dyusenova^{2*}

¹Doctor of Law, Professor, Director of the Research Institute of Private Law at Caspian Public University, Chairman of the Kazakhstan International Arbitration, Member of the International Council under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, Chairman of the Board of the Arbitration Chamber of Kazakhstan, Member of the Scientific Advisory Council under the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
(Almaty, Kazakhstan)

²Executive Director of the Kazakhstan International Arbitration, Leading Research Fellow at the Research Institute of Private Law of Caspian Public University, Member of the Board of the Arbitration Chamber of Kazakhstan,
(Almaty, Kazakhstan)

HARMONIZATION OF THE ARBITRATION LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN WITH THE UNCITRAL MODEL LAW: GENESIS, EVOLUTION AND PROSPECTS

Abstract

The article is devoted to the analysis of the process of harmonization of the arbitration legislation of the Republic of Kazakhstan with the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. It examines the evolution of legal regulation from the dualistic model of 2004 (separate laws on arbitral tribunals and international commercial arbitration) to the unified Law "On Arbitration" of 2016. The authors analyze the key stages of implementation of the UNCITRAL Model Law provisions, including the amendments of 2010, 2017, 2019, and 2022 aimed at eliminating identified inconsistencies. Particular attention is paid to the problem of excessive borrowing from civil procedural legislation, which has led to the "judicialization" of arbitral proceedings. The article identifies systemic shortcomings of the current Law, including terminological uncertainty, deficiencies in the mechanism of notification of parties, the presence of institutions alien to arbitration (revision based on newly discovered circumstances, mandatory record-keeping of hearings), and an unjustifiably expanded list of grounds for setting aside arbitral awards. Specific proposals for further improvement of the legislation are formulated. Their implementation is expected to enhance Kazakhstan's investment attractiveness and strengthen its status as an arbitration-friendly jurisdiction for international commercial arbitration.

Keywords: harmonization, UNCITRAL Model Law, arbitration, legislation, Kazakhstan, reform.

Introduction

The institution of arbitration as an alternative jurisdictional mechanism for resolving private law disputes has been operating within the legal system of the Republic of Kazakhstan for

just over three decades. During this relatively short historical period, it has undergone several qualitatively distinct stages of institutional development and normative evolution, demonstrating both phases of liberalization and periods of tightened regulatory approaches. This dynamic

* Автор-корреспондент e-mail: aseld@mail.ru

reflects a complex process of seeking an optimal balance between party autonomy and public-law control exercised by the state, as well as between alignment with international standards and the preservation of national specificity in legal practice.

A significant milestone in this process occurred on 28 December 2004, when the first comprehensive package of normative legal acts was adopted, laying the foundation for modern arbitral proceedings in Kazakhstan: the Law of the Republic of Kazakhstan "On Arbitral Tribunals" (hereinafter – the Law on Arbitral Tribunals), the Law of the Republic of Kazakhstan "On International Commercial Arbitration" (hereinafter – the Law on International Commercial Arbitration), as well as related amendments and additions to the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter – the CPC). The adoption of this legislative package played a pivotal role in the revival and legitimization of non-state dispute resolution mechanisms, establishing the legal framework for both ad hoc arbitration and permanent arbitral institutions, including the Kazakhstan International Arbitration (KIA).

An analysis of the legislative experience of the CIS member states demonstrates the emergence of a specific regional approach: unlike the unified model embodied in the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (hereinafter – the UNCITRAL Model Law), legislators in these countries opted for a dualistic regulatory framework by adopting separate laws governing domestic arbitral proceedings and international commercial arbitration. The Republic of Kazakhstan was no exception to this trend. The conceptual rationale for preparing two independent legislative acts was rooted in the intention of the national legislator to preserve a differentiated approach to the degree of autonomy and the level of judicial control depending on the nature of the dispute. With respect to domestic arbitral tribunals, it was envisaged that certain limitations on jurisdiction would be maintained, along with the possibility of appealing their decisions on the merits in cases where such decisions contradicted the principle of legality. By contrast, in the sphere of international commercial arbitration, the initial policy direction was toward harmonization with generally recognized international standards.

This bifurcation of legal regulation generated a number of theoretical and practical questions concerning the delimitation of jurisdiction, applicable law, and the legal nature of these institutions, thereby predetermining the need for subsequent analysis of the extent to which national legislation complied with the core provisions of the UNCITRAL Model Law. The present study aims to identify the principal stages, challenges,

and prospects of this harmonization process, as well as to analyze the drawbacks resulting from the mechanical transplantation of civil procedural norms into the Law of the Republic of Kazakhstan "On Arbitration" of 2016.

Materials and Methods

The empirical foundation of this study consists of the legislative acts of the Republic of Kazakhstan regulating arbitral proceedings during the period from 2004 to 2024. The principal documents examined include the Law of the Republic of Kazakhstan of 28 December 2004 "On Arbitral Tribunals" (as amended)¹ the Law of the Republic of Kazakhstan of 28 December 2004 "On International Commercial Arbitration" (as amended)² and the Law of the Republic of Kazakhstan No. 488-V ZRK of 8 April 2016 "On Arbitration" (as amended by the Laws of 27 February 2017, 21 January 2019, and 5 November 2022)³. The study also relies on the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of 31 October 2015⁴ and related legislative acts introducing amendments to arbitration legislation.

As a benchmark international standard for comparative legal analysis, the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (adopted by the United Nations Commission on International Trade Law on 21 June 1985, as amended on 7 July 2006)⁵ was employed. In addition, due consideration was given to the provisions of the 1958 New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards⁶ and the 1961 European Convention on International Commercial Arbitration⁷.

¹ Закон Республики Казахстан от 28 декабря 2004 года № 22. Утратил силу Законом Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V "О третейских судах" (Утративший силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000022> (дата обращения: 09.04.2025).

² Закон Республики Казахстан от 28 декабря 2004 года № 23. Утратил силу Законом Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V ЗРК "О международном арбитраже". (Утративший силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000023> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V ЗРК "Об арбитраже". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000488> (дата обращения: 09.04.2025).

⁴ Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК "Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 09.04.2025).

⁵ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 год) с изменениями, принятыми в 2006 году. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration (дата обращения: 09.04.2025).

⁶ Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).

⁷ Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже. (Женева, 21 апреля 1961 г.). URL: https://prg.kg/document/?doc_id=1007770 (дата обращения: 11.04.2025).

The research objectives were achieved through the application of a combination of general scientific and special legal methods. The formal-dogmatic method was employed to analyze the textual content of legal provisions and to identify their logical interconnections. The comparative legal method made it possible to juxtapose the provisions of Kazakhstani legislation with those of the UNCITRAL Model Law, as well as to trace legislative evolution by comparing the 2004 and 2016 statutory frameworks. The historical-legal method was used to reconstruct the stages of development of arbitration legislation and to identify causal relationships between amendments to the normative framework and law enforcement practice. The method of systemic analysis was applied to assess the coherence of specific institutions of arbitration law with the broader system of civil procedural law and the international obligations of the Republic of Kazakhstan. The empirical basis of the research was further supplemented by materials from the practice of the Kazakhstan International Arbitration, illustrating practical challenges in the implementation of legislative provisions.

Results and Discussion

An analysis of all amendments and supplements to the Law on International Arbitration demonstrates that the changes introduced by the Law of the Republic of Kazakhstan of 5 February 2010 No. 249-IV ZRK were specifically aimed at aligning the Law with the key provisions of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. Among the most significant amendments introduced by these revisions are the following. The Law on International Arbitration was supplemented by Article 4-1, entitled "Waiver of the Right to Object," which provides: "A party who knows that any provision of this Law or any requirement of the arbitration agreement has not been complied with and nevertheless proceeds with the arbitration without stating its objection to such non-compliance within the time limit provided by the rules of a permanent arbitral institution for that purpose shall be deemed to have waived its right to object"¹.

This provision is based on Article 4 of the UNCITRAL Model Law and is of considerable practical importance, particularly in the context of judicial review of applications for the setting aside of arbitral awards.

The conduct of a party that is regarded as constituting a waiver of further objections to procedural irregularities committed in the course of the

proceedings produces legal effects not only within the arbitral process itself but also in subsequent proceedings before state courts, including those concerning the setting aside, recognition, or enforcement of an arbitral award rendered as a result of the arbitration. In other words, in such circumstances, a party is precluded from invoking alleged procedural violations of the arbitral process to substantiate its position either in the continuation of the arbitral proceedings or in subsequent court proceedings.

Chapter 1 of the Law on International Arbitration was also supplemented by Article 6-1, entitled "Arbitration Agreement and Submission of a Claim on the Merits to a Competent Court," which provides: "A competent court before which an action is brought in a matter which is the subject of an arbitration agreement shall, if a party so requests not later than the submission of its first statement on the substance of the dispute, refer the parties to arbitration unless it finds that the arbitration agreement is null and void, inoperative, or incapable of being performed. Notwithstanding the submission of an action referred to in paragraph 1 of this Article, arbitral proceedings may be commenced or continued, and an arbitral award may be rendered, while the issue of the court's jurisdiction over the dispute is pending before the competent court"².

The provisions of this article were likewise based on Article 8 of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration and were intended to address issues arising from so-called pathological arbitration agreements.

Following the approach embodied in Article 9 of the UNCITRAL Model Law (arbitration agreement and interim measures), Chapter 4 of the Law on International Arbitration was supplemented by Article 15-1, entitled "Powers of the Arbitral Tribunal to Order Interim Measures," which provided as follows: "Unless otherwise agreed by the parties, the arbitral tribunal may, at the request of a party, order any party to take such interim measures in respect of the subject matter of the dispute as it considers necessary, by issuing an order. An application for interim measures related to arbitral proceedings shall be submitted by a party to the competent court at the place where the arbitration is conducted or at the location of the property in respect of which interim measures may be granted."

On 31 October 2015, a new Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (CPC) was adopted. Subsequently, on 8 April 2016, Law No. 488-V ZRK of the Republic of Kazakhstan "On Arbitration" (hereinafter – the Law on Arbitration)

¹ Закон Республики Казахстан от 28 декабря 2004 года N 23. Утратил силу Законом Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V ЗРК "О международном арбитраже". (Утративший силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000023> (дата обращения: 09.04.2025).

² Закон Республики Казахстан от 28 декабря 2004 года N 23. Утратил силу Законом Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V ЗРК "О международном арбитраже". (Утративший силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000023> (дата обращения: 09.04.2025).

was enacted, consolidating the two previously existing laws.

Pursuant to Article 1 of the Law on Arbitration, it applies to disputes arising from civil law relations involving natural persons and/or legal entities, regardless of the parties' place of residence or location, whether within or outside the country, provided that such disputes are subject to resolution by arbitration, unless otherwise stipulated by legislative acts of the Republic of Kazakhstan. Thus, the previous division of Kazakhstani arbitration into domestic arbitral tribunals and international commercial arbitration was abolished.

Despite its manifestly progressive provisions, the 2016 Law on Arbitration contained a considerable number of not only controversial but also erroneous and, in certain respects, even potentially detrimental norms, as it introduced amendments inconsistent with the fundamental nature of arbitration. Numerous provisions were mechanically transplanted from the CPC, resulting in an unjustified "judicialization" of arbitral proceedings.

As a consequence, during the first eight years of its operation, the Law on Arbitration was amended and supplemented on three occasions:

- by the Law of the Republic of Kazakhstan of 27 February 2017 No. 49-VI "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan Concerning the Improvement of Civil and Banking Legislation and the Enhancement of Conditions for Entrepreneurial Activity" (which repealed the provision permitting unilateral withdrawal from an arbitration agreement)¹;

- by the Law of the Republic of Kazakhstan dated 21 January 2019 No. 217-VI "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan Concerning the Strengthening of Property Rights Protection, Arbitration, Optimization of Judicial Workload, and Further Humanization of Criminal Legislation" ("the 2019 Amendments")²;

- by the Law of the Republic of Kazakhstan dated 5 November 2022 No. 157-VII "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan for the Implementation of the Message of the Head of State of 16

March 2022" (which amended subparagraph 3 of paragraph 1 of Article 51 of the Law on Arbitration, replacing the word "Council" with "Court" in connection with the establishment of the Constitutional Court)³.

The Institute of Private Law actively participated in the development of these legislative acts. It should be noted that the primary objective of almost all amendments and additions made to the Law on Arbitration was to align its provisions with the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. For example, the Law of the Republic of Kazakhstan dated 21 January 2019 No. 217-VI introduced the following amendments and additions to the Law on Arbitration:

Article 10 of the Law on Arbitration was brought into full conformity with Article 8 of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration by the addition of the following paragraph: "Notwithstanding the filing of a claim as indicated in the first part of this Article, arbitration proceedings may be commenced or continued, and an arbitral award may be rendered while the question of the tribunal's jurisdiction over the dispute is under consideration by the court".

The second part of this Article establishes the possibility of initiating or continuing arbitration independently of any parallel proceedings in a state court. This provision was introduced to prevent potential abuse in state courts by a bad-faith party, as otherwise there would be the possibility of paralyzing the arbitration process by initiating concurrent proceedings in a national court, thereby violating the arbitration agreement.

Paragraph 2 of Article 44 of the Law on Arbitration, concerning the determination of the applicable law by the arbitral tribunal in the absence of an agreement between the parties, was also brought into alignment with subparagraph 2) of Article 28 of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration and paragraph 1 of Article VII of the European Convention on International Commercial Arbitration. Prior to the amendments, in the absence of a party agreement on the applicable law, the tribunal was required to apply the law of the Republic of Kazakhstan, even if the dispute involved foreign parties. This provision is now fully aligned with the approach set forth in the UNCITRAL Model Law, according to which, "in the absence of any indication by the parties, the arbitral tribunal shall apply the law determined in accordance with the conflict-of-law rules which it considers applicable".

¹ Закон Республики Казахстан от 27 февраля 2017 года № 49-VI ЗРК "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского, банковского законодательства и улучшения условий для предпринимательской деятельности" URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z170000049/history> (дата обращения: 09.04.2025).

² Закон Республики Казахстан от 21 января 2019 года № 217-VI ЗРК. "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000217> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 157-VII ЗРК "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам реализации Послания Главы государства от 16 марта 2022 года". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000157> (дата обращения: 09.04.2025).

The grounds for setting aside arbitral awards provided in Article 52 of the Law on Arbitration were also harmonized with Article 34 of the UNCITRAL Model Law. In particular, the wording of subparagraph 4) of paragraph 1 of Article 52 was amended, and subparagraph 6) of paragraph 1 of Article 52 was deleted.

Before the amendments, subparagraph 4) of paragraph 1 of Article 52 read as follows: "4) The composition of the arbitral tribunal or the arbitral proceedings did not comply with the agreement of the parties."

In this form, the provision did not comply with the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, according to subparagraph iv) of paragraph a) of Article 34, which provides that an arbitral award may be set aside by a court if the party requesting the setting aside proves that "the composition of the arbitral tribunal or the arbitral procedure was not in accordance with the agreement of the parties, unless such agreement is in conflict with a provision of this Law from which the parties cannot derogate, or, in the absence of such an agreement, was not in accordance with this Law".

In the absence of a party agreement, if the composition of the arbitral tribunal or the arbitral procedure did not comply with the mandatory provisions of the Law on Arbitration, it was practically impossible to set aside such an arbitral award, which was inconsistent with international practice.

Currently, subparagraph 4) of paragraph 1 of Article 52 of the Law on Arbitration reads as follows: "The composition of the arbitral tribunal or the arbitral procedure did not comply with the agreement of the parties, unless such an agreement is contrary to any provision of this Law from which the parties cannot derogate, or, in the absence of such an agreement, did not comply with this Law."

Prior to the amendments, according to subparagraph 6) of paragraph 1 of Article 52, a court could set aside an arbitral award if it "did not comply with the requirement of written form and signature provided for in Article 47 of this Law." The UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration does not provide for such a ground for setting aside an award. This was an unfortunate legislative invention by the Kazakhstani legislator. It is entirely unclear how an arbitral award could fail to meet the written form requirement under Article 47 of the Law on Arbitration, since an oral arbitral award is impossible. Moreover, subparagraph 6) of paragraph 1 of Article 52 was not only inconsistent with the UNCITRAL Model Law but also conflicted with paragraph 3 of Article 53 of the Law on Arbitration, which provides for the possibility of correcting deficiencies in an arbitral award.

The grounds for refusing recognition and/or enforcement of arbitral awards under Article 57 of the Law on Arbitration were also brought into alignment with the UNCITRAL Model Law. For example, in subparagraph 1) of paragraph 1 of Article 57, the words "the laws of the Republic of Kazakhstan" were replaced with "the law of the country in which it was made." Prior to the amendments, the validity of an arbitration agreement (in the absence of a choice-of-law clause) was determined according to the laws of the Republic of Kazakhstan. This approach was consistent with widely recognized international practice regarding the validity of arbitration agreements for domestic awards. However, regarding the enforcement of foreign arbitral awards within Kazakhstan, this approach conflicted with the New York Convention, the European Convention on International Commercial Arbitration, and the UNCITRAL Model Law.

To achieve conformity with the UNCITRAL Model Law, paragraph 8 of subparagraph 1) of Article 57 was deleted. This paragraph allowed the court to refuse recognition and/or enforcement of an arbitral award regardless of the country in which it was rendered if the party against whom it was rendered could prove that "a final judgment has been rendered on the same dispute between the same parties, or a court or arbitral tribunal has issued a decision to terminate the proceedings due to the claimant's withdrawal of the claim." Such a ground does not exist in the UNCITRAL Model Law.

Paragraph 9 of subparagraph 1) of Article 57 of the Law on Arbitration was revised as follows: "The composition of the arbitral tribunal or the arbitral procedure did not comply with the agreement of the parties, or, in the absence of such an agreement, did not comply with the law of the country in which the arbitration took place".

Before the amendments, it was unclear which law was being referred to, since the prior wording stated: "The composition of the arbitral tribunal or the arbitral procedure did not comply with the requirements of the law." Such a vague formulation naturally raised the question: which law did the legislator mean – the Law of the Republic of Kazakhstan or the law of the country where the arbitration was conducted? This question was of significant practical importance for the recognition and enforcement of foreign arbitral awards.

For awards issued by Kazakhstani arbitral tribunals within Kazakhstan, the reference was to non-compliance with the requirements of Kazakhstani law. However, with respect to foreign arbitral awards, it was unclear which law applied. For instance, if an award is issued by the London Court of International Arbitration and is to be recognized and enforced in Kazakhstan, a bad-faith

party could exploit the ambiguity and argue that the composition of the tribunal or the procedure did not comply with Kazakhstani law, even though the award was rendered in the United Kingdom, where the Law on Arbitration of Kazakhstan does not apply. Consequently, this ground was brought into alignment with the UNCITRAL Model Law.

Recommendations for further improvement of the Law on Arbitration to ensure conformity with the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration:

Despite the extensive use of key provisions of the UNCITRAL Model Law in drafting the Law on Arbitration of the Republic of Kazakhstan and its subsequent amendments, the Law still does not fully conform to the Model Law. The issue is that the Kazakhstani Law on Arbitration contains an excessive number of provisions borrowed from the Civil Procedure Code (CPC) of Kazakhstan, which not only conflict with the nature of arbitration as an alternative dispute resolution mechanism but also hinder the practical application of the Law. The Ministry of Justice of Kazakhstan, the main developer of the Law on Arbitration, mechanically implemented various CPC provisions without accounting for the distinctive features of arbitration compared to state court proceedings.

In our article-by-article scientific and practical commentary on the Law on Arbitration, we analyzed and identified all provisions foreign to arbitration, proposing their removal from the Law in order to bring it as close as possible to the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration.

One of the primary objectives in drafting the Law on Arbitration was to create uniform rules for resolving disputes arising from civil-law relations involving natural and/or legal persons, regardless of the parties' place of residence or seat, both within and beyond the national territory. However, the Law on Arbitration was excessively "cluttered" with provisions borrowed from the Civil Procedure Code (CPC), whereas the objective of international commercial arbitration is to maximize independence from national law and establish a universal dispute resolution mechanism, irrespective of the country in which the arbitration is conducted. This ensures the subsequent enforceability of such arbitral awards in all States Parties to the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards, adopted in New York on 10 June 1958 (hereinafter – the New York Convention).

The UNCITRAL Model Law indeed has a recommendatory character. Nevertheless, most developed countries structure their domestic arbitration legislation based on the provisions of the Model Law. In its Resolution 40/72 of 11 December 1985, the United Nations General Assembly rec-

ommended that "all states give due consideration to the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, in view of the desirability of uniformity in the law governing arbitration procedures and the specific needs of international commercial arbitration practice."

Aligning the Law on Arbitration with the widely recognized UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration would allow the specific needs of international commercial arbitration to be addressed and establish an international standard with outcomes acceptable to parties from different countries and legal systems. Only under such conditions could Kazakhstan become an attractive venue for disputes involving foreign entities, as arbitration proceedings would be subject to fewer procedural obstacles.

Kazakhstan's inclusion among developed states is impossible without creating a favorable investment climate, including harmonizing the Law on Arbitration and certain provisions of the CPC with the UNCITRAL Model Law, the New York Convention, and the European Convention on International Commercial Arbitration, adopted in Geneva on 21 April 1961 (hereinafter – the European Convention).

Our principal recommendations for further aligning the Law of the Republic of Kazakhstan "On Arbitration" with the key provisions of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration are as follows:

Harmonization of Legal Terminology with the UNCITRAL Model Law

Under the Law on Arbitration, the term "arbitration" refers to either an arbitration established specifically for the resolution of a particular dispute or a permanent arbitral institution (subparagraph 3, Article 2). In legal literature, permanent arbitrations are also called institutional or standing arbitrations, whereas arbitrations established for a specific dispute are referred to as *ad hoc*, meaning "for this particular case." However, this legal definition contains a significant flaw.

According to Article 2 of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, "arbitration" denotes the procedure itself, irrespective of whether it is administered by a permanent arbitral institution (subparagraph a), while an "arbitral tribunal" refers to either a sole arbitrator or a panel of arbitrators (subparagraph b). The Model Law also recognizes the category of a permanent arbitral institution, to which parties to an arbitration agreement may turn for assistance in administering the arbitration process, including constituting the tribunal to resolve a specific dispute.

In our view, the Law on Arbitration should employ terminology consistent with the UNCITRAL Model Law:

a) Arbitration – the procedure for resolving a dispute;

b) Arbitral tribunal – a panel of arbitrators (or a sole arbitrator) adjudicating a specific dispute;

c) Permanent arbitral institution (or body) – an intermediary facilitating the arbitration proceedings, performing functions related to the administration of the arbitral process.

In practice, difficulties frequently arise from the conflation of the term “arbitration.” For instance, in Chapter 4, “Conduct of Arbitration,” the Law stipulates that the arbitral tribunal independently decides on its jurisdiction over the dispute (paragraph 1, Article 20); determines whether to hold an oral hearing or conduct the proceedings solely on the basis of documents and other materials (paragraph 1, Article 26); and provides documents and other materials in the language of the arbitration (paragraph 4, Article 28), among other procedural provisions.

It is evident that these articles refer neither to a permanent arbitral institution nor to an ad hoc tribunal as defined in subparagraph 3 of Article 2 of the Law.

In practice at the Kazakhstan International Arbitration (KIA), issues frequently arise regarding the use of the term “arbitration.” For example, in one case, the Respondent, relying on subparagraph 4) of paragraph 1 of Article 27 of the Law, which provides that an arbitral tribunal returns a claim affecting third-party interests, demanded that the Chair of KIA issue an order to return the claim. The Respondent cited subparagraph 3) of Article 2. However, the Chair refused, as it was clear that in Article 27, “arbitration” refers not to a permanent arbitral institution but to the arbitral tribunal adjudicating the particular case. This problem also stems from the fact that Article 27 was essentially borrowed from the CPC without adaptation to arbitration proceedings.

Despite these clarifications, the problem persists and will continue to arise in arbitration practice. A concrete solution could be achieved by replacing the term “arbitration” in Chapter 4 with “arbitral tribunal” or “panel of arbitrators,” especially considering that the preceding Chapter 3 is entitled “Composition of the Arbitral Tribunal”.

Receipt of Written Communications by the Parties

According to subparagraph 1) of Article 30 of the Law on Arbitration, “Receipt of Written Communications by the Parties”:

“1) Unless otherwise agreed by the parties, any written communication shall be deemed to have been received if delivered to the addressee personally, at their permanent residence, or at their postal address, or, if such cannot be determined through reasonable inquiry, a written communication shall be deemed received if sent to the last known resi-

dence by registered mail with acknowledgment of receipt, by telephone message or telegram, by text message to a mobile subscriber number, by email, or by other means of communication that provide evidence of the communication”.

The phrase “with acknowledgment of receipt” should be replaced with “or by other means providing evidence of an attempted delivery, including” in order to bring this provision into alignment with Article 3 of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. The previous Law of the Republic of Kazakhstan of 28 December 2004, “On International Commercial Arbitration” (subparagraph 1, Article 24), fully corresponded to Article 3 of the UNCITRAL Model Law.

This provision is intended to enable the arbitration process to proceed when the location of a party cannot be determined for objective reasons. In such cases, under Article 3 of the UNCITRAL Model Law, it is sufficient to send a written communication to the last known residence by registered mail or by other means providing evidence of the delivery attempt.

Prior to the adoption of the Law on Arbitration, this rule functioned effectively. In cases involving a non-cooperative Respondent, the arbitral tribunal would send orders by registered mail and receive an official notice from the postal service indicating that a delivery attempt had been made to the last known address, including the reason for non-delivery. The tribunal could proceed with the case and issue an award even in the absence of the Respondent, as the notice was deemed received. This reflects widely accepted international practice.

Under the current Law on Arbitration, the phrase “*with acknowledgment of receipt*” undermines the mechanism established in Article 3 of the UNCITRAL Model Law and Article 24 of the previously effective Law on International Commercial Arbitration, which allows proceedings to continue without the participation of a party. Now, even when it is objectively impossible to locate the Respondent, documents must be sent by registered mail with acknowledgment of receipt. However, if the Respondent deliberately avoids receiving correspondence, no acknowledgment can be obtained. This creates a significant risk of subsequent annulment of the arbitral award.

In its current wording, subparagraph 1) of Article 30 permits a non-cooperative party, who intentionally conceals their location or evades receipt of correspondence, to subsequently file a motion to annul the arbitral award, citing non-notification, because the tribunal cannot obtain acknowledgment of receipt (which, under subparagraph 1) of Article 30, can be interpreted as the written communication not having been received by the party).

Rights of the Parties in Arbitration

This article (like Article 27 of the Law on Arbitration) has no counterpart in the arbitration laws of Austria, Georgia, Kyrgyzstan, Russia, Ukraine, Sweden, and many other countries whose national legislation is based on the UNCITRAL Model Law. Neither the Model Law nor national arbitration laws (or laws on arbitral tribunals) in these countries include a separate article dedicated to the rights of the parties, as all key rights are already detailed in specific provisions, making a separate listing redundant.

A separate article on the rights of the parties first appeared in the Law on International Commercial Arbitration (Article 25) and the Law on Arbitral Tribunals (Article 28) as a near-verbatim copy from the Civil Procedure Code (CPC) (in the 1999 CPC, it was Article 47; in the current CPC, it is paragraph 1 of Article 46).

Instead of removing this unnecessary article from the Law on Arbitration, the drafters duplicated Article 28 of the Law on Arbitral Tribunals and added subparagraph 10), granting the parties the right to settle the dispute by amicable agreement or mediation in accordance with the procedures provided by the Law.

All rights of participants in arbitration listed in Article 31 of the Law on Arbitration are already regulated elsewhere in the Law. For instance:

- The right to access case materials – Articles 23, 24, 26;
- The right to submit evidence – Article 33;
- The right to file motions and challenge arbitrators – Article 17;
- The right to question participants and provide oral and written statements – Article 32;
- The right to make arguments on procedural matters and object to motions or arguments of the other party – Articles 24, 40;
- The right to review hearing transcripts and submit written comments – Articles 36–38;
- The right to petition a court for enforcement of an arbitral award – Article 55;
- The right to move for annulment of the award in cases provided by the Law – Articles 52, 53;
- The right to settle the case by amicable agreement or mediation – Article 46.

However, rights specific to arbitration, which have no counterpart in civil litigation, are inexplicably absent from Article 31. For example, the rights to choose the arbitral tribunal, select arbitrators, determine the arbitration rules, language, and venue, among others.

In our view, this article could be removed from the Law on Arbitration.

Timeframes for Case Preparation, Consideration, and Resolution in Arbitration

Article 35 of the Law on Arbitration, “Timeframes for Case Preparation, Consideration, and

Resolution of Disputes”, is borrowed from the CPC and is irrelevant to arbitration, which has a distinct legal nature.

As is well known, arbitration differs from state courts not only in procedural rules but also in timelines. Specifically, arbitration should not be bound by the rigid timeframes of the CPC. Arbitration may resolve a dispute quickly, or it may take a longer period – the priority is to thoroughly examine the case and issue a correct award. Moreover, the question of timeframes (except for certain mandatory provisions explicitly stated in the Law on Arbitration) is generally governed by the procedural rules of permanent arbitral institutions.

Case Timelines in Arbitration

Moreover, the timeframes for handling cases involving foreign natural or legal persons may differ from those for domestic parties, as in cases involving foreign parties located outside Kazakhstan, deadlines may be extended – for instance, due to the “transit time” for postal delivery of documents, among other factors. Questions regarding deadlines should be determined by the arbitral tribunal or by agreement of the parties.

Regarding the challenge of an arbitrator who delays proceedings, such a challenge does not accelerate the resolution of the dispute; on the contrary, it prolongs it, as the process of appointing a new arbitrator and conducting the hearing with the new arbitrator must be repeated (Article 19 of the Law on Arbitration).

In practice, for complex cases, we are often compelled to issue repeated orders extending the arbitration period in order to comply with Article 35 of the Law on Arbitration. This article should be removed from the Law on Arbitration as it does not correspond to the nature of arbitration proceedings.

Arbitral Hearing Minutes

The Law on Arbitration includes a number of provisions absent from both the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration and the European Convention on International Commercial Arbitration. These are Articles 36, 37, and 38, which concern the minutes of arbitral hearings. In practice, applying these provisions creates several issues.

In state court proceedings, hearing minutes primarily serve as written evidence, as there is a presumption that judgments of lower courts may be appealed.

In arbitration, however, minutes are essentially unnecessary, because the arbitral award is final and not subject to review on the merits. Furthermore, whether or not minutes are maintained during arbitration has no procedural effect. Therefore, Articles 36, 37, and 38 should be removed from the Law on Arbitration.

Settlement Agreements and Mediation in Arbitration

Unlike paragraph 1 of Article 46 of the Law on Arbitration, similar provisions in the previously effective Laws on International Commercial Arbitration (paragraph 1 of Article 27) and on Arbitral Tribunals (paragraph 3 of Article 34) were closer to paragraph 1 of Article 30 of the UNCITRAL Model Law, which states:

"If, during the arbitration, the parties settle the dispute, the arbitral tribunal shall discontinue the proceedings and, upon the request of the parties and in the absence of any objection from the tribunal, record the settlement in the form of an arbitral award on agreed terms".

Paragraph 1 of Article 43 of the Law on Arbitration, in addition to settlement agreements, mentions mediation as a method of dispute resolution that parties may use during arbitration. However, in practice, parties typically resort to mediation before the commencement of arbitration, rather than during the arbitration itself. Only if mediation is impossible, or the parties fail to reach a mediated settlement, do they proceed to arbitration.

When drafting the Law on Arbitration, paragraph 1 of Article 46 was supplemented with a reference to mediation, following Article 179 of the CPC, which permits parties to refer disputes to a mediator prior to the court's withdrawal into the deliberation room in first-instance, appellate, and cassation courts. Paragraph 4 of Article 179 provides that mediation in the first instance court may be conducted by the same or a different judge. Paragraph 5 stipulates that mediation is carried out in accordance with the Law on Mediation, taking into account procedural features established by the CPC. Paragraph 5 of Article 27 of the Law on Mediation establishes that, upon court approval of a settlement agreement reached through mediation during civil proceedings, the plaintiff is refunded the state fee paid in accordance with the Tax Code.

According to paragraph 4 of Article 180 of the CPC, the enforcement of a settlement agreement approved by the court under mediation proceeds under the rules for enforcement of settlement agreements provided in Article 178 of the CPC, which states that a settlement agreement not voluntarily performed is subject to compulsory enforcement on the basis of an enforcement order issued by the court upon request of a party to the agreement.

Recourse to mediation during civil proceedings is meaningful for the parties, as it offers an alternative to litigation. Moreover, the ability to recover the state fee and the enforceability of mediated agreements provide strong incentives for the use of mediation.

Mediation in Arbitration

In arbitration, however, mediation is not particularly popular. In the practice of the Kazakhstan International Arbitration (KIA), there has not been a single instance in which the parties resorted to a mediator during arbitration, as there is no practical need for it, unlike in civil proceedings. This is due to several reasons:

- Arbitration itself is already an alternative dispute resolution mechanism, unlike state court proceedings;

- Mediation generally must be conducted by other arbitrators from the KIA roster, rather than by the arbitrators resolving the dispute, which can significantly prolong the arbitration process;

- Resorting to a mediator during arbitration, unlike mediation during civil proceedings, requires payment for the mediator's services in addition to arbitration costs. If the arbitrators subsequently approve a settlement reached through mediation as an arbitral award on agreed terms, the arbitration expenses, unlike the state fee, are not reimbursed to the parties.

Furthermore, the Law on Mediation does not provide a clear answer as to whether its scope applies to mediation conducted by permanent arbitral institutions. We consider that it does not.

According to paragraph 1 of Article 46 of the Law on Arbitration, dispute resolution through mediation during arbitration is not permitted in the following cases specified in Article 1 of the Law on Mediation:

- If the dispute affects or may affect the interests of third parties not participating in the mediation process (paragraph 2);

- Persons declared legally incapacitated or partially incapacitated by the court (paragraph 2);

- When one of the parties is a state body (paragraph 3).

The first two exceptions do not create any issues, since, according to paragraph 8 of Article 8 of the Law on Arbitration, arbitration does not have jurisdiction over disputes involving the interests of persons recognized as legally incapacitated or partially incapacitated in accordance with the law. Additionally, subparagraph 4) of paragraph 1 of Article 27 of the Law on Arbitration obliges the tribunal to return a claim if it affects the interests of third parties not covered by the arbitration agreement.

Regarding state bodies, they may, under certain conditions, participate in arbitration proceedings. However, due to the prohibition established in paragraph 3 of Article 1 of the Law on Mediation, a state body that is a party to arbitration cannot resolve the dispute through mediation during arbitration.

Therefore, mediation as a means of dispute resolution that parties may resort to during arbitration should be removed from Article 46 of the Law on Arbitration.

Review of Arbitral Awards on Newly Discovered Circumstances

According to paragraph 1 of Article 51 of the Law on Arbitration, an arbitral award may be reviewed at the request of one of the parties to the arbitration agreement or another person whose rights are affected, based on newly discovered circumstances provided for in this Article. This provision was borrowed from the Civil Procedure Code (CPC).

However, in international practice, review of arbitral awards is not allowed, as arbitral awards are final. There is no such institution in the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration either. Therefore, Article 51 should be removed from the Law on Arbitration.

Grounds for Setting Aside an Arbitral Award

According to subparagraph 1) of paragraph 1 of Article 52 of the Law on Arbitration, an arbitral award may be set aside by the court if the party requesting the annulment provides evidence that the dispute could not have been subject to arbitration. This part of the provision does not align with Article 34 of the UNCITRAL Model Law, where the analogous ground (dispute not capable of settlement by arbitration under the law of the country) is considered an optional ground that the court may apply at its discretion.

In Article 34, the ground of non-arbitrability is both a matter for the requesting party to prove and a discretionary ground for the court (subparagraph 2) of paragraph 2).

Such duplication of grounds was inherited from the previously effective Law on Arbitral Tribunals, which applied only to domestic disputes between residents of Kazakhstan and was less aligned with the UNCITRAL Model Law. Article 44 of that Law, dedicated to appealing arbitral tribunal decisions, did not divide the grounds for annulment into two categories, as is done in the Law on International Commercial Arbitration and in international practice.

Under paragraph 2 of Article 44 of the Law on Arbitral Tribunals, an arbitral award could be appealed only if the party or other affected person submitting the annulment request provided evidence that:

- The award was rendered in respect of a dispute not contemplated in the arbitration agreement, or outside its scope, or due to non-arbitrability (subparagraph 2);
- The dispute could not have been subject to arbitration (subparagraph 6).
- The Law of 5 February 2010 No. 249-IV, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan Regarding State Immunity, Improvement of Arbitral Tribunal Activities, and International Commercial Arbitration," eliminated subparagraph 6) of paragraph 2 of Article 44 as duplicative of subparagraph 2).

However, this error persists in subparagraph 1) of paragraph 1 of Article 52 of the Law on Arbitration. To align this provision with subparagraph a) of paragraph 2 of Article 34 of the UNCITRAL Model Law, we consider that non-arbitrability should be removed from the grounds that the party requesting annulment is required to prove.

Unjustified Expansion of Grounds for Setting Aside and Refusal to Recognize or Enforce an Arbitral Award

The Law on Arbitration unreasonably broadens the list of grounds for setting aside an arbitral award and for refusing to recognize and/or enforce it. According to subparagraph 5) of paragraph 1 of Article 52 of the Law on Arbitration, to set aside an arbitral award, the party requesting annulment must provide evidence that a final and binding decision has been rendered in respect of the dispute between the same parties, concerning the same subject matter and on the same grounds, or that a court or arbitral ruling has terminated proceedings due to the claimant's withdrawal of the claim.

A similar ground is included in paragraph 1 of Article 57 of the Law on Arbitration as one of the grounds for a court to refuse recognition and/or enforcement of an arbitral award. Moreover, the same ground is incorporated in subparagraph 10) of paragraph 1 of Article 255 of the Civil Procedure Code (CPC) as a basis for refusing the issuance of an enforcement order for awards rendered by Kazakhstani arbitral tribunals. By virtue of the direct reference in Article 504 CPC, this ground also applies to the refusal of enforcement orders for awards issued by foreign arbitral tribunals.

However, this expansion of grounds contradicts the UNCITRAL Model Law, Article IX of the European Convention, and the New York Convention. These grounds should therefore be eliminated both from the Law on Arbitration and from the CPC.

Petition to Set Aside an Arbitral Award

Paragraph 2 of Article 53 of the Law on Arbitration is inconsistent with subparagraph 3) of Article 34 of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, according to which a petition to set aside an award cannot be filed later than three months from the date the party requesting annulment received the award, or, if a request was made under Article 33, from the date the arbitral tribunal rendered its decision on that request.

Under paragraph 2 of Article 53 of the Law on Arbitration, a petition to set aside an arbitral award may not be submitted later than one month from the date of the award rendered in response to a request for review on newly discovered circumstances submitted under Article 51 of this Law.

In contrast, subparagraph 3) of Article 34 of the UNCITRAL Model Law provides that a petition to set aside an award cannot be filed later than

three months from the date the arbitral tribunal renders its decision on a request for correction, interpretation, or an additional award under Article 33 of the Model Law.

The purpose of this provision in the Model Law is to “freeze” the three-month limitation period for filing a petition to set aside the award while the tribunal considers a party’s request for correction, interpretation, or an additional award.

Considering that the institution of reviewing an arbitral award on newly discovered circumstances is fundamentally foreign to arbitration and was inappropriately borrowed by the Kazakh legislator from the CPC, this represents a legislative error. According to the logic of subparagraph 3) of Article 34 of the Model Law, paragraph 2 of Article 53 should refer not to Article 51, but to Article 50 of the Law on Arbitration.

It should be noted that paragraph 3 of Article 31 of the previously effective Law on International Commercial Arbitration fully complied with subparagraph 3) of Article 34 of the Model Law and referred to Article 30, “Correction and Interpretation of an Award; Additional Award,” of that Law.

Moreover, paragraph 1 of Article 464 CPC is inconsistent with paragraph 2 of Article 53 of the Law on Arbitration, as it does not specify the limitation period for filing a petition to set aside an award in the case of review based on newly discovered circumstances.

Conclusion

The analysis allows us to conclude that the development of Kazakhstan’s arbitration legislation over more than three decades has been inextricably linked to the implementation of the provisions of the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. The evolution has progressed from the dualistic model of 2004, in which international arbitration initially conformed to international standards while domestic arbitration retained elements of public-law oversight, to the unified Law “On Arbitration” of 2016. While the unification of legislation represented a progressive step, it was accompanied by excessive mechanical borrowing from the Civil Procedure Code, resulting in the “judicialization” of arbitration – i.e., the imposition of rigid formal requirements uncharacteristic of arbitration, including mandatory proce-

dural deadlines, compulsory record-keeping, and the institution of review based on newly discovered circumstances.

Subsequent legislative amendments (2017–2022) were aimed at eliminating the most obvious inconsistencies, confirming a trajectory toward harmonization with the UNCITRAL Model Law. Nevertheless, the study identified several systemic problems that persist in the current Law. These include: terminological uncertainty regarding the concept of “arbitration”; the non-conformity of the party-notification mechanism (Article 30) with the standard of Article 3 of the Model Law; the presence of excessive procedural forms (Articles 31, 35–38); the inclusion of institutions conceptually alien to arbitration (mediation in Article 46, review on newly discovered circumstances in Article 51); as well as an unjustifiably expanded list of grounds for setting aside and refusing recognition of arbitral awards (Articles 52, 57) and the erroneous reference in paragraph 2 of Article 53.

To complete the process of harmonization, a comprehensive set of legislative measures is necessary. First, the terminology of the Law should be standardized in accordance with Article 2 of the Model Law, and Article 30 should be aligned with the “recording of delivery attempts” standard. Moreover, excessive and arbitration-alien institutions (Articles 31, 35–38, 51, as well as the reference to mediation in Article 46) should be eliminated, and the grounds for setting aside and refusing recognition of awards should be narrowed to those provided in the Model Law and the 1958 New York Convention. Finally, the erroneous reference in paragraph 2 of Article 53 should be corrected to Article 50, and paragraph 1 of Article 464 of the Civil Procedure Code should be harmonized accordingly.

Implementation of these measures would remove the existing procedural traps, enhance the predictability and efficiency of arbitration proceedings in Kazakhstan, and contribute to the creation of a favorable investment climate. This, in turn, would increase the country’s attractiveness as a neutral and arbitration-friendly jurisdiction for resolving international commercial disputes, fully aligning with the recommendations of the United Nations General Assembly and the long-term strategic interests of the Republic of Kazakhstan.

М.К. Сүлейменов¹, А.Е. Дүйсенова²

¹з.ғ.д., профессор, Каспий қоғамдық университеті Жеке құқық ғылыми-зерттеу институтының директоры, Қазақстан халықаралық арбитражының төрағасы, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты жанындағы Халықаралық кеңестің мүшесі, Қазақстан Арбитраж палатасының Басқарма төрағасы, Қазақстан Республикасы Конституциялық Соты жанындағы Ғылыми-консультативтік кеңестің мүшесі, ҚР ҰҒА академигі (Алматы қ., Қазақстан)

²Қазақстан Халықаралық Арбитражының атқарушы директоры, Каспий қоғамдық университеті Жеке құқық ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері, Қазақстан Арбитраж палатасы

Басқармасының мүшесі (Алматы қ., Қазақстан)

ORCID: 0000-0002-2074-8919, e-mail: aseld@mail.ru

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ АРБИТРАЖДЫҚ ЗАҢНАМАСЫН ЮНСИТРАЛДЫҢ ҮЛГІЛІК ЗАҢЫМЕН ҮЙЛЕСТІРУ: ГЕНЕЗИСІ, ЭВОЛЮЦИЯСЫ ЖӘНЕ БОЛАШАҒЫ

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасының арбитраждық заңнамасын халықаралық коммерциялық арбитраж туралы ЮНСИТРАЛ-дың Үлгілік заңымен үйлестіру үдерісін талдауға арналған. Құқықтық реттеудің эволюциясы 2004 жылғы дуалистік модельден (төрелік соттар және халықаралық коммерциялық арбитраж туралы жеке заңдар) 2016 жылғы біріздендірілген «Арбитраж туралы» заңға дейінгі кезең аясында зерттелді. Авторлар ЮНСИТРАЛ Үлгілік заңы ережелерін енгізудің негізгі кезеңдерін, атап айтқанда 2010, 2017, 2019 және 2022 жылдардағы түзетулерді талдайды, олардың мақсаты анықталған сәйкессіздіктерді жою болған. Азаматтық іс жүргізу заңнамасы нормаларын шамадан тыс қабылдау мәселесіне ерекше назар аударылады, бұл арбитраж рәсімінің «юдициализациясына» алып келді. Мақалада қолданыстағы заңның жүйелі кемшіліктері айқындалды: терминологиялық айқынсыздық, тараптарды хабардар ету тетігінің жетілмегендігі, арбитражға тән емес институттардың болуы (жаңадан ашылған мән-жайлар бойынша қайта қарау, міндетті хаттама жүргізу), сондай-ақ шешімдердің күшін жою негіздерінің негізсіз кеңейтілген тізбесі. Заңнаманы одан әрі жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар тұжырымдалып, олардың іске асырылуы Қазақстанның инвестициялық тартымдылығын арттыруға және халықаралық коммерциялық арбитраж үшін қолайлы юрисдикция ретіндегі мәртебесін нығайтуға ықпал ететіні негізделді.

Түйінді сөздер: үйлестіру, ЮНСИТРАЛ Үлгілік заңы, арбитраж, заңнама, Қазақстан, реформа.

М.К. Сулейменов¹, А.Е. Дуйсенова²

¹д.ю.н., профессор, директор НИИ частного права КОУ, председатель Казахстанского международного арбитража, Член Международного совета при Верховном Суде РК, Председатель правления Арбитражной палаты Казахстана, Член НКС при Конституционном Суде РК, Академик НАН РК (г. Алматы, Казахстан)

²исполнительный директор Казахстанского Международного Арбитража, ведущий научный сотрудник НИИ частного права Каспийского общественного университета, член Правления Арбитражной Палаты Казахстана (г. Алматы, Казахстан)

ORCID: 0000-0002-2074-8919, e-mail: aseld@mail.ru

ГАРМОНИЗАЦИЯ АРБИТРАЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С ТИПОВЫМ ЗАКОНОМ ЮНСИТРАЛ: ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

Статья посвящена анализу процесса гармонизации арбитражного законодательства Республики Казахстан с Типовым законом ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже. Исследуется эволюция правового регулирования от дуалистической модели 2004 года (раздельные законы о третейских судах и международном коммерческом арбитраже) к унифицированному Закону «Об арбитраже» 2016 года. Авторы анализируют ключевые этапы имплементации положений Типового закона ЮНСИТРАЛ, включая поправки 2010, 2017, 2019 и 2022 годов, направленные на устранение выявленных несоответствий. Особое внимание уделяется проблеме избыточного заимствования норм гражданского процессуального законодательства, приведшего к «юдициализации» арбитражной процедуры. В статье выявлены системные недостатки действующего Закона: терминологическая неопределенность, дефектность механизма уведомления сторон, наличие чуждых арбитражу институтов (пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам, обязательное протоколирование), необоснованно расширенный перечень оснований для отмены решений. Сформулированы конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства, реализация которых будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности Казахстана и укреплению его статуса как дружественной юрисдикции для международного коммерческого арбитража.

Ключевые слова: гармонизация, Типовой закон ЮНСИТРАЛ, арбитраж, законодательство, Казахстан, реформа

ГРНТИ 10.79.91

УДК 341.636

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-45-53

Q. Su¹

¹заместитель директора Уханьской арбитражной комиссии, Эксперт по посредничеству в финансовых спорах провинции Хубэй, член Исполнительного совета Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований гражданского права Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований арбитражного права Юридического общества провинции Хубэй, член Исполнительного совета Ассоциации исследований коммерческого права Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований арбитражного права Юридического общества Ухань, LLM, (г. Ухань, Китай)

АРБИТРАЖ В ЭПОХУ ОТКРЫТОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ, ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА УХАНЬСКОЙ АРБИТРАЖНОЙ КОМИССИИ С РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН

Статья посвящена комплексному анализу развития арбитражной системы Китая на примере Уханьской арбитражной комиссии в контексте готовящейся реформы Закона КНР об арбитраже (проект 2024 г.). Исследование выполнено с использованием формально-юридического, сравнительно-правового и институционального методов. Автор предлагает аналитическую рамку «30–5–4–3», отражающую тридцатилетнюю эволюцию Закона, пять ключевых новаций его новой редакции, четыре конкурентных преимущества УАК (географические, сетевые, экспертные, цифровые) и три перспективных направления китайско-казахстанского сотрудничества. В работе раскрывается содержание таких новелл, как институт «места арбитража», расширение сферы применения арбитража для споров с иностранным элементом, внедрение поведенческих обеспечительных мер и создание «регуляторных песочниц» для региональных экспериментов. На примере УАК показана практическая реализация этих законодательных подходов, включая разработку специализированных регламентов и внедрение цифровой платформы на основе блокчейн-технологий. Особое внимание уделяется сотрудничеству с арбитражными институтами Казахстана, в рамках которого реализуются совместные реестры арбитров, программы подготовки кадров и инициативы по взаимному признанию электронных доказательств. Делается вывод о том, что УАК выступает не только бенефициаром, но и активным проводником законодательных преобразований, формируя модель «Янцзы-Каспийского партнерства».

Ключевые слова: Уханьская арбитражная комиссия, Закон КНР об арбитраже, правовая реформа, Китай, Казахстан, международное сотрудничество.

Введение

Международный коммерческий арбитраж утвердился в качестве одного из основополагающих механизмов трансграничного урегулирования споров, предлагая сторонам такие преимущества, как оперативность процедуры, гибкость процессуальных форм и возможность привлечения арбитров, обладающих специаль-

ными знаниями в конкретной сфере предпринимательской деятельности. В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к росту роли арбитража в странах с развивающимися правовыми системами, стремящимися интегрироваться в глобальное экономическое пространство. Китайская Народная Республика представляет собой один из наиболее показательных примеров такой эволюции: от

фрагментированного и административно зависимого регулирования к созданию современной арбитражной инфраструктуры, способной конкурировать на международной арене.

Принятие Закона КНР об арбитраже в 1994 году заложило фундамент для формирования самостоятельной и независимой системы коммерческого арбитража. Однако динамичное развитие внешнеэкономических связей, усложнение характера трансграничных сделок и необходимость соответствия международным стандартам потребовали пересмотра устаревших законодательных подходов. Рассмотрение проекта новой редакции Закона об арбитраже в ноябре 2024 года стало важнейшей вехой в этом процессе, открыв возможности для теоретического осмысления и практической оценки тех новелл, которые призваны обеспечить качественно новый уровень правового регулирования. В этом контексте особый интерес представляет анализ деятельности ведущих арбитражных институтов Китая, выступающих в роли проводников законодательных изменений и «лабораторий» для апробации инновационных правовых механизмов.

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию концептуальных основ и практической деятельности Уханьской арбитражной комиссии (УАК) в свете готовящихся изменений арбитражного законодательства. Выбор УАК в качестве объекта исследования обусловлен ее уникальным положением: комиссия сочетает в себе статус одного из старейших региональных арбитражных центров (учреждена в 1997 г.) и динамично развивающегося института, активно внедряющего передовые практики цифровизации и международного сотрудничества. Предметом исследования выступают правовые и организационные механизмы, обеспечивающие конкурентоспособность УАК, а также перспективы ее взаимодействия с арбитражными институтами Республики Казахстан.

Цель работы заключается в выявлении закономерностей развития китайской арбитражной системы на примере УАК и определении потенциальных направлений двустороннего сотрудничества в арбитражной сфере. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- определить вклад Закона об арбитраже в формирование институциональной открытости Китая;
- систематизировать и проанализировать ключевые новеллы проекта пересмотренного Закона об арбитраже 2024 г.;
- охарактеризовать основные конкурентные преимущества и практические достижения УАК;

– обосновать перспективные направления китайско-казахстанского арбитражного сотрудничества.

Материалы и методы

Данное исследование основано на методологии качественного правового анализа с использованием первичных и вторичных источников. К первичным материалам относятся Закон КНР об арбитраже (1994 г.)¹, проект пересмотренной редакции Закона об арбитраже, рассмотренный Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей в ноябре 2024 г., а также официальные публикации и статистические данные Уханьской арбитражной комиссии². Эмпирическую базу составили ежегодные отчеты УАК о количестве рассмотренных дел и суммах споров, данные с официального сайта Комиссии и сообщения в средствах массовой информации, освещающие ее деятельность. Анализ китайско-казахстанского сотрудничества проведен на основе двусторонних соглашений, подписанных между УАК и арбитражными институтами Казахстана, включая Казахстанский международный арбитраж и Суд и Международный арбитражный центр Международного финансового центра «Астана» (МФЦА). Институциональное развитие изучалось через призму специализированных арбитражных регламентов УАК, в частности «Правил арбитража по спорам о данных» (вступили в силу в октябре 2024 г.), и процедур, реализованных в рамках платформы онлайн-урегулирования споров. Методологический подход сочетает доктринальный анализ правовых текстов с эмпирической оценкой институциональной практики, что позволяет дать всестороннюю характеристику роли УАК в развивающемся арбитражном ландшафте Китая.

Результаты и обсуждение

1. Три десятилетия Закона об арбитраже: основные результаты

За последние три десятилетия Закон об арбитраже сыграл ключевую роль в развитии системы коммерческого арбитража в Китае. К 2023 году китайские арбитражные учреждения в совокупности рассмотрели более пяти миллионов дел, а общая сумма споров превысила 8 триллионов юаней. Только в 2023 году было принято к производству свыше 600 тысяч дел с

¹ Закон КНР «Об арбитраже». URL: https://chinalawinfo.ru/civil/law/law_arbitration (дата обращения: 04.05.2025)

² 2023 China Arbitration Week Wuahn Special Event and Forum on “Recent Developments in Commercial Arbitration in the Context of Revisions of the Arbitration Law” Successfully Held. URL: <https://www.cietac.org/en/articles/33475> (accessed: 05.05.2025)

суммой споров более 1,16 триллиона юаней. За последние десять лет количество арбитражных дел в Китае увеличилось почти в пять раз, а общая сумма споров – в восемь раз. Сторонами арбитражных разбирательств стали участники из более чем ста стран и регионов мира. Таким образом, Закон об арбитраже обеспечил прочную правовую основу для международного торгово-экономического сотрудничества и политики открытости Китая [1]. Однако количественный рост арбитражных дел, отражающий возросшее доверие к механизму, создал лишь фундамент. Подлинным вкладом Китая в мировую арбитражную практику стали не цифры, а качественные институциональные инновации, ключевой из которых является система «гармоничного арбитража» (Хэцай), основанная на традиционной восточной философии.

Система «гармоничного арбитража» (Хэцай) является инновационным достижением и институциональным вкладом Китая в мировое развитие арбитража. Эта система получила широкое признание в международном арбитражном сообществе и была названа «восточным опытом». 30 мая 2025 года в Гонконге (Китай) состоялась церемония подписания Конвенции о создании Международного института медиации (МИМ)¹. МИМ наглядно демонстрирует ценностную ориентацию Востока на принцип «гармония как высшая ценность». В отличие от традиционной для западных правовых систем состязательной модели, подход, реализованный в деятельности МИМ, акцентирует внимание на восстановлении деловых связей и поиске взаимоприемлемого решения, а не на формальном установлении правоты одной из сторон. Такой подход предлагает участникам международного оборота альтернативный, менее конфронтационный способ урегулирования споров, что становится все более востребованным в условиях сложных многосторонних сделок в рамках инициативы «Пояс и путь». Создание Института подчеркивает значимость восточного опыта для инновационного развития глобального механизма коммерческого арбитража, показывая, как традиционная китайская философия может обогащать современные практики разрешения споров.

Закономерным результатом внедрения таких признанных на международном уровне инноваций, как система Хэцай, стало повышение глобального рейтинга китайских арбитражных центров. Создание МИМ укрепило репутацию Китая как юрисдикции, предлагающей не только эффективное, но и культурно-адаптированное правосудие.

¹ В Гонконге подписана Конвенция о Международной посреднической организации. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20250530/310915097.html (дата обращения: 04.05.2025)

В июле 2022 года правительство Китая инициировало проект по созданию международных коммерческих арбитражных центров, нацеленный на повышение качества разрешения международных коммерческих споров. Согласно «Исследованию международного арбитража за 2025 год», такие китайские города, как Пекин, Шэньчжэнь и Гонконг, вошли в число наиболее предпочтительных арбитражных юрисдикций. Арбитраж стал важным мостом для равноправного диалога между Китаем и мировым сообществом, что отражает успех страны в позиционировании себя как авторитетного и привлекательного места для трансграничного разрешения споров [2].

2. Пять прорывных положений проекта пересмотренного Закона об арбитраже 2024 года

4 ноября 2024 года на 12-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 14-го созыва впервые был рассмотрен проект новой редакции Закона КНР об арбитраже². Данный пересмотр представляет собой наиболее значимую попытку модернизации арбитражного законодательства с момента вступления в силу действующего закона в 1995 году. Проект, состоящий из 8 глав и 91 статьи, призван разрешить актуальные проблемы арбитражной системы и практики. Новая редакция Закона не только совершенствует арбитражную систему с китайской спецификой, соответствующую международным стандартам, но и повышает авторитет и международную конкурентоспособность китайского арбитража. Цель принятия обновленного законодательства заключается в формировании первоклассной международной деловой среды и обеспечении высококачественного развития и высокоуровневой открытости на принципах рыночного равенства и верховенства права.

Пять ключевых аспектов пересмотра включают:

1. Всесторонняя открытость арбитражной системы для отношений с иностранным элементом. Сфера применения арбитража для споров с иностранным элементом существенно расширяется. Пересмотренный закон заменяет прежнюю формулировку «споры в области внешней торговли, транспорта и морского судоходства» на современное определение «споры, содержащие иностранный элемент». Это соответствует международным стандартам, охватывает более широкий спектр спорных ситуаций и создает

² 4 ноября 2024 года на 12-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 14-го созыва впервые был рассмотрен проект новой редакции Закона КНР об арбитраже. URL: <https://dknews.kz/ru/xinhua/343632-kitay-rassmatrivaet-vozmozhnost-peresmotra-zakona-ob> (дата обращения: 04.05.2025)

дополнительные возможности для разрешения трансграничных коммерческих споров в арбитраже. Вводится институт «места арбитража». В новом законе четко предусматривается, что место арбитража служит основанием для применения процессуального права и определения юрисдикции судов. Это разрешает споры о национальной принадлежности арбитражных решений и повышает их международное признание. Закон разрешает сторонам в спорах с иностранным элементом договариваться о месте арбитража; при отсутствии договоренности арбитражный орган определяет место арбитража в соответствии с арбитражными правилами или решением состава арбитража, что повышает гибкость и автономию сторон. Государство поддерживает деятельность иностранных арбитражных учреждений по рассмотрению международных арбитражных споров в зонах свободной торговли, способствуя привлечению международных арбитражных дел и укреплению позиций Китая в качестве востребованного места арбитража (арбитражного сиденья) на глобальной карте.

2. Повышение эффективности арбитражных процедур. Новый Закон об арбитраже наделяет арбитражный орган (третейский суд) полномочиями по разрешению споров о юрисдикции, что сокращает преждевременное судебное вмешательство и ускоряет арбитражный процесс. Это способствует повышению эффективности арбитража и обеспечивает беспрепятственное осуществление разбирательства [3]. Перечень обеспечительных мер дополнен, в частности, поведенческими запретами (судебными запретами), что обеспечивает согласованность (корреспонденцию) с положениями Гражданского процессуального кодекса. Это укрепляет защиту прав в спорах, связанных с интеллектуальной собственностью. Одновременно введена презумпция действительности арбитражного соглашения: непредставление стороной своевременного возражения рассматривается как согласие с арбитражным соглашением. Это сокращает процессуальные задержки, предотвращает злоупотребление процессуальными правами и обеспечивает эффективность арбитражного разбирательства.

3. Углубление реформы арбитражных учреждений. Новый Закон об арбитраже закрепляет статус арбитражных учреждений как некоммерческих организаций, что создает правовые основы для их независимой деятельности и служит предпосылкой для повышения их конкурентоспособности и эффективности. Планируется реализовать единые программы профессиональной подготовки арбитров и расширить каналы их назначения, включая привлечение технических экспертов и специали-

стов с опытом работы в прокуратуре. Это позволит диверсифицировать профессиональный состав арбитражных коллегий. Установлена обязанность арбитров раскрывать арбитражным учреждениям информацию о потенциальных конфликтах интересов, что обеспечит беспристрастность и авторитет арбитража.

4. Гармонизация с международными арбитражными нормами. Впервые в законе регламентирована процедура признания иностранных арбитражных решений. На основании международных договоров или принципа взаимности истец имеет право подать заявление в суд по месту жительства ответчика либо месту нахождения его имущества. Это создает четкие правовые ориентиры для исполнения иностранных арбитражных решений в Китае. В то же время государство стимулирует участие арбитражных учреждений в международной нормотворческой деятельности, что способствует повышению роли и влияния китайской арбитражной системы на формирование международных стандартов.

5. Региональное законодательство и пространство для институциональных инноваций. В соответствии с коррективами Закона о законодательной деятельности, государство сохраняет за собой полномочия по установлению «основополагающих принципов арбитражной системы», одновременно разрешая регионам проводить законодательные эксперименты в сферах, не относящихся к этим принципам. Это открывает возможности для гармонизации с международными нормами и внедрения инноваций в арбитражные процедуры. Государство поддерживает создание арбитражных центров с региональной спецификой. Это не только предоставляет правовые возможности для институциональных инноваций местных арбитражных учреждений с учетом региональных особенностей и потребностей, но и способствует формированию дифференцированной системы арбитражных услуг. В целом, пересмотренная редакция Закона об арбитраже воплощает концепцию «К миру и открытости», создавая прочную правовую основу и открывая широкие перспективы для развития международного сотрудничества китайских арбитражных учреждений, включая УАК¹.

В совокупности эти пять направлений реформы знаменуют переход китайского арбитража от модели «контролируемой изоляции» к модели «конкурентной открытости». Законодатель больше не просто допускает международные стандарты, а активно интегрирует их, стремясь превратить Китай из пассивно-

¹ Wuhan Arbitration Commission. WHAC Open Arbitrator Recruitment Announcement. URL: <https://lex-lawyers.com/LAW/China/Wuhan/Lawyer-for-international-arbitration-China-Wuhan.htm> (accessed: 05.04.2025)

го участника международного арбитража в одного из архитекторов его будущего. Таким образом, новая редакция Закона закладывает основы для «арбитражного федерализма» по-китайски. Разрешая региональные эксперименты, законодатель создает сеть «регуляторных песочниц», где будут обкатываться самые смелые инновации. Успешные практики, отработанные в таких песочницах, смогут в будущем масштабироваться на всю страну, обеспечивая постоянную эволюцию арбитражной системы.

3. Четыре ключевых конкурентных преимущества УАК

Именно такие «регуляторные песочницы», о которых говорилось выше, создают пространство для роста конкретных институтов. Ярким примером успешного использования этого пространства и региональных возможностей является Уханьская арбитражная комиссия, чья тридцатилетняя история и современные достижения демонстрируют практическую реализацию концепции «К миру и открытости». Уханьская арбитражная комиссия была учреждена в январе 1997 года в соответствии с Законом КНР об арбитраже и является единственным на территории Уханя гражданско-коммерческим арбитражным органом. В августе 2022 года ей было дополнительно присвоено наименование «Уханьский международный арбитражный центр», деятельность которого направлена на создание важной платформы для разрешения международных коммерческих споров. По состоянию на конец 2024 года общее количество принятых к рассмотрению дел достигло 321 104, а общая сумма споров составила 255,174 млрд юаней. При этом в 2024 году сумма споров достигла 26,3 млрд юаней, что является историческим рекордом. УАК неоднократно входила в список «Топ-10 лучших арбитражных учреждений Китая» и была удостоена награды «Топ-10 лучших организаций-партнеров в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

УАК обладает следующими четырьмя основными конкурентными преимуществами:

1. Географические преимущества. Ухань расположен в экономико-географическом центре Китая, на берегах реки Янцзы. Он является ключевым узлом Центрального Китая и стержневым городом в экономическом поясе бассейна Янцзы. На него возложены пять основных функций: «общенациональный экономический центр, национальный центр научно-технических инноваций, торгово-промышленный и транспортно-логистический центр, международный коммуникационный центр и региональный финансовый центр». Транспортная доступность Уханя исключительна: поезда достигают Пекина, Шанхая,

Большого заливного района (Гуандун-Гонконг-Макао) и других основных экономических зон примерно за 4 часа. Эта 4-часовая железнодорожная сеть охватывает более 75 городов Китая. Кроме того, 60% провинциальных столиц Китая находятся в радиусе 1000 км от Уханя. Авиасообщение за 2 часа покрывает свыше 60% ВВП страны. Как крупнейший логистический и торговый хаб Центрального Китая, Ухань отличается высокой коммерческой активностью, что создает широкую клиентскую базу и значительные перспективы развития для УАК.

2. Глобальная кооперационная сеть. УАК активно установила партнерские отношения с 12 международными органами (например, арбитражные институты Стокгольма и Сингапура) и осуществляет с ними широкий обмен и сотрудничество для совместного продвижения развития международного арбитража. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» УАК активно участвует в разрешении коммерческих споров и рассмотрела в совокупности более 500 трансграничных споров. УАК обеспечивает предприятиям и инвесторам стран инициативы «Пояс и путь» доступ к беспристрастному и эффективному механизму разрешения споров, что вносит значительный вклад в реализацию задач инициативы. В мае 2025 года УАК подписала меморандум о сотрудничестве с Судом и Международным арбитражным центром МФЦА, установив механизмы долгосрочного взаимодействия в таких областях, как обмен ресурсами, взаимное рекомендование арбитров и совместная организация международных мероприятий. Недавно прошедший семинар «Ухань-Астана: трансграничный арбитраж и правовая синергия» собрал более 220 представителей судебных, арбитражных, деловых, академических кругов и сферы юридических услуг, что еще больше укрепило институциональные связи.

3. Аналитический центр «Тысяча экспертов». В состав УАК входят 1150 арбитров, формирующих экспертную команду по 20 направлениям. Эти профессионалы обладают глубокими правовыми знаниями и богатым практическим опытом, что позволяет им выносить законные и обоснованные решения по коммерческим спорам любой сложности. УАК также разработала 6 специализированных регламентов для цифровой экономики и Хубэйской экспериментальной зоны свободной торговли, включая «Регламент онлайн-арбитража» и «Правила арбитража по спорам о данных». Правила арбитража по спорам о данных, вступившие в силу в октябре 2024 года, устанавливают комплексные процедуры для разрешения споров, возникающих из сбора, хранения,

использования, обработки, передачи, предоставления, публичного раскрытия, удаления и уничтожения данных, а также из сделок с данными и связанной с ними деятельности. Эти документы отвечают новым экономическим потребностям и предлагают четкие и практичные инструменты для урегулирования споров в соответствующих сферах. Международные арбитражные решения УАК в настоящее время признаются и подлежат принудительному исполнению в 56 юрисдикциях, что подтверждает авторитет арбитражных решений УАК и демонстрирует ее глобальное влияние. Тот факт, что решения УАК признаются и исполняются в 56 юрисдикциях, выводит комиссию за рамки сугубо регионального игрока. Это означает, что УАК соответствует строгим критериям Нью-Йоркской конвенции 1958 года и пользуется доверием за рубежом, что является критически важным активом для привлечения трансграничных споров и укрепления позиций Уханя как международного арбитражного центра.

4. Создание интеллектуальной аналитической платформы. УАК создала «Многопрофильную платформу онлайн-урегулирования споров» и реализовала принципы «регистрация за 30 минут, разбирательство за 7 дней», что значительно повышает эффективность арбитража и снижает затраты сторон. Платформа была включена в «Экспозицию достижений в области цифровизации правовой системы Китая». Использование технологии блокчейн, основанной на принципах неизменяемости и отслеживаемости данных, позволяет обеспечить подлинность и сохранность доказательств, повышая доверие общества к арбитражу. Цифровизация рассмотрения трансграничных дел позволяет проводить весь арбитражный процесс (от регистрации до вынесения решений) через цифровую платформу, что значительно упрощает участие сторон в процессе. Особенно при разрешении трансграничных споров эта платформа устраняет географические и временные барьеры, предоставляя мощную технологическую поддержку международным коммерческим арбитражным органам. На сегодняшний день платформа онлайн-урегулирования споров УАК обработала более 30 000 дел, а ее полностью облачная модель рассмотрения дел была отобрана в качестве национального выдающегося достижения в области инноваций в сфере «умного правосудия».

Обладая четырьмя описанными преимуществами – географическим, сетевым, экспертно-аналитическим и цифровым, – УАК готова предложить свои ресурсы для решения конкретных задач, стоящих перед растущим товарооборотом между Китаем и Казахстаном.

Этот товарооборот, достигший 43,8 млрд долларов, требует адекватной арбитражной инфраструктуры, что открывает новые направления для сотрудничества. Три новых направления китайско-казахстанского арбитражного сотрудничества. В 2024 году объем торговли Китая со странами Центральной Азии достиг 94,8 млрд долларов США, при этом Казахстан занял первое место. Товарооборот между Китаем и Казахстаном составил 43,8 млрд долларов (более 46% от общего объема между Китаем и Центральной Азией). По сравнению с 2023 годом этот показатель вырос на 2,799 млрд долларов, что составляет рост на 6,8%. Особенно углубилось сотрудничество в таких сферах, как новая энергетика, трансграничная логистика и цифровая торговля. Кроме того, Алма-Атинская область подписала соглашения о дружественном сотрудничестве с китайскими городами Шанхай и Шэньчжэнь, что создает благоприятные возможности для укрепления дружественных связей между Алма-Атой и Уханем через арбитражное сотрудничество. В этой связи предлагаются следующие инициативы по сотрудничеству:

1. Инновационные механизмы. Создание совместного реестра китайско-казахстанских арбитров: К настоящему моменту уже сформирована экспертная команда из 234 двуязычных специалистов. Обмен ресурсами арбитров позволит повысить профессионализм и беспристрастность арбитража и обеспечит более качественные арбитражные услуги по урегулированию коммерческих споров между Китаем и Казахстаном. Пилотный проект «Механизм ускоренного рассмотрения гражданско-коммерческих споров»: Для простых гражданско-коммерческих споров с незначительной суммой иска (менее 10 тыс. долл.) предлагается применять 7-дневную ускоренную процедуру, обеспечивающую быстрое рассмотрение и вынесение решения. Это повысит эффективность разрешения споров, будет соответствовать потребностям участников конфликтов и сократит временные и финансовые издержки сторон. Создание совместного реестра арбитров — это не просто административная мера. Это ответ на фундаментальную проблему трансграничных споров: недоверие сторон к «чужому» арбитру. Наличие в реестре 234 двуязычных специалистов, знакомых с обеими правовыми системами, позволяет сторонам выбирать нейтрального, но компетентного арбитра, что критически повышает доверие к процедуре в целом.

2. Подготовка кадров. Реализация программы «Шёлковая звезда»: Ежегодная подготовка 20 молодых арбитров, обладающих глубокими знаниями китайского и казахстанского пра-

ва. Эта программа создаст прочный кадровый резерв для долгосрочного и устойчивого развития арбитражной работы Китая и Казахстана. Совместное использование китайско-казахстанской базы данных судебных прецедентов с поддержкой поиска на русском языке. Эта база данных не только углубит взаимное понимание правовых систем обеих стран, но и обеспечит точность и беспристрастность арбитражных решений с помощью точной правовой базы и справочных материалов в арбитражной практике. Укрепление сотрудничества с Каспийским университетом: Регулярное проведение научных семинаров и лекций с участием экспертов и ученых обеих сторон для обмена результатами исследований и практическим опытом.

Реализация программ студенческого обмена: Студенты юридического факультета Каспийского университета смогут проходить стажировку в Уханьском институте международного арбитража для изучения китайской арбитражной системы. Талантливые студенты Уханьского института международного арбитража получают возможность обучаться в Каспийском университете для ознакомления с правовой системой Казахстана и арбитражной практикой. Совместная организация курсов повышения квалификации для специалистов в области международного арбитража, включая сотрудников арбитражных учреждений, юристов, корпоративных юрисконсультов и др.

3. Использование цифровых технологий. Взаимное признание юридической силы доказательств, заверенных с использованием блокчейн-технологий. Разработка систем ИИ-синхронного перевода для арбитражных заседаний. Данная система обеспечит удобное участие в арбитражном процессе для участников и арбитров, говорящих на разных языках. Эта система не только повысит удобство и доступность арбитража, устраняя языковые барьеры, но и будет способствовать углублению арбитражного сотрудничества между Китаем и Казахстаном. Продвижение цифровой трансформации арбитража: Арбитражные учреждения обеих сторон укрепляют обмены и сотрудничество в области создания цифровых арбитражных платформ и совместно исследуют методы использования современных информационных технологий для повышения эффективности и прозрачности арбитража.

В прошлом месяце был подписан меморандум о сотрудничестве с Астанинским международным арбитражным центром. Обе стороны договорились о взаимном рекомендовании профильных специалистов в качестве арбитров другой стороны, создавая объединенный реестр арбитров и расширяя возможности вы-

бора для участников споров. Стороны также будут активно участвовать в международных арбитражных конференциях, форумах и тренингах на территориях Китая и Казахстана, укрепляя обмен и сотрудничество, совместно организуя подобные мероприятия с целью привлечения ведущих мировых экспертов в области арбитража для повышения международного влияния. Семинар «Ухань-Астана: трансграничный арбитраж и правовая синергия», состоявшийся в сентябре 2025 года, стал еще одним шагом в углублении двустороннего сотрудничества, в ходе которого пять институтов подписали меморандум о совместном исследовательском проекте по теме «Практические различия и стратегии реагирования в трансграничном коммерческом арбитраже между Уханем и Астаной». Все эти инициативы – от совместных реестров до систем ИИ-перевода – объединены общей целью: создать интегрированную правовую среду для бизнеса двух стран, в которой языковые, правовые и процедурные барьеры будут сведены к минимуму. Реализация этих планов позволит перейти от разовых контактов к системному «Янцзы-Каспийскому партнерству»

Заключение

От реки Янцзы до Каспийского моря – караванные колокольчики Великого шелкового пути постепенно смолкли вдали, однако в цифровую эпоху взаимовыгодное сотрудничество формирует новые связующие нити. Уханьская арбитражная комиссия готова служить надежным ориентиром и гарантом правовой определенности для центральноазиатских предприятий, осваивающих китайский рынок. Благодаря внедрению инновационных механизмов, реализации программ подготовки кадров и использованию цифровых технологий, УАК является примером успешной интеграции китайской арбитражной практики с международными стандартами. Продолжающийся процесс пересмотра Закона Китая об арбитраже с его пятью ключевыми прорывами обеспечивает прочную правовую основу для этой интеграции, в то время как четыре ключевых конкурентных преимущества УАК позиционируют ее как ведущее учреждение в арбитражном ландшафте Центрального Китая.

Три новых направления китайско-казахстанского сотрудничества, изложенные выше, предлагают конкретную дорожную карту для углубления двустороннего взаимодействия. Недавнее подписание меморандумов о сотрудничестве между УАК и казахстанскими арбитражными институтами, включая Казахстанский международный арбитраж, а также

Суд и Международный арбитражный центр МФЦА, демонстрирует ощутимый прогресс в реализации этого видения. Рассчитываем на совместное открытие новой главы в международном арбитражном сотрудничестве и установление отношений «Янцзы-Каспийского партнерства». Искренне приглашаем всех присутствующих посетить Ухань, чтобы вместе подняться на Башню Жёлтого Журавля (Хуанхэлоу), по-

любоваться с высоты величественным течением реки Янцзы, насладиться цветением сакур и ощутить дыхание весны, погулять по озеру Дунху, где горы и воды сливаются в гармонии, и во время ночной экскурсии по реке Янцзы увидеть сияние огней на набережных – чтобы вместе прочувствовать богатую историческую атмосферу этого города-героя и динамичную энергию современного мегаполиса.

Список литературы

1. Тао Д., Чэньтин Ч. Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29. №. 3. – С. 713-732.
2. Русакова Е.П. Международный коммерческий арбитраж в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. – №. 4. – С. 159-164.
3. Рудь К.С. Международный Коммерческий Арбитраж в КНР // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. – 2020. – №. 19. – С. 124-13.

References

1. Tao D., Chen'tin CH. Arbitrazh ad hoc v Kitaye: evolyutsiya, pravovyye dilemmy i perspektivy razvitiya // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki. – 2025. – T. 29. №. 3. – S. 713-732.
2. Rusakova Ye.P. Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh v Kitaye // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki. – 2012. – №. 4. – S. 159-164.
3. Rud' K.S. Mezhdunarodnyy Kommercheskiy Arbitrazh v KNR // Uchenyye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. – 2020. – №. 19. – S. 124-13

Q. Su¹

¹Ухань арбитраждық комиссиясы директорының орынбасары; Хубэй провинциясы бойынша қаржылық дауларды медиациялық шешу жөніндегі сарапшы; Хубэй провинциясының Құқықтану қоғамы Атқарушы кеңесінің мүшесі; Хубэй провинциясының Құқықтану қоғамы жанындағы Азаматтық құқықты зерттеу қауымдастығының вице-президенті; Хубэй провинциясының Құқықтану қоғамы жанындағы Арбитраждық құқықты зерттеу қауымдастығының вице-президенті; Хубэй провинциясының Құқықтану қоғамы жанындағы Коммерциялық құқықты зерттеу қауымдастығы Атқарушы кеңесінің мүшесі; Ухань қаласының Құқықтану қоғамы жанындағы Арбитраждық құқықты зерттеу қауымдастығының вице-президенті; құқық магистрі (LL.M.) (Ухань қ., Қытай)

АШЫҚТЫҚ КЕЗЕҢДЕГІ АРБИТРАЖ: УХАНЬ АРБИТРАЖДЫҚ КОМИССИЯСЫНЫҢ КОНЦЕПЦИЯСЫ, ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫМЕН ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ БОЛАШАҒЫ

Андатпа

Мақала Қытай Халық Республикасының Арбитраж туралы заңының (2024 жылғы жоба) алдағы реформасы контекстінде Қытайдың арбитраж жүйесінің дамуын Ухань арбитраждық

комиссиясының мысалында кешенді талдауға арналған. Зерттеу формалды-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және институционалдық әдістер негізінде жүргізілді. Автор Заңның отыз жылдық эволюциясын, оның жаңа редакциясындағы бес негізгі жаңалықты, Ухань арбитраждық комиссиясының төрт бәсекелік артықшылығын және Қытай–Қазақстан ынтымақтастығының үш перспективалы бағытын бейнелейтін «30–5–4–3» аналитикалық құрылымын ұсынады. Жұмыста «арбитраж орны» институты, шетелдік элементі бар дауларға арбитраж қолдану аясын кеңейту, мінез-құлықтық қамтамасыз ету шараларын енгізу, сондай-ақ өңірлік эксперименттерге арналған «өңірлік деңгейдегі сынақтық реттеу алаңдары» құру сияқты жаңашыл нормалардың мазмұны ашылады. УАК тәжірибесі негізінде осы заңнамалық тәсілдердің практикалық іске асырылуы, соның ішінде мамандандырылған регламенттер әзірлеу және блокчейн технологияларына негізделген цифрлық платформаны енгізу мәселелері көрсетіледі. Қазақстанның арбитраж институттарымен ынтымақтастыққа ерекше назар аударылады; оның шеңберінде арбитрлердің бірлескен тізілімдері, кадрларды даярлау бағдарламалары және электрондық дәлелдемелерді өзара тану бастамалары іске асырылуда. Қорытынды бөлімде УАК заңнамалық өзгерістердің тек бенефициары ғана емес, сонымен қатар белсенді қозғаушысы екендігі, «Янцзы – Каспий серіктестігі» моделін қалыптастыратыны негізделеді.

Түйінді сөздер: Ухань арбитраждық комиссиясы, ҚХР Арбитраж туралы заңы, құқықтық реформа, Қытай, Қазақстан, халықаралық ынтымақтастық.

Q. Su¹

¹Deputy Director of the Wuhan Arbitration Commission; Expert in Mediation of Financial Disputes of Hubei Province; Member of the Executive Council of the Hubei Law Society; Vice President of the Civil Law Research Association of the Hubei Law Society; Vice President of the Arbitration Law Research Association of the Hubei Law Society; Member of the Executive Council of the Commercial Law Research Association of the Hubei Law Society; Vice President of the Arbitration Law Research Association of the Wuhan Law Society; LL.M. (Wuhan, China)

ARBITRATION IN THE ERA OF OPENNESS: CONCEPTUAL FRAMEWORK, PRACTICE, AND PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN THE WUHAN ARBITRATION COMMISSION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the development of China's arbitration system through the case study of the Wuhan Arbitration Commission in the context of the forthcoming reform of the Arbitration Law of the People's Republic of China (Draft 2024). The research employs formal-legal, comparative-legal, and institutional methodologies. The author proposes an analytical framework "30–5–4–3," reflecting the thirty-year evolution of the Law, five key innovations of its revised draft, four competitive advantages of WAC, and three prospective avenues for Sino-Kazakh cooperation. The article examines such legislative innovations as the introduction of the "seat of arbitration," the expansion of arbitrability in disputes involving a foreign element, the implementation of behavioral interim measures, and the establishment of "regulatory sandboxes" for regional experimentation. Using WAC as an illustrative example, the paper demonstrates the practical implementation of these legislative approaches, including the development of specialized arbitration rules and the deployment of a blockchain-based digital platform. Particular attention is devoted to cooperation with Kazakh arbitral institutions, including the establishment of joint panels of arbitrators, professional training programs, and initiatives for the mutual recognition of electronic evidence. The article concludes that WAC acts not merely as a beneficiary but as an active driver of legislative transformation, shaping a model of "Yangtze – Caspian Partnership."

Keywords: Wuhan Arbitration Commission, Arbitration Law of the PRC, legal reform, China, Kazakhstan, international cooperation.

IRSTI 10.27.61

UDC 347.961

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-54-59

N.R. Maksatov^{1*}, A.K. Amanturliiev²¹PhD, Associate Professor, Caspian Public University (Almaty, Kazakhstan)²master of law, senior lecturer Caspian Public University (Almaty, Kazakhstan)ORCID: 0009-0002-6958-1520, e-mail: amanturliiev.alibi@zangerlf.com

THE EFFECTIVENESS OF EXECUTIVE LABELING IN BINDING RELATIONSHIPS

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of the executive inscription as a procedural mechanism for protecting creditors' rights within contractual relations under the legal system of the Republic of Kazakhstan. The study aims to evaluate the effectiveness of this notarial instrument by examining its inherent advantages and disadvantages, particularly in terms of procedural promptness and the guarantee of actual debt recovery. Special attention is devoted to identifying the key factors that influence the practical efficacy of executive inscriptions in contemporary legal practice. The methodological framework of the research encompasses comparative legal analysis, systemic analysis, dogmatic analysis of legal norms, and synthesis of judicial practice. The study examines relevant provisions of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, the Law of the Republic of Kazakhstan "On Notaries", subordinate legislation governing notarial procedures, and judicial decisions concerning the contestation and enforcement of executive inscriptions.

The findings reveal that while the executive inscription offers significant advantages in terms of procedural efficiency, cost reduction, and judicial workload optimization, its effectiveness is contingent upon several critical factors. These include the clarity of legislative requirements for establishing the indisputability of debt, the adequacy of procedural safeguards protecting debtors' rights, and the consistency of judicial interpretation in cases where inscriptions are challenged. The analysis demonstrates that the executive inscription embodies a delicate balance between the expedited resolution of uncontested claims and the preservation of fundamental procedural guarantees. The article concludes that the continued refinement of the legislative framework, informed by emerging judicial practice, is essential for maintaining this balance and ensuring the institution's optimal functioning within Kazakhstan's legal system.

Keywords: executive inscription, binding relations, debt collection, efficiency, indisputability, extra-judicial recovery, judicial practice.

Introduction

The legal foundation of the notariat is predicated upon the delegation of specific state functions to notarial bodies and individual notaries. This delegation, in turn, underpins the heightened legal significance ascribed to notarial acts, an attribute that manifests in two principal dimensions. Firstly, notarized documents are endowed with an elevated degree of evidentiary weight, functioning as preferential evidence in civil proceedings. Facts attested by a notary are presumed authentic (*prima facie* evidence), thereby shifting the burden of proof to the party contesting the act. This

presumption is rooted in the notary's public-law status, which implies impartiality, legal expertise, and a duty to meticulously verify the legality of the transaction and the authentic intent of the parties. Secondly, in instances expressly stipulated by law, certain notarial acts – such as notarized alimony agreements or loan contracts providing for incontestable recovery – acquire the force of a writ of execution. Consequently, upon default, the creditor may proceed directly to a bailiff for enforcement, circumventing the judicial process entirely. This mechanism significantly enhances the efficiency and expedition of rights protection, underscoring the functional utility of the notarial form.

*Corresponding author, e-mail: nureke259@mail.ru

Given this foundational role, the institution of notaries is characterized by the state's entrustment of functions related to the certification of legally significant facts and the execution of documents, which are vested with augmented evidentiary and enforcement power by virtue of the notary's public status and the resultant public trust in their office.

A pivotal evolution in this domain occurred on January 1, 2016, with the introduction of substantial amendments to the Law of the Republic of Kazakhstan dated July 14, 1997 "On Notaries". These amendments reinstated a vital notarial instrument that had been abolished in 2000: the executive inscription (*iscolnitel'naya nadpis*). As a legal mechanism, the executive inscription embodies a broader policy objective of decompressing the judiciary by diverting cases of a relatively incontestable nature from court dockets. It is, therefore, intrinsically aligned with the conceptual essence of the notary as an organ of non-contentious jurisdiction¹. This reintroduction marks a significant shift in Kazakhstan's legal landscape, merging historical practice with contemporary needs for efficient dispute resolution.

Materials and Methods

The research employs a comprehensive set of methods to analyze the legal institution of the executive inscription. The formal-legal method is used to examine the normative provisions of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Notaries" and the Rules for Performing Notarial Acts by notaries. The comparative-legal method allows for the assessment of Kazakhstan's legislation in the context of its international obligations under bilateral mutual legal assistance agreements. The systemic method facilitates the analysis of the executive inscription procedure as an interconnected set of legal requirements and actions. The analytical method is applied to evaluate scholarly perspectives and judicial practice concerning the application of executive inscriptions.

The materials for this study comprise the Law of the Republic of Kazakhstan dated July 14, 1997 "On Notaries" (with subsequent amendments and additions), the Rules for Performing Notarial Acts approved by the Ministry of Justice, international treaties of the Republic of Kazakhstan, including agreements with Georgia, the Kyrgyz Republic, and Turkmenistan on mutual legal assistance, as

well as scholarly works by researchers such as A.A. Bakytzhanova, and available materials of judicial practice.

Results and Discussion

1. The Concept, Legal Nature, and Functional Tension of the Executive Inscription

An executive inscription is statutorily defined as a notary's order for the recovery of a monetary debt or the reclamation of movable property from a debtor. Its normative foundation is established in Chapter 14-1 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Notaries", which prescribes two fundamental preconditions for its issuance: first, the submitted documents must irrefutably confirm the debtor's liability to the claimant; and second, no more than three years must have elapsed from the date the right to claim arose².

The scholarly assessment of this institution, as articulated by A.A. Bakytzhanova, emphasizes its procedural efficiency. The executive inscription is characterized as a highly effective mechanism for the expeditious realization of legal claims, contributing to a reduction in judicial caseloads. By enabling the swift enforcement of creditors' rights, it exerts a disciplinary influence on debtors. At a macro-procedural level, this mechanism alleviates the burden on the judiciary, streamlines document review, shortens consideration periods, and minimizes the overall time required for debt collection from the creditor's perspective [1, p. 37].

However, the very efficiency of this extrajudicial procedure gives rise to a fundamental legal tension. As Bakytzhanova further observes, an analysis of Kazakh judicial practice reveals that the unfair or contested fulfillment of obligations by debtors frequently leads to disputes concerning the judicial cancellation of executive inscriptions. This paradox – that a mechanism designed for indisputable claims often becomes the subject of dispute – is attributed to gaps and ambiguities within the legal framework governing this institution as a method of protecting the law of obligations [1, p. 37]. This tension between the desideratum of efficiency and the imperative of safeguarding debtor rights forms the central problematic of the executive inscription's application.

2. The Evolution and Scope of the Legislative Framework for Indisputable Claims

In response to the practical challenges identified in the jurisprudence, the legislative framework

¹ Бурибаев Е.А. Почему в нотариальной практике «не приживается» исполнительная надпись? URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38496777#pos=27;3682 (дата обращения: 07.08.2025)

² Закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 года № 155-І «О нотариате». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008028 (дата обращения: 07.08.2025)

has undergone significant evolution. Initially, the catalogue of claims amenable to indisputable collection via executive inscription was enumerated in Article 135 of the Civil Procedure Code. In a move aimed at enhancing legislative coherence and consolidating related norms, this provision was subsequently transferred to the specialized Law "On Notaries" (as amended up to January 21, 2019). This recodification was not merely a technical relocation but served to centralize the legal basis for this notarial action.

Currently, the law authorizes debt collection through executive inscriptions for a precisely defined list of indisputable requirements, which can be categorized as follows¹:

- Obligations Arising from Transactions: Fulfillment of obligations based on a notarized transaction, or a written transaction where the debtor acknowledges non-fulfillment.

- Financial Instruments and Security: Claims based on a protested promissory note, and foreclosure on pledged objects by pawnshops.

- Property and Contractual Claims: Recovery of a leased object, recovery of overdue lease payments, and debt collection from condominium owners for mandatory maintenance expenses.

- Public Services and Employment: Debt collection under public contracts for consumed utilities and services, and recovery of accrued but unpaid wages.

It is crucial to note the temporal limits on this mechanism. An executive inscription may be presented for compulsory execution within three years from its issuance. The procedure for restoring a missed deadline is governed by the norms of civil procedure legislation, thereby creating a formal link between the notarial and judicial systems.

3. Procedural Dynamics and Inbuilt Safeguards

The procedural regime governing the making of executive inscriptions, detailed in the Rules for Performing Notarial Acts, is designed to balance the efficiency of the process with fundamental due process rights. A key feature enhancing accessibility is the rule established in paragraph 221, which grants the creditor the right to apply to any notary, irrespective of the parties' location². This eliminates territorial barriers that might otherwise impede access to this remedy.

The application process itself is structured to ensure the reliability of the information. For individuals, it mandates details such as IIN and place of residence; for legal entities, it requires confirmation of signatory authority. A critical substantive requirement is the claimant's declaration confirming the absence of a court dispute regarding the obligation at the time of application [2]. This provision is designed to prevent the parallel pursuit of judicial and notarial remedies and to uphold the "indisputability" criterion.

The most significant procedural safeguard, however, is the debtor's right to object. The prescribed workflow is illustrative of a balanced approach:

- Issuance and Notification: After making the inscription, the notary must promptly notify the debtor, sending a copy with delivery confirmation.

- Suspensive Objection Period: A period of ten working days from the debtor's receipt of notification is established. During this time, the inscription is not yet executable.

- Debtor's Veto: If the debtor submits a written objection within this period, the notary is stripped of discretion. The law mandates the issuance of a resolution canceling the executive inscription within three working days.

- Execution: Only in the absence of a timely objection does the notary issue the executive inscription to the creditor for presentation to a bailiff.

This procedural architecture reveals a deliberate legislative choice. While the executive inscription offers a swift path to enforcement, the debtor's power to trigger its cancellation by a simple objection reasserts the primacy of judicial resolution in the face of any contestation. Furthermore, the rule that the notary's fee is non-refundable upon cancellation serves as a deterrent against frivolous or premature applications by creditors, as the financial risk of a successful debtor objection lies with the claimant.

4. Harmonization with International Legal Obligations

The reinstatement of the executive inscription in 2016 was not solely a matter of domestic legal policy but also a necessary step to align Kazakhstan's legal order with its international commitments. Prior to this reform, the domestic legal framework, which did not provide for the execution of such notarial acts, stood in direct conflict with bilateral treaties to which Kazakhstan is a party. International instruments, such as the mutual legal assistance agreements with Georgia,

¹ Civil procedural law of the Republic of Kazakhstan (31 October, 2015 № 377-V). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38726690#activate_doc=2 (accessed: 09.08.2025)

² Приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 31 января 2012 года № 31 «Об утверждении Правил совершения нотариальных действий нотариусами». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31143652 (дата обращения: 09.08.2025)

the Kyrgyz Republic, and Turkmenistan, explicitly mandate the recognition and execution of notarial acts containing executive inscriptions¹. The 2016 amendments were therefore instrumental in resolving this normative conflict, enabling reciprocity and facilitating cross-border enforcement of notarial documents. This harmonization underscores the executive inscription's role not only as a domestic procedural tool but also as an instrument of international legal cooperation.

5. Concluding Assessment of the Procedural Mechanism

In sum, the legislation provides a sufficiently detailed and structured procedure for making executive inscriptions. A key constitutional safeguard is embedded in the design: the procedure explicitly preserves the parties' right to subsequently apply to a court for dispute resolution. The debtor's right to object and the notary's mandatory duty to cancel the inscription upon receipt of such an objection function as essential guarantees against potential abuse, ensuring that the extrajudicial mechanism does not become a tool for circumventing due process.

The executive inscription thus possesses the force of a writ of execution, with recovery governed by the Law on Enforcement Proceedings. Its primary advantages – cost-effectiveness and significantly reduced processing time compared to litigation – are substantial. However, these advantages are contingent upon the "indisputability" of the claim. When this condition is not met, as evidenced by the judicial practice of cancellation, the mechanism's efficiency is negated, and the dispute reverts to the judicial arena. Therefore, the executive inscription, as a distinct type of notarial act, successfully simplifies the protection of rights for citizens and legal entities, but only within the boundaries of its strictly defined and procedurally safeguarded scope. Its effectiveness ultimately depends on the clarity of the legal framework and the good faith of the parties, highlighting the need for continuous refinement to address the gaps identified in judicial practice.

Conclusion

The reinstitution of the executive inscription into Kazakhstan's notarial practice in 2016 marks a significant legislative recalibration, reintroducing a procedural mechanism designed to balance

the exigencies of efficient debt collection with the imperatives of fundamental procedural fairness. As the foregoing analysis demonstrates, this institution is emblematic of the dualistic nature of notarial activity. On one hand, it operationalizes the notary's function as an organ of non-contentious jurisdiction, offering a pathway for the rapid and economically viable resolution of uncontested claims. On the other hand, it is carefully circumscribed by procedural safeguards – most notably, mandatory debtor notification, a statutory right to object, and the notary's consequent obligation to cancel the inscription upon receipt of such objection – which serve to preclude arbitrary or unjust enforcement.

This legislative choice reflects a deliberate and evolving policy aimed at optimizing the allocation of judicial resources. The migration of the normative framework from the Civil Procedure Code to the specialized Law "On Notaries", supplemented by detailed implementing rules, signifies a conscious effort to consolidate and refine the legal basis for extrajudicial enforcement. This structural development is indicative of a broader strategy to recalibrate the relationship between judicial and non-judicial jurisdictions, reducing the burden on courts while preserving, and indeed enhancing, access to expedited forms of justice for claims of an indisputable nature.

The procedural architecture of the executive inscription, as currently constituted, incorporates multiple layers of protection that collectively safeguard its constitutionality. The threshold requirement of documentary proof establishing the indisputability of the debt, the debtor's power to trigger automatic cancellation through a timely objection, and the preservation of the right to subsequent judicial review form a coherent system of checks and balances. These mechanisms ensure that the procedural simplification inherent in the notarial process does not come at the expense of fundamental rights. Furthermore, the restoration of this institution has enabled the Republic of Kazakhstan to harmonize its domestic legislation with its international treaty obligations, thereby facilitating the cross-border recognition and enforcement of notarial acts under bilateral mutual legal assistance agreements.

Nevertheless, as the emerging body of judicial practice reveals, the practical efficacy of executive inscriptions remains contingent upon the precision and completeness of the legal framework. Instances in which debtors successfully contest and obtain the judicial cancellation of executive inscrip-

¹ Перечень международных договоров Республики Казахстан, включенных МТСЗН РК для заключения в Текущий план МИД РК. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/6368?lang=ru> (дата обращения: 09.08.2025)

tions frequently expose underlying ambiguities in statutory language or deficiencies in documentary practice. This jurisprudential feedback suggests that while the legislative foundation is substantially developed, it is not immutable. Continued doctrinal refinement and legislative attention may be necessary to address these emergent practical challenges and to close any interpretive gaps that could undermine the mechanism's reliability or invite abuse.

In sum, the notary's executive inscription constitutes a procedurally sophisticated instrument that effectively synthesizes the authority derived from publicly delegated functions with the accessibility and expeditiousness appropriate for the

resolution of indisputable claims. Its intrinsic value lies in this synthesis, positioning it as an integral component of Kazakhstan's legal architecture. By contributing to both the efficacy of debt recovery mechanisms and the overarching optimization of judicial resources, the executive inscription fulfills a vital role in the administration of civil justice, provided that its application remains anchored to the foundational criterion of indisputability and bounded by its carefully calibrated procedural safeguards. The ongoing task for both legislators and the judiciary will be to ensure that this balance is maintained and refined in response to the evolving demands of legal practice.

Список литературы

1. Бакытжанова А.А. «Исполнительная надпись как альтернатива приказному производству» Заңгер, 2017. – № 1. – С. 37-39.
2. Шухарева А.В. Использование исполнительной надписи нотариуса: актуальные проблемные вопросы // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – №. 11 (278). – С. 106-110.

References

1. Bakytzhanova A.A. «Ispolnitel'naya nadpis' kak al'ternativa prikaznomu proizvodstvu» Zaңger, 2017. – № 1. – S. 37-39.
2. Shukhareva A.V. Ispol'zovaniye ispolnitel'noy nadpisi notariusa: aktual'nyye problemnyye vo-prosy // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. – 2024. – №. 11 (278). – S. 106-110

Н.Р. Максатов¹, А.К. Амантурлиев²

¹PhD, Каспий қоғамдық университетінің қауымдастырылған профессоры
(Алматы қ., Қазақстан)

²з.ғ.м., Каспий қоғамдық университетінің сеньор-лекторы,
(Алматы қ., Қазақстан)

ORCID: 0009-0002-6958-1520, e-mail: amanturliiev.alibi@zangerlf.com

МІНДЕТТЕМЕЛІК ҚАТЫНАСТАРДАҒЫ АТҚАРУШЫЛЫҚ ЖАЗБАНЫҢ ТИІМДІЛІГІ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесіндегі шарттық қатынастар аясында кредиторлардың құқықтарын қорғаудың процессуалдық тетігі ретінде атқарушылық жазбаның жан-жақты талданды. Зерттеудің мақсаты аталған нотариаттық институттың тиімділігін бағалау, оның артықшылықтары мен кемшіліктерін, әсіресе рәсімнің жеделдігі мен берешекті нақты өндіріп алу мүмкіндігін қамтамасыз ету тұрғысынан анықтау болып табылады. Сонымен қатар қазіргі құқық қолдану тәжірибесінде атқарушылық жазбаны қолданудың практикалық тиімділігіне әсер ететін негізгі факторларды айқындауға ерекше назар аударылады. Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы-құқықтық талдау, жүйелік талдау, құқықтық нормаларды догматикалық талдау әдістері, сондай-ақ сот практикасын жинақтау құрайды. Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының Азаматтық процесстік кодексінің, «Нотариат туралы» Қазақстан Республикасы заңының, нотариаттық іс-әрекеттерді реттейтін заңға тәуелді нормативтік құқықтық актілердің нормалары, сондай-ақ атқарушылық жазбаларды даулау және оларды орындау жөніндегі сот шешімдері талданды.

Зерттеу нәтижелері атқарушылық жазбаның рәсімнің жеделдігін қамтамасыз ету, тараптардың қаржылық және уақыттық шығындарын азайту, сондай-ақ сот жүйесіне түсетін жүктемені оңтайландыру сияқты елеулі артықшылықтарға ие екенін көрсетеді. Сонымен бірге бұл институттың тиімділігі бірқатар маңызды факторларға тәуелді екендігі анықталды. Олардың қатарына берешектің даусыздығын айқындауға қойылатын заңнамалық талаптардың айқындығы, борышкердің құқықтарын қорғауға бағытталған процессуалдық кепілдіктердің жеткіліктілігі, сондай-ақ атқарушылық жазбаларды даулау істері бойынша сот практикасының бірізділігі жатады. Зерттеу қорытындысында атқарушылық жазбаның даусыз талаптарды жедел өндіріп алу мен негізгі процессуалдық кепілдіктерді сақтау арасындағы теңгерімді қамтамасыз ететін құқықтық механизм екендігі негізделеді. Сонымен қатар бұл институттың құқықтық жүйеде тиімді жұмыс істеуін қамтамасыз ету мақсатында қалыптасып келе жатқан сот практикасын ескере отырып, заңнамалық реттеуді одан әрі жетілдірудің маңыздылығы атап өтіледі.

Түйінді сөздер: атқарушылық жазба, міндеттемелік қатынастар, борышты өндіріп алу, тиімділік, даусыздық, соттан тыс өндіріп алу, сот практикасы.

Н.Р. Максатов¹, А.К. Амантурлиев²

¹PhD, Ассоциированный профессор Каспийского общественного университета (г. Алматы, Казахстан)

²м.ю.н., сеньор-лектор Каспийского общественного университета (г. Алматы, Казахстан)

ORCID: 0009-0002-6958-1520, e-mail: amanturliyev.alibi@zangerlf.com

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ исполнительной надписи как процессуального механизма защиты прав кредиторов в договорных правоотношениях в правовой системе Республики Казахстан. Цель исследования заключается в оценке эффективности данного нотариального инструмента посредством выявления его преимуществ и недостатков, прежде всего с точки зрения оперативности процедуры и обеспечения реального взыскания задолженности. Особое внимание уделяется определению ключевых факторов, влияющих на практическую эффективность применения исполнительной надписи в современной правоприменительной практике. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, системный и догматический методы анализа правовых норм, а также обобщение судебной практики. В работе проанализированы положения Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, Закона Республики Казахстан «О нотариате», подзаконные нормативные акты, регулирующие нотариальную деятельность, а также судебные решения по делам об оспаривании и исполнении исполнительных надписей.

Результаты исследования показывают, что исполнительная надпись обладает существенными преимуществами, включая оперативность процедуры, снижение финансовых и временных затрат сторон, а также оптимизацию нагрузки на судебную систему. Вместе с тем эффективность данного института зависит от ряда ключевых факторов, среди которых — четкость законодательных требований к установлению бесспорности задолженности, достаточность процессуальных гарантий защиты прав должников и единообразие судебной практики при рассмотрении споров об оспаривании исполнительных надписей. Сделан вывод о том, что исполнительная надпись представляет собой механизм, обеспечивающий баланс между ускоренным взысканием бесспорных требований и соблюдением фундаментальных процессуальных гарантий. Подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования с учетом формирующейся судебной практики для обеспечения эффективного функционирования данного института в правовой системе Казахстана.

Ключевые слова: исполнительная надпись, обязательственные отношения, взыскание долга, эффективность, бесспорность, внесудебное взыскание, судебная практика.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

ГРНТИ 10.87.47

УДК 341.1/8

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-60-66

С.П. Мороз¹

¹д.ю.н. профессор декан Высшей школы права «Эділет»
Каспийского университета, член Научно-консультативного совета
Верховного Суда Республики Казахстан, (г. Алматы, Казахстан)
ORCID 0000-0002-6852-7883, e-mail: spmoroza@list.ru

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье исследуется трансформация Шанхайской организации сотрудничества в условиях перехода от однополярной к многополярной модели мироустройства и кардинальных изменений системы международной безопасности. На основе историко-правового и сравнительно-правового методов анализа прослеживается институциональная эволюция организации: от механизма укрепления доверия на границах («Шанхайская пятёрка») до полноформатной структуры глобального влияния, включая этапы расширения (Индия, Пакистан, Иран, Беларусь) и формирование многоуровневой системы партнерства. Особое внимание уделяется ключевым направлениям деятельности: обеспечению продовольственной безопасности (с акцентом на уязвимость Центральной Азии и необходимость региональной кооперации), формированию благоприятного инвестиционного климата и развитию гуманитарного сотрудничества. На примере Республики Казахстан анализируются системные проблемы инвестиционной политики (нестабильность регулирования, сырьевая зависимость) и предлагаются пути их решения с учетом опыта других государств-членов ШОС (Китай, Индия) и партнеров по диалогу (ОАЭ). Отдельно рассматривается роль образовательных программ (на примере Каспийского университета) в формировании кадровой основы евразийской интеграции. Автор приходит к выводу, что ШОС выступает ключевым элементом формирующейся полицентричной архитектуры, однако эффективность дальнейшей интеграции требует гармонизации национальных законодательств и перехода от декларативных заявлений к реальной институционализации механизмов сотрудничества.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, многополярность, международная безопасность, евразийская интеграция, продовольственная безопасность, инвестиционный климат.

Введение

Современный этап развития международных отношений характеризуется кардинальными изменениями в сфере глобальной безопасности и международно-правового регулирования. После распада Советского Союза на протяжении почти трех десятилетий сохранялась очевидная гегемония США в вопросах международного экономического развития и сотрудничества. Однако в последние годы геополитическая ситуация претерпевает фундаментальные изменения: на смену одно-

полярному миру приходит многополярная модель, требующая учета интересов всех участников международного общения. Совершенно очевидно, что «имперский» или «колониаторский» тип управления мировой экономикой уходит в прошлое. Государства-лидеры вынуждены считаться с интересами других стран, которые, хотя и не претендуют на глобальное доминирование, в силу объективных и субъективных причин стремятся защищать свой суверенитет и национальные интересы, объединяясь в различные региональные интеграционные структуры.

В этой связи Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) начинает играть все более значимую роль, выходя за рамки обычной региональной организации. Одним из наиболее ярких институциональных проявлений формирующейся многополярности выступает именно ШОС, чья эволюция от субрегионального механизма укрепления доверия к полноформатной структуре глобального влияния требует пристального научного анализа. Для понимания нынешней роли ШОС необходимо обратиться к истокам ее формирования. Основанная в 1996 г. как «Шанхайская пятерка» лидерами Китайской Народной Республики (далее – КНР), Российской Федерации (далее – РФ), Республики Казахстан (далее – РК), Республики Таджикистан (далее – РТ) и Кыргызской Республики (далее – КР), она представляла собой политическое объединение, базировавшееся на двух фундаментальных международных документах: Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы (г. Шанхай, 1996 г.)¹ и Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы (г. Москва, 1997 г.)².

В 2001 г. в связи с вступлением Республики Узбекистан (далее – РУ) «Шанхайская пятерка» расширилась и была преобразована в ШОС [1]. В 2017 г. полноправными членами ШОС стали Республика Индия и Исламская Республика Пакистан, в 2023 г. – Исламская Республика Иран [2], а в 2024 г. – Республика Беларусь (далее – РБ). Постоянные представители государств-членов ШОС при Секретариате ШОС назначаются направляющими государствами в соответствии с действующими внутригосударственными правилами и процедурами из числа лиц, имеющих старшие дипломатические должности, и приступают к исполнению своих обязанностей с момента получения Генеральным секретарем ШОС письменного уведомления: и.о. постоянного представителя РБ – Е.О. Рябцев; постоянный представитель Республики Индии – А. Премалатха; постоянный представитель Исламской Республики Иран – М.Р. Джафари; постоянный представитель РК – Н.С. Аккошкар; постоянный представитель КНР – Лю Минчэ; постоянный представитель КР – Р.Б. Адамов; постоянный

представитель Исламской Республики Пакистан – Ф. Аршад; постоянный представитель РФ – Н.А. Степкина; постоянный представитель РТ – М.Б. Худоёрзод; постоянный представитель РУ – С.С. Агзамходжаев³.

Наряду с этим в ШОС сформирована многоуровневая система партнерства: государства со статусом наблюдателя (Исламская Республика Афганистан и Монголия) и государства – партнеры по диалогу ШОС (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Бахрейн, Арабская Республика Египет, Королевство Камбоджа, Государство Катар, Государство Кувейт, Мальдивская Республика, Республика Союз Мьянма, Федеративная Демократическая Республика Непал, Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия, Турецкая Республика, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка)⁴. Такое многообразие участников и форматов взаимодействия обуславливает необходимость системного анализа деятельности ШОС, что и составляет предмет настоящего исследования.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов по проблемам международной безопасности и региональной интеграции, в частности публикации Генерального секретаря ШОС (Р. Алимов). Источниковую базу работы образуют учредительные документы организации (Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.⁵, Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2007 г.⁶), материалы саммитов, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, а также аналитические обзоры официального сайта ШОС. Эмпирическую основу составили нормативные правовые акты Республики Казахстан в сфере инвестиционной и образовательной политики, включая практику их реализации в Каспийском университете.

Методологическую основу составляет комплекс общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и специально-юридических методов. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию ШОС от механизма

¹ Закон Республики Казахстан от 24 декабря 1996 г. N 57-І «О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z960000057_ (дата обращения: 03.04.2025).

² Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы (Москва, 24 апреля 1997 г.). URL: <https://prg.kz/m/amp/document/1010792/> (дата обращения: 03.04.2025).

³ Постоянные представители. URL: <https://rus.sectscsco.org/20240206/1258339.html> (дата обращения: 09.05.2025).

⁴ О Шанхайской организации сотрудничества. URL: <https://rus.sectscsco.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 09.05.2025).

⁵ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: <https://rus.sectscsco.org/20010615/1608470.html> (дата обращения: 09.05.2025).

⁶ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <https://rus.sectscsco.org/20070816/203671.html> (дата обращения: 09.05.2025).

укрепления доверия на границах к многофункциональной организации глобального влияния. Сравнительно-правовой метод использовался при анализе статусов государств-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу. Системный анализ применен для выявления взаимосвязей между экономической, продовольственной и национальной безопасностью, а также для оценки эффективности институциональных механизмов ШОС.

Результаты и обсуждение

1. Институциональная динамика и глобализация повестки ШОС

Наблюдающиеся в последние годы тенденции к расширению ШОС свидетельствуют не только о повышении авторитета этой организации, но и о признании мировым сообществом усилий ШОС в деле обеспечения безопасности и устойчивого развития. Будучи не военным союзом или блоковой структурой, ШОС выступает за неукоснительное соблюдение норм и принципов международного права, включая принципы Устава ООН: признание суверенного равенства государств, невмешательство во внутренние дела, взаимное уважение территориальной целостности, нерушимость границ, мирное урегулирование споров, неприменение силы или угрозы силой. Однако декларативная приверженность принципам суверенного равенства не исключает внутренних противоречий, особенно заметных при сопоставлении подходов государств-членов к вопросам безопасности (например, позиции Индии и Пакистана) или энергетической политики (интересы Китая, России и стран Центральной Азии).

Принципиальное значение имеет резолюция 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Несмотря на наличие внутренних противоречий, ШОС демонстрирует способность к институциональному укреплению, о чем свидетельствует, в частности, резолюция 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН¹. 1 сентября 2023 г. в ходе 99-го пленарного заседания голосованием была принята резолюция A/77/L.107 «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества»², проект которой разработан Казахстаном (председествовавшим в ШОС в 2023-2024 годах) при участии всех государств-членов ШОС, а также Азербайд-

жана, Беларуси, Камбоджи, Гамбии и Нигера. В резолюции особо отмечена конструктивная роль ШОС в обеспечении мира и устойчивого развития, содействии региональному сотрудничеству, укреплении добрососедских отношений и взаимного доверия. Принятие резолюции по инициативе председательствующего Казахстана знаменует переход ШОС от статуса региональной структуры к признанному субъекту глобального управления, чья деятельность получает легитимацию со стороны ООН. Это важный этап институционализации организации. Деятельность ШОС как многостороннего объединения охватывает широкий спектр направлений, включая безопасность, экономику и гуманитарные связи.

Шанхайская организация сотрудничества представляет собой многостороннее объединение, деятельность которого направлена на обеспечение безопасности и поддержание стабильности на обширном Евро-Азиатском пространстве, совместное противостояние новым вызовам и угрозам, укрепление торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества³. В рамках ШОС принято более 1000 соглашений и документов, реализуется целый ряд инициатив и интеграционных проектов, охватывающих практически все сферы межгосударственного взаимодействия. Однако количество принятых документов само по себе не свидетельствует об эффективности их реализации. Ключевым вопросом остается правовой статус этих актов и механизмы имплементации в национальные законодательства, которые существенно различаются в странах-членах. Экономический потенциал организации, несмотря на сложности правоприменения, впечатляет, о чем свидетельствуют данные, приведенные Президентом Казахстана.

2. Экономический потенциал и результаты председательства Республики Казахстан

Как отметил Президент РК Касым-Жомарт Токаев на заседании Совета глав государств – членов ШОС 4 июля 2024 г., «на пространстве ШОС проживает свыше трех миллиардов человек. Организация включает в себя крупнейшие и стремительно растущие экономики мира, на долю которых приходится треть мирового ВВП. Это наглядно свидетельствует об огромном потенциале и глобальной роли нашей Организации. ШОС показала себя как уникальная платформа, где в равной степени учитываются голоса и интересы всех ее стран-участниц. Именно на такой незыблемой демократической основе зиждется наше долгосрочное сотрудничество, которое, уверен, будет подкреплено

¹ 77-я сессия. URL: <https://www.un.org/ru/ga/77/#:~:text=%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%8F> (accessed: 09.04.2025)

² Семьдесят седьмая сессия Пункт 127 s) повестки дня Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и региональными и другими организациями: сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества. URL: <https://docs.un.org/ru/A/77/L.107> (дата обращения: 07.04.2025)

³ Алимов Р. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 09.04.2025).

новым содержанием»¹. Приведенные данные (3 млрд человек, треть мирового ВВП) требуют, однако, более дифференцированной оценки. Основная доля ВВП приходится на Китай и Индию, тогда как экономики Центральной Азии существенно уступают им по масштабам. Это создает асимметрию, которая может как стимулировать интеграцию (за счет «локомотивов роста»), так и порождать зависимость менее развитых экономик.

Говоря об основных результатах деятельности РК как председательствующей в ШОС в 2023-2024 гг., Президент РК отметил, что всего было проведено свыше 150 мероприятий различного уровня, включая первый международный музыкальный фестиваль «Шелковый путь ШОС», запущен проект «Духовные святыни стран ШОС»². В практической плоскости были приняты «60 новых документов, в числе которых Антинаркотическая стратегия, План по реализации стратегии экономического сотрудничества, Соглашение в сфере охраны окружающей среды, Стратегия развития энергетического сотрудничества. Расширился круг международных организаций – партнеров ШОС. Возобновлена деятельность Специальной рабочей группы по инвестициям. Позитивную динамику приобрел процесс перехода на расчеты в национальных валютах»³. Наиболее значимым результатом представляется не столько количество принятых документов, сколько возобновление деятельности Специальной рабочей группы по инвестициям и переход к расчетам в национальных валютах. Эти меры создают институциональную инфраструктуру для реальной экономической интеграции, в отличие от декларативных заявлений.

3. Продовольственная безопасность как стратегический приоритет

Одним из основных направлений деятельности ШОС является обеспечение продовольственной безопасности и развитие сельского хозяйства. В этой связи ведется системная работа по укреплению транспортно-логистической взаимосвязанности региона ШОС, развертыванию регионального взаимодействия в области охраны водных ресурсов и внедрения водосберегающих технологий в сельском хозяйстве.

Наряду с этим взаимодействие осуществляется по таким актуальным направлениям,

как борьба с деградацией почв, предотвращение трансграничных заболеваний растений и животных, внедрение научно обоснованных принципов управления сельским хозяйством, распространение устойчивых к климатическим изменениям и недостатку водных ресурсов сельскохозяйственных культур. Особую значимость эти вопросы приобретают в контексте глобального изменения климата и участвовавших засух в Центральной Азии. В этой связи инициативы ШОС по созданию транспортных коридоров (для бесперебойных поставок продовольствия) и внедрению водосберегающих технологий приобретают критическое значение. Однако успех этих мер зависит от готовности стран жертвовать краткосрочными национальными интересами ради долгосрочной региональной стабильности.

Говоря о продовольственной безопасности, следует подчеркнуть, что она является составной частью экономической безопасности, которая, в свою очередь, выступает фундаментом национальной безопасности. Обеспечение последней представляет собой стратегическую задачу любого государства. В последнее время различия и диспропорции в развитии отдельных государств и регионов становятся все более явными и весьма негативно влияют на внутреннюю обстановку, приводят к конфликтам и радикальным проявлениям, усиливают конфронтацию и социальную напряженность. В результате все это обуславливает политическую и экономическую нестабильность в ряде стран и дисбаланс их развития. В свою очередь усиливается радикализация, появляются новые угрозы и вызовы безопасности и устойчивому развитию. Уязвимость Центральной Азии в сфере продовольственной безопасности (зависимость от импорта зерна, деградация почв, нехватка воды) создает прямые риски политической стабильности. Социальная напряженность, вызванная ростом цен на продовольствие или нехваткой воды, может стать триггером конфликтов, что превращает сельскохозяйственную кооперацию в рамках ШОС из экономической в стратегическую задачу.

4. Инвестиционная привлекательность и национальные интересы государств-членов

Ключевым фактором успешной реализации намеченных планов должно стать повышение привлекательности инвестиционного климата в странах ШОС. Как известно, на современное состояние инвестиционного климата влияют различные факторы, и в первую очередь – экономические и политические.

В Республике Казахстан с самого начала обретения независимости предпринимались серьезные шаги по созданию благоприятного инвестиционного климата, и определенные

¹ Президент Касым-Жомарт Токаев выступил на заседании Совета глав государств – членов ШОС. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-463722> (дата обращения: 09.04.2025).

² ШОС: многосторонний диалог и сотрудничество – путь к устойчивому миру и развитию. URL: <https://kazpravda.kz/n/shos-mnogostoronniy-dialog-i-sotrudnichestvo-put-k-ustoychivomu-miru-i-razvitiyu/> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Президент Касым-Жомарт Токаев выступил на заседании Совета глав государств – членов ШОС. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-463722> (дата обращения: 09.04.2025).

результаты достигнуты. Однако существуют и системные проблемы. Прежде всего, следует отметить, что инвестиционная политика в нашей стране менялась чрезмерно кардинально – от политики привлечения иностранного инвестора любой ценой, практиковавшейся в начале и середине 90-х годов прошлого века, до политики усиления и последующего ужесточения государственного контроля за деятельностью инвестора, начавшейся на рубеже 2000-х годов и продолжающейся до сих пор¹.

Конечно, в процессе развития экономики и повышения благосостояния инвестиционная политика должна эволюционировать, но столь резкие колебания приводят к снижению инвестиционной активности. Негативное влияние оказывают и постоянные реформы системы государственного управления, регулярно происходящие в нашей стране. Требуются реальные шаги по совершенствованию действующего законодательства, и в первую очередь – налогового законодательства РК. Наряду с этим следует пересмотреть позицию законодателя в отношении инвестиционного законодательства, поскольку без создания благоприятного инвестиционного климата не удастся перейти на новую экономическую модель. Старая модель, основанная преимущественно на сырьевом экспорте, уже не работает, и без системных изменений невозможно добиться реального улучшения благосостояния граждан, которое в последнее время демонстрирует негативную динамику. Согласно Doing Business, позиции Казахстана в рейтингах инвестиционной привлекательности за последние годы демонстрируют разнонаправленную динамику². Эксперты связывают это именно с непредсказуемостью регуляторной среды: анализ изменений налогового и инвестиционного законодательства за период 2000-2025 гг. показывает, что средний срок действия стабильных режимов не превышал 3-4 лет.

Мир изменился, и с этим нужно считаться. Мы должны быть готовы к новым вызовам и должны не просто бороться с кризисными явлениями, но предотвращать и упреждать их. В этом контексте показателен опыт других стран ШОС: Китай демонстрирует модель долгосрочного планирования и преемственности инвестиционной политики, Индия создает специализированные экономические зоны с особыми режимами, а Объединенные Арабские Эмираты (как партнер по диалогу) предлагают

гибкие механизмы защиты прав инвесторов. Китайская модель долгосрочного планирования (пятилетние планы, предсказуемость регулирования) обеспечивает инвестору уверенность в завтрашнем дне. Индийский опыт создания специальных экономических зон с особыми режимами (особенно в сфере IT) демонстрирует эффективность территориального подхода. ОАЭ, будучи партнером по диалогу, предлагают гибкие механизмы защиты прав через систему независимых арбитражных центров в свободных зонах. Казахстану предстоит выбрать, какая из этих моделей в наибольшей степени соответствует его национальным интересам и может быть адаптирована с учетом местных реалий.

5. Гуманитарное измерение и образовательное сотрудничество

Ключевой основой укрепления между государствами-членами ШОС взаимного доверия, дружбы и добрососедства выступает взаимодействие в гуманитарной сфере, углубление культурных связей и взаимопонимания между народами, уважение культурных традиций и обычаев, сохранение и поощрение многообразия культур³. Помимо этого, важное значение приобретает развитие сотрудничества в научной и образовательной сферах, совместное проведение конференций, выставок, конкурсов и других мероприятий. Показательным примером служит деятельность Каспийского университета, где четвертый год подряд реализуется образовательная программа «Юриспруденция (с углубленным изучением китайского языка и права КНР)», которая в 2022 году получила международную аккредитацию Европейского аккредитационного агентства AQUIN на 8 лет⁴. В рамках данной программы студенты изучают такие дисциплины, как «Правовая система КНР», «Конституционное право КНР», «Уголовное право КНР», «Гражданское право КНР», «Гражданское процессуальное право КНР», «Уголовно-процессуальное право КНР» и другие. Активно реализуются программы академической мобильности студентов и преподавателей с университетами Китая и других стран – членов ШОС. Подготовка специалистов, владеющих правовыми системами стран-партнеров (в данном случае – КНР), является необходимым условием для реализации экономических проектов. Без таких кадров невозможны ни грамотное структурирование сделок, ни эффективное разрешение трансграничных спо-

¹ Мороз С.П. Актуальные вопросы совершенствования инвестиционного законодательства Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35771977&pos=5;-106-#pos=5;-106 (09.04.2025).

² Doing Business in Kazakhstan 2025. URL: <https://www.bakermckenzie.com/en/insight/publications/guides/doing-business-kazakhstan> (accessed: 09.04.2025).

³ Алимов Р. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 09.04.2025).

⁴ Joint communique following the 22nd meeting of the Heads of Government (Prime Ministers) Council of the Shanghai Cooperation Organisation. URL: <https://eng.sectso.org/20231026/1628391.html> (accessed: 09.04.2025).

ров. Таким образом, образовательное сотрудничество выступает не просто «гуманитарным дополнением», а инфраструктурной основой интеграции. Важно отметить, что в 2023-2024 гг. в рамках культурно-гуманитарной повестки ШОС запущен проект «Духовные святыни стран ШОС», направленный на сохранение и популяризацию общего историко-культурного наследия. Планируется также создание Сетевого университета ШОС по подготовке кадров в области высоких технологий и инноваций.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Шанхайская организация сотрудничества находится на этапе качественной трансформации: от субрегионального механизма обеспечения пограничной безопасности она превращается в полноформатную структуру глобального влияния, формирующую контуры многополярного мира. Расширение состава (включая присоединение Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси), углубление отраслевого сотрудничества в энергетике, экологии, сельском хозяйстве, а также институционализация диалога с ООН подтверждают растущий авторитет и востребованность ШОС. Основное противоречие развития ШОС заключается в нарастающем разрыве между политической волей к углублению интеграции и сохраняющимися различиями в национальных правовых системах, экономических моделях и внешнеполитических приоритетах государств-членов.

Вместе с тем эффективность дальнейшего развития будет напрямую зависеть от способности государств-членов гармонизировать национальные интересы, особенно в чувстви-

тельных сферах инвестиционной политики. Пример Казахстана убедительно показывает, что внутренние реформы и создание предсказуемого, стабильного инвестиционного климата являются необходимым условием для полноценного использования преимуществ интеграции. Требуется отказ от резких колебаний в регулировании и переход к системной, долгосрочной политике, ориентированной на стратегических инвесторов. Наряду с экономическими факторами важнейшую роль играет гуманитарное измерение.

Гуманитарное и образовательное сотрудничество призваны обеспечить долгосрочную устойчивость интеграционных процессов, формируя общее культурно-правовое и ценностное пространство. Реализация совместных образовательных программ, академических обменов и культурных проектов создает основу для взаимопонимания между будущими поколениями.

Полагаем, что совокупность этих усилий – политических, экономических и гуманитарных – в конечном счете приведет к качественному усилению сотрудничества в евразийском регионе, укреплению экономических и культурных связей между нашими странами и формированию устойчивой архитектуры безопасности и развития на пространстве от Шанхая до Минска и от Тегерана до Новосибирска. Дальнейшие исследования в этой области могут быть посвящены сравнительному анализу эффективности отраслевых механизмов ШОС и других региональных объединений, а также разработке конкретных рекомендаций по совершенствованию инвестиционного законодательства стран-участниц.

Список литературы

1. Рахимов К. Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Казачество. – 2021. – № 51. – С. 52-70.
2. Халова Г.О. Усиление геоэкономической позиции Ирана в мировой экономике после вступления страны в ШОС / Г.О. Халова, Е.А. Исаева // Экономическое развитие России, 2024. – Т. 31, № 7. – С. 15-19.

References

1. Rakhimov K. KH. Istoriya sozdaniya osnovnykh etapov stanovleniya i razvitiya SHOS // Kazachestvo. – 2021. – № 51. – S. 52-70.
2. Khalova G.O. Usileniye geoekonomicheskoy pozitsii Irana v mirovoy ekonomike posle vstupleniya strany v SHOS / G.O. Khalova, Ye.A. Isayeva // Ekonomicheskoye razvitiye Rossii. – 2024. – T. 31, № 7. – S. 15-19.

С.П. Мороз¹

¹з.ғ.д., профессор, Каспий университетінің «Әділет» Жоғары құқық мектебінің деканы, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының Ғылыми-консультативтік кеңесінің мүшесі, (Алматы қ., Қазақстан)
ORCID 0000-0002-6852-7883, e-mail: spmoroz@list.ru

ШАНХАЙ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ҰЙЫМЫ: ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ДАМУ БОЛАШАҒЫ

Аңдатпа

Мақалада әлемдік тәртіптің бірполярлы моделінен көпполярлы жүйеге өтуі және халықаралық қауіпсіздік жүйесіндегі түбегейлі өзгерістер жағдайында Шанхай ынтымақтастық ұйымының трансформациясы зерттелді. Тарихи-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық талдау әдістері негізінде ұйымның институционалдық эволюциясы қарастырылды: шекара маңындағы сенімді нығайту тетігінен («Шанхай бестігі») бастап жаһандық ықпалға ие толыққанды құрылымға дейінгі даму кезеңдері, соның ішінде кеңею үдерісі (Үндістан, Пәкістан, Иран, Беларусь) және көпдеңгейлі серіктестік жүйесінің қалыптасуы талданды. Негізгі қызмет бағыттарына ерекше назар аударылды, оларға: азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету (Орталық Азияның осалдығына және өңірлік кооперация қажеттілігіне баса мән бере отырып), қолайлы инвестициялық ахуалды қалыптастыру және гуманитарлық ынтымақтастықты дамыту.

Қазақстан Республикасы мысалында инвестициялық саясаттың жүйелі проблемалары (реттеудің тұрақсыздығы, шикізаттық тәуелділік) талданып, оларды шешу жолдары ШЫҰ-ға мүше мемлекеттердің (Қытай, Үндістан) және диалог серіктестерінің (БАӘ) тәжірибесін ескере отырып ұсынылды. Еуразиялық интеграцияның кадрлық негізін қалыптастырудағы білім беру бағдарламаларының рөлі (Каспий университеті мысалында) жеке қарастырылды. Автор ШЫҰ қалыптасып келе жатқан полицентрлік архитектураның маңызды элементі болып табылатынын қорытындылайды. Алайда одан әрі интеграцияның тиімділігі ұлттық заңнамаларды үйлестіруді және декларативтік мәлімдемелерден ынтымақтастықтың нақты институционалдық тетіктеріне көшу қажеттігін талап етеді.

Түйінді сөздер: Шанхай ынтымақтастық ұйымы, көпполярлық, халықаралық қауіпсіздік, еуразиялық интеграция, азық-түлік қауіпсіздігі, инвестициялық ахуал.

S.P. Moroz

¹Doctor of Law, Professor, Dean of the Higher School of Law "Adilet" at Caspian University, Member of the Scientific Advisory Council of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, (Almaty, Kazakhstan)
ORCID 0000-0002-6852-7883, e-mail: spmoroz@list.ru

THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract

The article examines the transformation of the Shanghai Cooperation Organization in the context of the transition from a unipolar to a multipolar world order and the profound changes in the system of international security. Based on historical-legal and comparative-legal research methods, the institutional evolution of the Organization is traced: from a confidence-building mechanism along the borders ("Shanghai Five") to a full-fledged structure of global influence, including successive enlargement stages (India, Pakistan, Iran, Belarus) and the formation of a multi-level partnership system.

Special attention is paid to key areas of activity: ensuring food security (with emphasis on the vulnerability of Central Asia and the necessity of regional cooperation), fostering a favorable investment climate, and developing humanitarian cooperation. Using the Republic of Kazakhstan as a case study, the article analyzes systemic challenges of investment policy (regulatory instability and raw-material dependency) and proposes possible solutions, taking into account the experience of SCO member states (China, India) and dialogue partners (the UAE). The role of educational programs (with reference to Caspian University) in forming the human capital foundation of Eurasian integration is examined separately. The author concludes that the SCO represents a key element of the emerging polycentric global architecture. However, the effectiveness of further integration requires harmonization of national legislation and a shift from declarative statements to genuine institutionalization of cooperation mechanisms.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, multipolarity, international security, Eurasian integration, food security, investment climate.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

ГРНТИ 10.79.91

УДК 343.13; 34.05

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-67-75

М.Е. Қасымхан¹

¹магистр юридических наук, сеньор-лектор Высшей школы права «Әділет»

Каспийского общественного университета

(г. Алматы, Казахстан)

ORCID: 0009-0009-8389-0232, e-mail: m.kasymhan@cu.edu.kz

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАЗАХСТАНА И КИТАЯ

Аннотация

Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу института ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства в Республике Казахстан и Китайской Народной Республике. Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью процессуальной формы в обеспечении законности уголовного судопроизводства и защиты прав личности. Автор рассматриваются теоретические основы уголовно-процессуального права двух стран, дается классификация процессуальных нарушений и выявляются их основные виды, среди которых незаконные задержания, применение пыток, фальсификация доказательств и ограничение доступа к защитнику.

В работе анализируются нормативные модели ответственности: в Казахстане представлена многоуровневая система, включающая уголовную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность при ключевой роли прокурорского надзора и судебного контроля. Исследование китайской модели reveals, что при формальном наличии сходных уголовно-правовых запретов фактическое привлечение к ответственности остается крайне ограниченным вследствие доминирования партийно-дисциплинарных механизмов, отсутствия независимого судебного контроля и приоритета государственных интересов над индивидуальными правами.

Сравнительный анализ демонстрирует, что различия в подходах детерминированы не особенностями юридической техники, а глубинными расхождениями в политико-правовых системах. Казахстан демонстрирует движение к стандартам правового государства и международным нормам, тогда как китайская система сохраняет подчиненность уголовного процесса задачам партийно-государственного управления. В заключении формулируются рекомендации по совершенствованию механизмов ответственности в обеих странах, направленные на обеспечение баланса публичных интересов и прав личности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, юридическая ответственность, процессуальные нарушения, сравнительно-правовой анализ, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена ключевой ролью уголовно-

процессуального права в обеспечении баланса между публичными интересами государства в борьбе с преступностью и защитой прав и законных интересов личности. В современных

условиях именно процессуальная форма выступает гарантом законности и обоснованности принимаемых в ходе уголовного судопроизводства решений. Нарушения установленной законом процедуры не только дискредитируют саму идею правосудия в глазах общества, но и способны причинить невосполнимый вред правам участников процесса, что в конечном итоге ведет к девальвации судебных актов и снижению уровня правовой защищенности граждан [1, с. 15].

В этой связи особую научно-практическую значимость приобретает сравнительно-правовой анализ подходов различных государств к конструированию механизмов юридической ответственности за допущенные процессуальные нарушения. Изучение зарубежного опыта позволяет выявить как универсальные закономерности развития института процессуальной ответственности, так и уникальные национальные модели правовой защиты, обусловленные особенностями исторического развития, правовой культуры и политического режима.

Республика Казахстан (РК) и Китайская Народная Республика (КНР) представляют собой репрезентативные примеры двух различных правовых систем, демонстрирующих существенные расхождения в подходах к регулированию данной сферы. Казахстанская модель, развиваясь в русле континентальной правовой традиции, демонстрирует последовательную ориентацию на утверждение демократических принципов судопроизводства, правовую определенность и активную интеграцию международных стандартов в области прав человека. В свою очередь, китайская модель характеризуется сложным синтезом законодательных установлений и механизмов партийно-административного контроля, что придает институту ответственности специфические черты, отличающие его от западных аналогов.

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере привлечения к ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства. Предметом исследования являются нормативные правовые акты Республики Казахстан и Китайской Народной Республики, регламентирующие основания и виды ответственности за процессуальные нарушения, а также сложившаяся в обеих странах правоприменительная практика.

Цель работы заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа института ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства в РК и КНР, а также в выявлении общих черт и концептуальных различий в теоретических

подходах и практической реализации соответствующих правовых норм. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть теоретические основы и классификацию нарушений уголовно-процессуального закона; проанализировать нормативное регулирование и практику привлечения к ответственности в Республике Казахстан; исследовать специфику ответственности за процессуальные нарушения в Китайской Народной Республике; провести сравнительный анализ выявленных моделей и сформулировать обоснованные выводы.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные положения общей теории права, труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовно-процессуального права, а также научные публикации, посвященные проблемам юридической ответственности в публично-правовой сфере.

Нормативно-правовую базу работы образуют: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года¹, Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года², Закон Республики Казахстан «О государственной службе»³ и иные подзаконные нормативные акты, регламентирующие деятельность органов уголовного преследования. При исследовании китайской модели использовались Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики⁴ в действующей редакции, Уголовный кодекс КНР⁵, а также ведомственные акты и партийно-административные документы, регулирующие порядок привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников правоохранительных органов.

Эмпирическую основу исследования составили материалы правоприменительной практики, данные официальной статистики, обзоры судебной и прокурорской деятельности, а также доклады международных правозащитных

¹ Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 09.04.2025).

² Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗПК «Уголовный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗПК «О государственной службе Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 09.04.2025).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: https://chinalaw-info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 09.04.2025).

⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/20250430_11614090.htm (дата обращения: 09.04.2025).

организаций, содержащие анализ соблюдения процессуальных прав в уголовном судопроизводстве обеих стран.

Методологическую основу работы представляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть институт ответственности за процессуальные нарушения в его развитии и во взаимосвязи с иными правовыми явлениями. Методы анализа и синтеза применены для вычленения структурных элементов исследуемых правовых институтов и последующего обобщения полученных данных. Системно-структурный метод обеспечил возможность изучения ответственности за процессуальные нарушения как целостного явления, функционирующего в контексте национальных политико-правовых систем Казахстана и Китая.

Среди специально-юридических методов ключевое значение имеет сравнительно-правовой (компаративный) метод, посредством которого выявлены общие закономерности и существенные различия в подходах двух государств к установлению оснований, видов и процедур реализации ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства. Формально-юридический метод использован при анализе содержания правовых норм, выявлении их логических связей и юридико-технических особенностей изложения. Интерпретационные методы (грамматическое, систематическое, историческое толкование) позволили раскрыть действительное содержание исследуемых нормативных предписаний.

Результаты и обсуждение

1. Теоретические основы и системная характеристика нарушений уголовно-процессуального законодательства в РК и КНР

Уголовно-процессуальное законодательство, будучи системой норм, регламентирующих порядок возбуждения, расследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел, выполняет двуединую задачу. С одной стороны, оно создает необходимый правовой механизм для реализации государственной функции уголовного преследования, с другой – выступает ключевым гарантом защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту судопроизводства. В Республике Казахстан данный нормативный массив, кодифицированный в УПК РК, базируется на принципах, соответствующих передовым международным стандартам: законности, презумпции невиновности, состязательности сторон и уважения к

человеческому достоинству¹. Тем самым казахстанское процессуальное право ориентировано на обеспечение баланса между публичным интересом и недопустимостью произвольного вмешательства государства в частную жизнь.

В Китайской Народной Республике уголовно-процессуальный закон также формально регулирует все стадии уголовного процесса². Однако, как справедливо отмечается в компаративистских исследованиях, содержательное наполнение и реальное функционирование китайской системы обнаруживают существенную специфику [2, р. 45]. Она в значительно большей степени ориентирована на доктрину социалистической законности, предполагающую приоритет коллективных и государственных интересов, и пронизана механизмами партийного контроля. Вследствие этого такие фундаментальные процессуальные гарантии, как право на квалифицированную юридическую помощь, неприкосновенность личности и презумпция невиновности, на практике нередко обретают декларативный характер, а их реализация зависит от усмотрения административных и партийных структур. Тесная связь уголовного преследования с партийно-административной вертикалью объективно ограничивает независимость следственных и судебных органов, формируя среду, потенциально благоприятствующую процессуальным нарушениям.

Изложенное понимание сущности и функциональной нагрузки уголовно-процессуального права в двух странах создает необходимую теоретическую основу для анализа конкретных форм отклонения от предписанного законом порядка. В этой связи принципиальное значение приобретает определение самого понятия нарушения уголовно-процессуального законодательства и его классификация. Исходя из изложенного, под нарушением уголовно-процессуального законодательства следует понимать виновное, противоправное действие или бездействие участников уголовного судопроизводства, противоречащее установленному законом порядку и влекущее предусмотренные законом негативные последствия. Подобные деяния могут иметь место на любой стадии процесса. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет классифицировать их по ряду оснований: по субъектному составу (нарушения, допускаемые судом, следователем, прокурором, органа-

¹ Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 09.04.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: https://chinalaw-info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 09.04.2025).

ми дознания); по стадии процесса (нарушения в досудебном производстве, в ходе судебного разбирательства, на стадии исполнения приговора); по характеру последствий (признание доказательств недопустимыми, отмена или изменение судебных актов, привлечение виновных должностных лиц к юридической ответственности).

Примечательно, что виды нарушений, фиксируемых в обеих странах, во многом схожи, что позволяет говорить об универсальном характере основных проблем уголовного судопроизводства. В Казахстане к числу наиболее распространенных относятся незаконные задержания, применение пыток и иного недопустимого обращения, принуждение к даче показаний, фальсификация доказательств, воспрепятствование доступу к защитнику, а также превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов. В КНР фиксируются аналогичные нарушения: задержания без судебного ордера, ограничение либо воспрепятствование доступу адвоката, внесудебная конфискация имущества, применение пыток в ходе досудебного следствия¹. Отличительной чертой китайской правоприменительной практики является институционализация механизмов получения «вынужденного признания», которое *de facto* продолжает рассматриваться как «царица доказательств», несмотря на формальные законодательные запреты. Данная практика подвергается последовательной критике со стороны международных правозащитных организаций и ставит под сомнение реализацию принципа презумпции невиновности. Важно подчеркнуть, что системный характер подобных нарушений в условиях отсутствия эффективных механизмов независимого контроля и рассмотрения жалоб зачастую ведет к фактической безнаказанности виновных должностных лиц, что особенно характерно для китайской модели правосудия.

2. Институт ответственности за процессуальные нарушения в Республике Казахстан: нормативная модель и практика реализации

Выявленная типология нарушений закономерно ставит вопрос о том, какие правовые средства задействуются в каждом из государств для реагирования на подобные отклонения и восстановления нарушенной законности. Анализ казахстанского законодательства показывает, что ответственность за нарушения уголовно-процессуальных норм в Республике Казахстан представляет собой многоуровневую систему, закрепленную в различных отраслях законодательства. Статья 416

УК РК предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств и оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. Наконец, статья 418 УК РК криминализирует вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Наличие данных норм свидетельствует о признании государством высокой общественной опасности процессуальных правонарушений, совершаемых должностными лицами, и стремлении обеспечить неотвратимость ответственности за наиболее грубые формы отступлений от требований закона².

Однако уголовная репрессия, при всей ее значимости, не является единственным и даже не всегда наиболее оперативным средством реагирования на процессуальные нарушения. Параллельно с ней действует разветвленная система дисциплинарной ответственности. В соответствии с Законом РК «О государственной службе» и ведомственными кодексами этики, сотрудники органов досудебного расследования и прокуратуры могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям за нарушение процессуальных сроков, несоблюдение инструкций по ведению следствия, а также за любые действия, ущемляющие права участников процесса³. Кроме того, законодательством предусмотрена гражданско-правовая ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц (например, в случае вынесения оправдательного приговора лицу, длительное время содержавшемуся под стражей). Данный механизм выступает важной компенсаторной гарантией для потерпевших от судебно-следственных ошибок.

Наличие разветвленной системы норм, однако, само по себе не гарантирует их эффективного применения. Институциональным фундаментом обеспечения законности в досудебном производстве выступает прокурорский надзор. Прокуроры уполномочены проверять законность возбуждения уголовных дел, обоснованность применения мер пресечения и соблюдение процессуальных сроков. Тем не менее, эффективность данного надзорного механизма не является абсолютной. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии проблем, особенно в производствах, где к ответственности привлекаются сами со-

² Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК «Уголовный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 09.04.2025).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: https://chinalaw.info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 09.04.2025).

трудники правоохранительных органов. В подобных случаях нередко срабатывают механизмы корпоративной солидарности, препятствующие объективному расследованию. Как следствие, отдельные резонансные дела, связанные с применением пыток и грубыми нарушениями права на защиту, становятся предметом эффективного разбирательства лишь после обращения заявителей в международные инстанции, включая Комитет ООН против пыток. Это указывает на сохраняющийся разрыв между нормативной моделью ответственности и ее реализацией на практике.

3. Специфика ответственности за процессуальные нарушения в Китайской Народной Республике: формальные нормы и реальные механизмы

Если казахстанская модель, несмотря на отдельные недостатки, демонстрирует стремление к интеграции в международное правовое поле и опору на классические институты судебного контроля, то подход КНР к рассматриваемой проблеме базируется на принципиально иных основаниях. Система уголовного судопроизводства КНР представляет собой уникальный феномен, синтезирующий элементы социалистической законности, традиционные для китайской цивилизации представления о справедливости и жесткий централизованный партийный контроль. Данная специфика предопределяет принципиально иной, по сравнению с казахстанским, подход к ответственности за нарушение процессуальных норм. В отличие от Казахстана, где доминирует ориентация на судебную защиту прав, в Китае ключевая роль в пресечении и наказании процессуальных нарушений отведена партийным дисциплинарным и административным органам [3, с. 102].

При этом важно подчеркнуть, что формально-юридический каркас китайской системы ответственности выглядит вполне репрезентативно. Формально Уголовный кодекс КНР содержит ряд статей, направленных на обеспечение законности в уголовном процессе. Так, статья 247 УК КНР предусматривает наказание для должностных лиц, применяющих насилие или иные незаконные методы при производстве допросов¹. Однако наличие подобных законодательных положений не коррелирует с практикой их применения, которая остается крайне ограниченной. Данное обстоятельство обусловлено совокупностью системных факторов.

Во-первых, в КНР отсутствует независимый судебный контроль за деятельностью органов следствия. Прокуратура, следственные органы

и суды функционируют под единым руководством партийных комитетов, что делает практически невозможным объективное и беспристрастное рассмотрение жалоб на действия сотрудников правоохранительной системы. Такие жалобы, как правило, рассматриваются внутри ведомства или передаются в партийную комиссию по дисциплине, что исключает публичность и независимую оценку.

Во-вторых, государственная идеология ставит приоритет общественной стабильности и государственных интересов выше индивидуальных прав. Вследствие этого неправомерные действия, совершенные, по мнению властей, во имя поддержания порядка и безопасности, склонны замалчиваться, а их исполнители – не привлекаться к ответственности.

В-третьих, широкое распространение получила практика подмены уголовной ответственности партийно-дисциплинарной. Нарушения уголовно-процессуальных норм нередко квалифицируются не как преступления, а как дисциплинарные проступки, влекущие за собой партийные взыскания (предупреждение, выговор, понижение в должности, исключение из партии), которые не требуют судебного разбирательства и остаются внутренним делом партийной организации.

Закономерным следствием описанных институциональных особенностей становится крайне низкая результативность механизмов привлечения к ответственности. Как следствие, случаи привлечения сотрудников правоохранительных органов КНР к реальной уголовной ответственности за процессуальные нарушения являются единичными и, как правило, получают огласку лишь тогда, когда затрагивают интересы самой элиты. Международные правозащитные организации (Amnesty International, Human Rights Watch) неоднократно документировали системное применение пыток, ограничение доступа к защитнику, длительное содержание под стражей без предъявления обвинения и суда². Однако эти факты крайне редко становятся основанием для полноценного и публичного расследования. Особую тревогу вызывает сохраняющаяся практика получения признательных показаний под давлением, которая, несмотря на формальный запрет, остается рутинной. Трансляция по телевидению признаний обвиняемых еще до суда является грубейшим нарушением принципа презумпции невиновности и оказывает психологическое давление как на самого подсудимого, так и на общественное мнение.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: [https://chinalaw-info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure](https://chinalaw.info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure) (дата обращения: 09.04.2025).

² Amnesty International. Annual Report 2022/23: The State of the World's Human Rights. — London: Amnesty International Ltd, 2023. — 42 p. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/poll0/5670/2023/en/> (accessed: 10.04.2025).

Симптоматично, что даже институциональные механизмы, призванные обеспечивать надзор, встроены в ту же логику партийного контроля. Надзор за уголовным судопроизводством в КНР фактически дублируется партийными структурами, прежде всего Центральной комиссией по проверке дисциплины. Однако функционал этого органа направлен не на защиту прав граждан, а на поддержание внутренней дисциплины и лояльности партийной номенклатуры. Предпринимаемые с начала 2010-х годов попытки реформирования УПК, декларирующие усиление роли адвокатов и ограничение произвольного задержания, в условиях отсутствия независимой судебной власти не способны кардинально изменить ситуацию. Таким образом, система ответственности за процессуальные нарушения в КНР, будучи формально закрепленной в законе, характеризуется крайне низкой эффективностью и остается по преимуществу инструментом политического управления, а не механизмом защиты индивидуальных прав от произвола государства.

4. Сравнительный анализ моделей ответственности и их институциональная обусловленность

Изложенное выше позволяет заключить, что перед нами предстают две существенно различающиеся модели реагирования на нарушения уголовно-процессуального закона. Проведенный анализ позволяет перейти к непосредственному сравнению выявленных моделей и выявлению их институциональной обусловленности. Сопоставление подходов Казахстана и Китая к ответственности за процессуальные нарушения обнаруживает как точки соприкосновения, так и фундаментальные расхождения.

Общим является формальное закрепление в законодательстве обеих стран составов правонарушений, связанных с нарушением процессуальных норм. И УК РК, и УК КНР содержат статьи, предусматривающие ответственность за пытки, фальсификацию доказательств, превышение должностных полномочий. Однако на этом сходство, по существу, исчерпывается, уступая место глубоким системным различиям.

Принципиальное различие заключается в целевой ориентации и институциональном дизайне механизмов ответственности. Казахская модель, будучи встроенной в контекст построения правового государства, в значительной степени ориентирована на имплементацию международных стандартов справедливого правосудия. Это выражается в признании примата прав личности, развитии институтов судебного и прокурорского контроля, а также

в наличии формализованных процедур обжалования действий и решений должностных лиц. Китайская же модель, при формальном закреплении схожих принципов, де-факто подчинена задачам сохранения политической стабильности и управляемости. Права личности здесь не являются самодовлеющей ценностью и могут быть ограничены, если этого требуют, по мнению властей, государственные или коллективные интересы.

Наиболее рельефно это различие проявляется в институциональных механизмах контроля. В Казахстане функционирует относительно независимая система прокурорского надзора и судебного обжалования, а также независимая адвокатура, способная оказывать реальное противодействие обвинительному уклону. В Китае же ключевым субъектом надзора выступают не суды, а партийные дисциплинарные комиссии, что принципиально меняет природу контроля: он направлен не на защиту права, а на обеспечение лояльности и дисциплины внутри самой властной вертикали. Правозащитные институты, включая адвокатуру, находятся под жестким контролем и не могут эффективно выполнять свои функции.

Систематизированное сопоставление подходов двух стран позволяет выявить принципиальные различия по ряду ключевых критериев. Если Казахстан репрезентует континентальную модель, ориентированную на демократические стандарты правосудия, то китайская правовая система сохраняет социалистический характер с доминированием партийно-административного контроля над судопроизводством. В сфере нормативного регулирования казахстанское законодательство предлагает четкую правовую регламентацию оснований ответственности, закрепленных в уголовном и процессуальном законодательстве, а также в законах о государственной службе, тогда как в КНР при формальном наличии схожих норм в УК и УПК фактический приоритет принадлежит партийно-дисциплинарным установлениям. Соответственно, если в Казахстане реализуется триединая система уголовной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности, то для Китая характерно доминирование внутрипартийной дисциплинарной ответственности, в то время как уголовное преследование виновных должностных лиц выступает скорее исключением, нежели правилом. Наиболее существенные расхождения обнаруживаются в институциональных механизмах контроля: казахстанская модель опирается на судебный контроль, прокурорский надзор и деятельность независимой адвокатуры, тогда как в КНР ключевая роль отведена партийным дисциплинарным комиссиям при фор-

мальном существовании зависимых от партии судов и прокуратуры. Наконец, прозрачность и публичность процедур привлечения к ответственности в Казахстане, будучи относительно высокой, дополняется возможностью обращения граждан в международные правозащитные инстанции, тогда как китайские процедуры сохраняют закрытый характер, а подавляющее большинство дел о правонарушениях сотрудников правоохранительных органов не становится предметом общественной огласки.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование института ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства в Республике Казахстан и Китайской Народной Республике позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-ориентированное значение.

Анализ показал, что при внешнем сходстве нормативных предписаний, закрепляющих недопустимость процессуальных нарушений, модели их предотвращения и пресечения в двух государствах демонстрируют фундаментальные различия. Данные различия детерминированы не столько особенностями юридической техники, сколько глубинными расхождениями в политико-правовых системах, понимании роли государства в уголовном процессе и степени гарантированности прав личности.

Республика Казахстан демонстрирует последовательное движение в направлении утверждения стандартов правового государства. Это выражается в имплементации международных принципов справедливого правосудия, развитии институтов судебного и прокурорского контроля, а также в функционировании многокомпонентной системы ответственности, включающей уголовные, дисциплинарные и гражданско-правовые механизмы. Несмотря на сохраняющиеся проблемы правоприменительного характера, связанные с корпоративной солидарностью и не всегда эффективной реализацией надзорных полномочий, наличие независимых институтов и каналов обращения в международные органы создает предпосылки для поступательного укрепления законности и подотчетности должностных лиц.

В противоположность этому, система уголовного судопроизводства КНР, при формальном наличии законодательных запретов противоправных методов расследования, остается инструментом, подчиненным задачам партийно-государственного управления. Доминирование внутрипартийных дисциплинарных механизмов над правовыми процедурами, отсутствие независимого судебного контроля и фактическая невозможность обжалования действий властей в беспристрастную инстанцию обуславливают крайне низкую эффективность привлечения к ответственности за процессуальные нарушения. Системные проблемы, включая практику получения признательных показаний под давлением и ограничение доступа к защите, сохраняются вопреки периодическим законодательным реформам, что позволяет характеризовать правосудие в КНР как преимущественно обвинительное и закрытое для общественного контроля.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная практика обеих стран объективно нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Ключевым вектором такого развития должно стать обеспечение устойчивого баланса между публичными интересами государства в борьбе с преступностью и неотчуждаемыми правами личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства. Для Казахстана приоритетными остаются задачи повышения эффективности прокурорского надзора и судебного контроля, а также неуклонное соблюдение процессуальных гарантий на всех стадиях процесса. Для Китайской Народной Республики принципиальным вызовом выступает необходимость институциональной трансформации, направленной на обретение судебной системой реальной независимости от партийно-административного влияния, и формирование действенных, а не декларативных механизмов защиты прав человека. Только в условиях неотвратимости и реальности юридической ответственности для всех должностных лиц, независимо от их положения, возможно построение эффективной, справедливой и гуманной системы уголовного судопроизводства, отвечающей современным международным стандартам.

Список литературы

1. Головки Л.В. Курс уголовного процесса. – М.: Статут, 2016. – 456 с.
2. Chen G. The Criminal Procedure Law of the PRC: A Commentary. – Beijing: Law Press China, 2018. – 320 p.
3. Трощинский П.В. Правовая система Китая. – М.: ИДВ РАН, 2021. – 280 с.

References

1. Golovko L.V. Kurs ugovovnogo protsessa. – M.: Statut, 2016. – 456 s.
2. Chen G. The Criminal Procedure Law of the PRC: A Commentary. – Beijing: Law Press China, 2018. – 320 p.
3. Troshchinskiy P.V. Pravovaya sistema Kitaya. – M.: IDV RAN, 2021. – 280 s.

М.Е. Қасымхан¹

¹Құқықтану магистрі, Каспий қоғамдық университеті
«Әділет» Жоғары құқық мектебінің сеньор-лекторы (Алматы қ., Қазақстан)
ORCID: 0009-0009-8389-0232, e-mail: m.kasymhan@cu.edu.kz

ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ҚЫТАЙ ҚЫЛМЫСТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУІНДЕГІ ПРОЦЕСТІК БҰЗУШЫЛЫҚТАР ҮШІН ЖАУАПКЕРШІЛІК ИНСТИТУТЫНЫҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЗЕРТТЕЛУІ

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасы мен Қытай Халық Республикасындағы қылмыстық-процестік заңнаманы бұзғаны үшін жауапкершілік институтына салыстырмалы-құқықтық талдау жасауға арналған. Зерттеудің өзектілігі қылмыстық сот ісін жүргізудің заңдылығын қамтамасыз етудегі және жеке тұлғаның құқықтарын қорғаудағы процестік нысанның шешуші рөлімен айқындалады. Автор екі елдің қылмыстық-процестік құқығының теориялық негіздерін қарастырып, процестік бұзушылықтардың жіктелуін ұсынады және олардың негізгі түрлерін анықтайды. Олардың қатарында заңсыз ұстау, азаптауды қолдану, дәлелдемелерді бұрмалау және қорғаушыға қол жеткізуді шектеу бар.

Жұмыста жауапкершіліктің нормативтік модельдері талданды: Қазақстанда қылмыстық, тәртіптік және азаматтық-құқықтық жауапкершілікті қамтитын көпдеңгейлі жүйе қалыптасқан, онда прокурорлық қадағалау мен сот бақылауы шешуші рөл атқарады. Қытай моделін зерттеу формалды түрде ұқсас қылмыстық-құқықтық тыйымдардың болуына қарамастан, нақты жауапкершілікке тарту деңгейі партиялық-тәртіптік тетіктердің үстемдігіне, тәуелсіз сот бақылауының болмауына және мемлекеттік мүдделердің жеке құқықтардан басымдығына байланысты айтарлықтай шектеулі екенін көрсетеді.

Салыстырмалы талдау тәсілдердегі айырмашылықтар заң техникасының ерекшеліктерімен емес, саяси-құқықтық жүйелердің іргелі өзгешеліктерімен айқындалатынын дәлелдейді. Қазақстан құқықтық мемлекет қағидаттарына және халықаралық стандарттарға жақындау үрдісін көрсетсе, Қытай жүйесі қылмыстық процесті партиялық-мемлекеттік басқару міндеттеріне бағындыруды сақтап отыр. Қорытынды бөлімде екі елде де жауапкершілік тетіктерін жетілдіруге бағытталған, жария мүдделер мен жеке құқықтар арасындағы теңгерімді қамтамасыз етуге арналған ұсынымдар тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: қылмыстық-процестік заңнама, заңдық жауапкершілік, процестік бұзушылықтар, салыстырмалы-құқықтық талдау, Қазақстан Республикасы, Қытай Халық Республикасы.

М.Е. Kassymkhan¹

¹Master of Laws, Senior Lecturer, Adilet Higher School of Law, Caspian Public University (Almaty, Kazakhstan)
ORCID: 0009-0009-8389-0232, e-mail: m.kasymhan@cu.edu.kz

A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE INSTITUTION OF LIABILITY FOR PROCEDURAL VIOLATIONS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF KAZAKHSTAN AND CHINA

Abstract

This article is devoted to a comparative legal analysis of the institution of liability for violations of criminal procedural legislation in the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China. The relevance of the study is обусловлен the pivotal role of procedural form in ensuring the legality of criminal proceedings and the protection of individual rights. The author examines the theoretical foundations of criminal procedural law in both countries, proposes a classification of procedural violations, and identifies their principal types, including unlawful detention, the use of torture, fabrication of evidence, and restrictions on access to legal counsel.

The paper analyzes the normative models of liability: in Kazakhstan, a multi-level system is established, encompassing criminal, disciplinary, and civil liability, with prosecutorial supervision and judicial control playing a central role. The examination of the Chinese model demonstrates that, despite the formal existence of similar criminal prohibitions, the actual imposition of liability remains extremely limited due to the predominance of party-disciplinary mechanisms, the absence of independent judicial oversight, and the prioritization of state interests over individual rights.

The comparative analysis shows that the differences in approaches are determined not by features of legal drafting technique, but by fundamental divergences in the political and legal systems. Kazakhstan demonstrates movement toward the standards of the rule of law and international norms, whereas the Chinese system maintains the subordination of criminal procedure to the objectives of party-state governance. The conclusion formulates recommendations aimed at improving accountability mechanisms in both countries, ensuring a balanced relationship between public interests and the protection of individual rights.

Keywords: criminal procedural legislation, legal liability, procedural violations, comparative legal analysis, Republic of Kazakhstan, People's Republic of China.

ISTIR 10.87.91

UDC 347.965.2

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-76-85

L.M. Tokarchuk¹

¹Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Ukraine
Dean of the Faculty of Economics and Law
of Odessa I. I. Mechnikov National University (Odesa, Ukraine)

JUDICIAL REPRESENTATION REFORM IN UKRAINE: INSTITUTIONAL INTERACTION BETWEEN THE BAR AND LEGAL CONSULTANTS

Abstract

This article examines the legal regulation of the professional powers of advocates and legal consultants in Ukraine in the context of the 2016 judicial reform and the introduction of the so-called “lawyer’s monopoly” on court representation. The study analyzes the constitutional and legislative framework governing advocacy, including the Law of Ukraine “On Advocacy and Legal Practice,” procedural codes, and subsequent amendments affecting the scope of professional representation. Particular attention is devoted to the delineation of competencies between advocates, who possess exclusive rights to judicial representation and criminal defense, and legal consultants, whose activities remain largely unregulated by a specialized legal framework.

The research identifies legislative gaps, inconsistencies, and practical difficulties arising from the reform, including transitional conflicts, challenges in confirming representative authority, and restrictions affecting corporate legal services. The article also explores doctrinal debates concerning the balance between ensuring high professional standards and preserving broad access to justice.

Based on systemic and comparative analysis, the author proposes directions for improving the regulatory model, including clearer institutional coordination, recognition of the professional status of legal consultants, and refinement of procedural norms. The study concludes that harmonization of professional roles is essential for strengthening legal certainty, professional accountability, and effective access to justice in Ukraine.

Key words: lawyer, legal consultant, legal regulation, professional powers, legal status, delineation of powers, interaction, legal profession, advocacy.

Introduction

In the current conditions of legal development in Ukraine, the problem of a clear delineation of powers between various entities providing legal assistance is becoming more urgent. First of all, we are talking about lawyers and legal consultants (legal advisors), who, although they pursue a common goal – legal protection of the interests of individuals and legal entities – are nevertheless in different legal regimes.

Currently, there are a number of regulatory, doctrinal, and practical inconsistencies that complicate effective interaction between lawyers and legal consultants, create uneven application of the law, and in some cases violate the principle of accessibility of legal aid, which requires a systematic analysis and development of recommendations for improving current legislation.

A lawyer in Ukraine is a lawyer with a special legal status, whose activities are regulated by a special law. According to the Law of Ukraine “On Advocacy and Legal Practice”, to obtain the status of a lawyer, one must have a higher legal education, work experience in the field of law for at least two years, successfully pass a qualifying exam, undergo an internship and take the Oath of a Lawyer of Ukraine. The law establishes the possibility of avoiding insanity (singles and types of activities that are unreasonable with the practice of law) and the prohibition of engaging in legal activity for certain categories of individuals.

A lawyer conducts his/her activities in the organizational forms established by law – individually, through a law firm or association. It is important that the advocacy is a self-governing professional community, and each lawyer must comply with the Rules of Lawyer Ethics, ensure lawyer confi-

dentiality, and improve his/her professional level. Violation of these obligations is subject to disciplinary action, up to and including deprivation of the right to practice¹.

In addition to duties, the law grants lawyers broader powers to provide legal assistance to clients. In particular, attorney-client privilege guarantees the confidentiality of relations with clients – the law expressly prohibits requiring lawyers or their employees to disclose such information. Another tool is a lawyer's request, to which state bodies and other addressees are obliged to respond, and for which ignoring liability is established². Appropriate guarantees provide the lawyer with special opportunities to gather information and protect the client's rights.

Unlike lawyers, the activities of legal advisors are not directly regulated by a special law. The term "legal consultant" usually refers to lawyers who provide legal advice, recommendations and guidance, prepare documents or work as lawyers (in the staff of enterprises or institutions), but have not received a bar certificate. To work as a legal consultant, it is enough to have a law degree. The law does not require additional certification or membership in a professional organization³.

Legal consultants are subject to general labor and civil law, rather than a separate professional law. Thus, legal consultants do not have a clearly defined regulatory status and professional restrictions, as lawyers do. They are free to choose their field of activity and combine legal work with other positions. However, the state does not provide them with any special professional rights or guarantees. In particular, information received by a legal advisor from a client is not protected by legal secrecy at the legislative level – to maintain confidentiality, such specialists can only conclude a separate non-disclosure agreement with the client. But even a confidentiality agreement does not provide the same level of protection that the law guarantees to a lawyer. A legal advisor also does not have the right to request a lawyer's request, so his ability to collect the information necessary for the case (evidence in the case) is limited compared to a lawyer.

An important difference between lawyers and legal consultants is the right to represent the interests of other persons in courts and to provide defense in criminal proceedings. The Constitution

of Ukraine (as amended after the 2016 judicial reform) established that "only a lawyer shall represent another person in court, as well as provide defense against criminal charges"⁴. That is, today only a lawyer (with some exceptions specified by law) can represent individuals or legal entities in courts of any instance and be a defense attorney for suspects/accused in criminal cases.

The relevant constitutional provision has defined the distinction: a lawyer is a subject of professional legal assistance who has the exclusive right to judicial representation, while other lawyers are deprived of such a general right. The relevant provisions are also reflected in the relevant law: representation of a client in court proceedings and before state authorities is explicitly defined as one of the types of advocacy activities⁵.

Thus, a lawyer in the legal system of Ukraine is a lawyer with an officially recognized status who has undergone special qualifications and received a certain "monopoly" on key aspects of legal aid (legal representation, defense in criminal proceedings). A legal consultant (legal advisor), in turn, is a specialist in the field of law without attorney status, who can advise, prepare documents, work in legal departments of enterprises, but is not endowed with special professional rights and guarantees and cannot fully represent the interests of another person in court (except when expressly permitted by law or when acting as a full-time representative of his institution).

Differences in legal status also determine the specifics of interaction: lawyers are subject to the control of the disciplinary bodies of the bar and have self-government, while the activities of legal consultants are controlled only by the employer or regulated by the terms of a civil law contract with the client.

The introduction of a "lawyer's monopoly" in Ukraine through the 2016 judicial reform marked a pivotal shift in the legal landscape, fundamentally altering the relationship between these two groups of legal professionals. This reform, implemented gradually until 2019⁶, aimed to align Ukraine with European standards by enhancing the quality and professionalism of legal representation⁷. However,

¹ Chym vidrizniaietsia advokat vid yurysta // S&P Partners. URL: <https://s-partners.org/uk/chem-otlachaetsya-advokat-ot-y> (accessed: 09.05.2025).

² Ibid. 1.

³ Ibid. 1.

⁴ Конституція України: Закон України від 28 червня 1996 р. № 254к/96-ВР // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр> (accessed: 09.05.2025).

⁵ Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 р. № 5076-VI // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5076-17> (accessed: 11.05.2025).

⁶ Адвокатура України // Вікіпедія: вільна енциклопедія. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Адвокатура_України (accessed: 11.05.2025).

⁷ Хто має право представляти інтереси особи у суді // Юридична газета. URL: <https://yur-gazeta.com/golovna/hto-mae-pravo-predstavlyati-interesi-osobi-u-sudi.html> (accessed: 11.05.2025).

er, its implementation has been complex, creating practical challenges, legal conflicts, and ongoing debates within the legal community about the optimal balance between ensuring high professional standards and maintaining broad access to justice¹. This article aims to analyze the evolution and current state of the division of powers between lawyers and legal consultants in Ukraine, examine the practical and doctrinal problems arising from the “lawyer's monopoly”, and propose recommendations for harmonizing their respective roles within the legal system.

Materials and Methods

The materials for this study comprise a comprehensive range of normative legal acts of Ukraine that define the legal status and scope of activity for lawyers and legal consultants. The primary sources include the Constitution of Ukraine², the Law of Ukraine “On Advocacy and Legal Activity”³, the Criminal Procedure Code⁴, the Civil Procedure Code⁵, the Commercial Procedure Code, and the Code of Administrative Procedure. The historical evolution of legal regulation was traced using foundational documents such as the Law of Ukraine “On Entrepreneurship”⁶. The analysis also incorporates key amendments introduced by the 2016 judicial reform, including the transitional provisions that governed the gradual implementation of the new rules⁷.

The doctrinal basis of the research includes scientific publications and academic works addressing the legal status of lawyers and the concept of the “lawyer's monopoly”⁸, as well as analytical re-

ports and position papers from professional bodies such as the National Association of Advocates of Ukraine⁹. To capture the ongoing legislative debates, the study also incorporates analysis of draft legislation, most notably the 2020 presidential bill aimed at abolishing the exclusive right of lawyers to representation¹⁰.

The methodological framework of the work is based on a combination of general scientific and special legal methods. The formal-legal method was used to interpret the content of legal norms defining the rights, duties, and guarantees of lawyers and legal consultants, as well as the exceptions to the general rule of representation. The historical-legal method allowed for the examination of the evolution of legal regulation from the early 1990s through the 2012 law to the present day, tracing the shift from a mixed system to a lawyer's monopoly. The comparative-legal method was employed to contrast the legal statuses of lawyers and legal consultants, and to contextualize the Ukrainian “lawyer's monopoly” within broader European practices. A systemic analysis was conducted to identify conflicts and gaps in the legislation and law enforcement practice, particularly those arising from the 2016 reform, its transitional provisions, and the subsequent attempts to modify the constitutional framework. Finally, the method of legal modeling was used to formulate proposals for improving the legislative framework governing the interaction between lawyers and legal consultants.

Results and Discussion

1. Evolution of the Legal Status of Lawyers and Legal Consultants

After the declaration of independence of Ukraine, the legal field for the provision of legal aid was only being formed. In 1991, legislation was in force that allowed legal practice on the basis of a state license: according to the Law of Ukraine “On Entrepreneurship”, legal services could be provided by persons with a legal education, having received a license from the Ministry of Justice¹¹. That is, in the early 1990s, it was possible for any law-

news/1750109/ (accessed: 12.05.2025).

⁹ Хто має право представляти інтереси особи у суді // Юридична газета. URL: <https://yur-gazeta.com/golovna/hto-mae-pravo-predstavlyati-interesi-osobi-u-sudi.html> (accessed: 11.05.2025).

¹⁰ Про судову практику забезпечення права на захист // Sa.dn.ua. URL: <https://sa.dn.ua/pro-sudovu-praktiku-zabezpechennya-pra/4/> (accessed: 11.05.2025).

¹¹ Коли адвокату доведеться підтверджувати своє право на подання скарги в інтересах клієнта. URL: https://protocol.ua/ua/koli-advokatu-dovedetsya-pidverdguvati-svoe-pravo-na-podannya-skargi_v_interesah_klienta (accessed: 12.05.2025)

¹ Про судову практику забезпечення права на захист // Sa.dn.ua. URL: <https://sa.dn.ua/pro-sudovu-praktiku-zabezpechennya-pra/4/> (accessed: 11.05.2025).

² Конституція України: Закон України від 28 червня 1996 р. № 254к/96-ВР // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-vr> (accessed: 09.05.2025)

³ Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 р. № 5076-VI // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5076-17> (accessed: 11.05.2025).

⁴ Criminal Procedure Code of Ukraine. (The Official Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine (BVR), 2013, No. 9–10, No. 11–12, No. 13, Article 88). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/en-sk/4651-17#Text> (accessed: 11.05.2025).

⁵ Civil Procedure Code of Ukraine (Reports of the Verkhovna Rada of Ukraine (VVR), 2004, Nos. 40–41, 42, Article 492. URL: [https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/68624/UKR-68624%20\(EN\).pdf](https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/68624/UKR-68624%20(EN).pdf) (accessed: 11.05.2025).

⁶ Law of Ukraine N 1807-III, June 8, 2000 “On Entrepreneurship”. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ukr38312.pdf> (accessed: 11.05.2025).

⁷ Коли адвокату доведеться підтверджувати своє право на подання скарги в інтересах клієнта. URL: https://protocol.ua/ua/koli-advokatu-dovedetsya-pidverdguvati-svoe-pravo-na-podannya-skargi_v_interesah_klienta (accessed: 12.05.2025).

⁸ Судова практика: за відсутності адвоката // Верховний Суд України. URL: <https://supreme.court.gov.ua/supreme/pres-centr/>

yer to work as a “lawyer-entrepreneur” in the legal services market. At that time, courts also allowed a fairly wide participation of lawyers who did not have the status of attorneys: close relatives, legal representatives of the accused, as well as other persons with the permission of the court could act as defense attorneys in criminal cases. In fact, the institute of advocacy did not yet have a monopoly position – there were state and private legal consultancies, legal advisors at enterprises, and other specialists who provided legal assistance.

An important step in changing the relevant situation was the adoption on December 19, 1992 of the first special Law of Ukraine “On Advocacy” [1]. This law established the foundations of the legal profession in the new conditions and assigned it a leading role in ensuring the right of citizens to protection and legal assistance. For the first time, the status of a lawyer, the rights and obligations of persons practicing law, and the organizational forms of the legal profession were defined at the legislative level. Although this law gave a certain prestige to the legal profession, legal advisors continued to play a significant role in the 1990s. Many state institutions and enterprises had their own legal services, full-time lawyers who represented their interests in courts (mainly in commercial and civil disputes) on the basis of a power of attorney. Thus, in the first decade of independence, a mixed system developed: lawyers had a special status under the 1992 law, but there was no “monopoly” on representation – other lawyers could act alongside lawyers in legal proceedings.

On July 5, 2012, the modern Law of Ukraine “On Advocacy and Legal Activity” was adopted, replacing the 1992 law [2]. The new law introduced a single self-governing National Bar Association, detailed the rights, obligations, and guarantees of lawyers, introduced the institution of a lawyer's request, and established new rules for access to the profession. However, it did not directly regulate the status of other lawyers (non-lawyers), as before. At the time of the adoption of this law (2012), Ukrainian legislation still had “dual” regulation: on the one hand, the legal profession received an updated legislative framework, and on the other, procedural codes allowed representatives without a bar certificate to participate in civil and commercial proceedings. For example, until 2016, the Civil Procedure Code of Ukraine provided that any capable person who has reached the age of 18, with a duly certified power of attorney,

could be a representative in court¹. Similarly, legal entities could entrust the conduct of cases in courts to their in-house lawyers. In criminal proceedings, however, the law had already established stricter restrictions – since 2012, the Criminal Procedure Code has determined that only a lawyer can be a defense attorney², thereby consolidating the long-standing tradition that in criminal cases only a professional lawyer can defend the accused.

In the period 2012-2016, there were discussions on the advisability of granting the bar a “monopoly” on representation in courts. The legal community advocated a European approach, according to which high-quality legal assistance in courts should be provided by lawyers (due to their qualifications and accountability). At the same time, the business community and some academics warned that sharply restricting the right to representation by lawyers alone could complicate access to justice, especially for small businesses and citizens who are accustomed to trusting their legal advisors or relatives. These debates laid the groundwork for the constitutional changes that took place in 2016.

2. The 2016 Judicial Reform and the “Lawyer's Monopoly”

The judicial reform initiated in 2016 has significantly changed the balance of powers between advocates and other legal professionals. The Law of Ukraine “On Amendments to the Constitution of Ukraine (Regarding Justice)” introduced a provision that “a bar association shall operate in Ukraine to provide professional legal assistance” and, as stated above, only a lawyer represents another person in court and provides defense in criminal proceedings³.

The Final and Transitional Provisions of these amendments provided for a gradual implementation of the new rules of representation: the new constitutional requirement came into force in stages for different judicial instances. Thus, according to the reform, from January 1, 2017, only lawyers were entitled to represent the interests of individuals in the Supreme Court and courts of cassation;

¹ Верховна Рада проголосувала за скасування адвокатської монополії // Право.UA. URL: <https://pravo.ua/articles/verhovna-rada-progolosuvala-za-skasuvannja-advokatskoi-monopolii/> (accessed: 12.05.2025)

² Criminal Procedure Code of Ukraine. (The Official Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine (BVR), 2013, No. 9–10, No. 11–12, No. 13, Article 88). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/en-sk/4651-17#Text> (accessed: 11.05.2025).

³ Конституція України: Закон України від 28 червня 1996 р. № 254к/96-ВР // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр> (accessed: 09.05.2025).

from January 1, 2018, this requirement extended to courts of appeal; and from January 1, 2019, to courts of first instance. Thus, from the beginning of 2019, only a lawyer (or a legal representative in cases specified by law) can represent a party in any court of general jurisdiction. At the same time, exceptions were defined, enshrined in both the Constitution and procedural legislation: without the status of a lawyer, representation in labor disputes, disputes regarding the protection of social rights, electoral disputes, as well as representation of minor cases and representation of minors or incapacitated persons by their legal representatives is allowed¹. These exceptions were intended not to unduly restrict access to justice in sensitive categories of cases.

In order to implement the constitutional changes, the parliament adopted new versions of the procedural codes (Civil, Commercial, Administrative) in 2017. They stipulate that only a lawyer or a close relative/guardian (for individuals who cannot conduct the case on their own) may be a representative in court. For example, Article 60 of the Civil Procedure Code, as amended after the reform, explicitly provided: from January 1, 2019, only a lawyer or legal representative shall represent interests in court. Similar provisions appeared in the Domestic Procedural Code (Article 28) and the Code of Administrative Procedure (Article 55).

At the same time, procedural codes introduced the concept of "self-representation": an individual can represent his own interests (which is a natural law), and a legal entity can act through its leader or a member of the executive body authorized to act on his behalf (without a separate lawyer). This self-representation mechanism to a certain extent preserved the opportunity for enterprises to participate in court by their own employees, but only at the level of managers. A full-time legal adviser, who is not a lawyer, after 2019 could no longer represent the enterprise in court by proxy, unless he was formally part of the company's governing body.

The judicial reform of 2016 actually fixed the delineation of the spheres of activity of lawyers and other lawyers. Since then, lawyers have received exclusive powers in the judicial sphere – they have become the only ones who, on a professional basis, can represent principals in courts of all instances (with some exceptions), as well as

the only professional defenders in criminal proceedings. Legal consultants outside the bar were formally excluded from participation in litigation as representatives of third parties. Their activities after 2016 focused mainly on consulting, preparing documents, ensuring the legal work of organizations, that is, on extrajudicial aspects of legal assistance. The interaction between these two communities has changed: often legal advisers are now forced to cooperate with lawyers, concluding contracts with external law firms for representation in court, while internal legal departments prepare materials and case strategy.

There was a practice when experienced legal advisers of enterprises themselves acquired the status of a lawyer in order to continue to represent the interests of the employer in the courts. Some organizations have introduced positions related to the management team (for example, the director of legal affairs) to which qualified lawyers are appointed – this allows them to self-represent the enterprise in court without the involvement of outside lawyers².

Thus, the reform of 2016 significantly influenced the division of powers: lawyers became indispensable participants in lawsuits, and the role of other lawyers in courts was reduced to a minimum, which increased the importance of the bar, but at the same time posed new challenges to the legal services of enterprises and citizens seeking legal assistance.

3. Problems in Implementation and Law Enforcement

The introduction of a "lawyer's monopoly" in Ukraine took place in a relatively short time, which caused a number of problems in law enforcement, especially at the transitional stage.

First, there were conflicts between the new constitutional provisions and the current at that time procedural rules. Although the amendments to the Constitution came into force in September 2016, in practice a complete transition to representation by lawyers took place gradually until 2019. During this period, the courts sometimes interpreted the norms differently. Such inconsistency of judicial practice at the beginning of the reform created confusion for the participants in the processes.

Secondly, there were difficulties with confirming the powers of a lawyer. The new procedural

¹ Адвокат й одночасно найманий працівник: який розмір ЄСВ потрібно сплачувати // LIGA:ЗАКОН. URL: https://buh.ligazakon.net/news/229121_advokat-y-odnochasno-naymaniy-pratsvnyk-yakiy-rozmr-sv-potrбно-splachuvati (accessed: 13.05.2025).

² Скасування виключного права адвокатів на представництво у судах стане відступом від закріпленого в Конституції України європейського курсу // Національна асоціація адвокатів України. URL: <https://unba.org.ua/publications/4746-skasuvannya-viklyuchnogo-prava-advokativ-na-predstavnictvo-u-sudah-stane-vidstupom-vid-zakriplenogo-v-konstitucii-ukraini-evropejs-kogokursu.html> (accessed: 13.05.2025)

rules required that the lawyer confirm his authority with a legal aid agreement or warrant. In practice, at first there were questions whether only a copy of the lawyer's certificate was enough, or it was necessary to provide a warrant every time. The relevant issue was gradually clarified by judicial practice and amendments to the legislation (it was established that the contract or warrant are proper confirmations, and the court itself can additionally check the status in the Unified Register of Lawyers)¹. However, in the beginning there were cases when the consideration of cases was delayed due to formal shortcomings in the certificate of authority - for example, the absence of a warrant or its incorrect execution.

Thirdly, a certain problem was the organization of legal assistance for legal entities and authorities. If earlier the company could entrust the conduct of the case to its regular lawyer, then after 2019 it was necessary either to hire an outside lawyer, or to provide self-representation through the head. Many institutions are faced with the need to review the functions of their legal departments. There was a legal conflict: can a lawyer be a full-time employee of the enterprise and at the same time be considered an independent subject of advocacy? In practice, this issue was resolved through the conclusion of civil law contracts with lawyers or by bringing the status of legal adviser into line (some lawyers resigned and transferred to the bar, continuing to serve the same employer as external consultants). Administrative courts later clarified that a self-employed person-lawyer is not deprived of the right to work under an employment contract, that is, a lawyer can be an employee of the enterprise², which to some extent facilitated the situation: large companies began to require their legal advisers to obtain a lawyer's certificate and take them to the staff already as lawyers. However, this issue remained vaguely regulated by law, which created the risks of double taxation, issues with ERU, etc.

Fourth, it should be noted collisions in the application of exceptions to the "lawyer monopoly". The Constitution and laws provided for certain exceptions (labor disputes, social, minor cases, etc.), but the definition of a "minor case" or the

attribution of a particular dispute to labor is not always obvious. In the early years, reformed courts differently assessed whether a non-lawyer could be allowed in a particular case. Some attempts to circumvent the requirement ran into formalism: for example, if the representative mistakenly referred to the labor nature of the dispute, and the court considered the dispute civil – the power of attorney of the "non-lawyer" was recognized as improper, and the party was deprived of representation to involve a lawyer.

So, the first years after the introduction of the lawyer's monopoly highlighted a number of problems of practice: the inconsistency of old norms with new principles, the interpretation of transitional provisions by courts, organizational difficulties for companies and the risks of excessive formalism. These problematic points became the subject of attention of both judicial practice (decisions of Plenums of higher courts, legal positions of the Supreme Court) and professional discussions on further improvement of legislation.

4. Doctrinal Discussions and Legislative Fluctuations

In the legal community, there is still a discussion about the optimal limits of the activities of lawyers and other lawyers. Proponents of expanding the role of the bar emphasize that the monopoly of lawyers in the courts is a European standard designed to improve the quality of legal assistance and professionalism of representatives. According to the National Association of Advocates of Ukraine, in many European countries the exclusive right of lawyers to representation has been operating for decades. For example, in Germany and Austria, the policy of introducing a lawyer's monopoly began more than 50 years ago³. In general, from 48 European countries in 33 states, the lawyer has a monopoly on protection in criminal cases, and in 18 countries - also on representation in civil courts. Such figures are cited as an argument that Ukraine is moving in line with the pan-European trend, increasing the status of the bar. It is further emphasized that the Bar as a self-governing institution more effectively controls the quality of services and ethical behavior of lawyers than would be possible for disparate lawyers without uniform standards. Some scholars propose to consider the lawyer's monopoly as a guarantee of

¹ Професія юриста в сучасному правовому просторі // Вісник Ужгородського національного університету. Серія: Право. URL: <https://visnyk-juris-uzhnu.com/wp-content/uploads/2021/08/24.pdf> (accessed: 13.05.2025).

² Без адвокатської монополії: що зміниться для громадян і юристів // LB.ua. URL: https://lb.ua/pravo/2020/01/15/447193-bez_advokatskoi_monopolii_shcho.html (accessed: 13.05.2025).

³ Хто має право представляти інтереси особи у суді // Юридична газета. URL: <https://jur-gazeta.com/golovna/hto-mae-pravo-predstavlyati-interesi-osobi-u-sudi.html> (accessed: 11.05.2025)

the implementation of Article 59 of the Constitution (the right to legal assistance) and believe that all types of legal services related to representation should be provided by lawyers¹. In numerous scientific works on this issue, it is substantiated that the legal status of a lawyer should be understood as a combination of professional rights, obligations and guarantees established by law, and that only persons with such status have the appropriate level of responsibility to the client and the law².

Proponents of a more flexible approach criticize excessive monopolization. They note that the profession of a broad-based lawyer (legal adviser) should also have normative recognition. It is noted that the modern requirements of business and society require various legal services, and not all of them are associated with judicial representation. Legal advisers play a significant role in the corporate sector, in contractual work, in ensuring compliance with the law in the activities of companies. Scientists ask the question: should all practicing lawyers be forced to become lawyers, or is it better to develop mechanisms of cooperation between the Bar Institute and the Institute of Legal Consultants? Some experts proposed to introduce a separate professional self-governing organization or register of legal advisers in order to establish standards of qualification, ethics and responsibility for them, without forcing them to go through the entire procedure of access to the bar.

A separate area of discussion was the abolition of the lawyer's monopoly. In 2019-2020 the new political authorities of Ukraine initiated amendments to the Constitution to abolish the exclusive right of lawyers to representation. President Volodymyr Zelenskyy submitted the relevant bill, and on January 14, 2020, the Supreme Council of Ukraine previously approved it, supporting in the first reading the idea of removing from the Constitution the provision on "exclusively lawyer" representation.

The corresponding initiative received a rather different assessment in professional circles. Some lawyers (mostly from the business environment) congratulated her, pointing out that this would return flexibility in choosing a representative and eliminate unnecessary barriers to access to justice. Others – primarily the advocacy community and supporters of the "monopoly" – regarded the

abolition as a step back from the European course of Ukraine. They emphasized that such frequent changes in constitutional rules undermine the stability of the legal system: after all, the Constitutional Court in 2016 supported the lawyer's monopoly, and in a few years it was proposed to abolish it³ [6]. All this indicates the ambiguity of the issue even among legislators: there is a dilemma between ensuring high standards of legal assistance (through the institute of advocacy) and guaranteeing a wide choice of representative for citizens and organizations.

Scientific approaches to solving this dilemma differ. Some authors insist that the prestige and capacity of the bar should be increased, but at the same time the bar should become more open: to simplify access to the profession, to recognize the experience of legal advisers during the qualification assessment, etc. It is proposed, for example, to count the long-term successful activity of a legal adviser as confirmation of the practical experience necessary to obtain a lawyer's certificate in order to stimulate the professional integration of lawyers into the bar. Another approach is to create legal conditions for lawyers to cooperate with non-lawyers. Currently, the law prohibits a lawyer from engaging in professional activities in partnership with a non-lawyer, but a number of scholars believe that joint teams, where lawyers are responsible for judicial representation, and legal advisers for preparatory, advisory work, could increase the effectiveness of legal assistance. To this end, it is proposed to mitigate the relevant restrictions by allowing mixed law firms with a clear delineation of areas of responsibility. In general, the legal doctrine of Ukraine is currently looking for a balance between two models: the first is the bar as an exclusive professional channel for providing legal assistance in the courts; the second is a pluralistic system, where, along with lawyers, a certain part of the functions can be performed by other certified lawyers.

Consensus has not yet been reached, which is reflected in fluctuations in legislative policy. However, all parties agree that the main goal – to provide quality legal assistance and access to justice – should remain a priority for any changes.

An analysis of the current state of affairs shows the need for a subtle regulation of legislation in order to establish interaction between the bar and the institute of legal consultants and eliminate the identified problems.

¹ Конституція України: Закон України від 28 червня 1996 р. № 254к/96-ВР // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-vr> (accessed: 09.05.2025)

² Про судову практику забезпечення права на захист // Sa.dn.ua. URL: <https://sa.dn.ua/pro-sudovu-praktiku-zabezpechennya-pra/4/> (accessed: 11.05.2025)

³ Про судову практику забезпечення права на захист // Sa.dn.ua. URL: <https://sa.dn.ua/pro-sudovu-praktiku-zabezpechennya-pra/4/> (accessed: 11.05.2025)

Conclusion

In the context of modern challenges to law enforcement practice, it seems appropriate to raise the issue of legislative regulation of the legal status of legal advisers (legal advisers) as entities providing legal assistance outside the bar. Given the existing legal gaps and conflicts, it is worth considering the possibility of adopting a separate legal act or amending the current legislation in order to determine their role, legal status and limits of professional responsibility.

It seems expedient to establish at the legislative level the minimum qualification requirements for such persons (in particular, the availability of higher legal education, the relevant experience in the specialty), the introduction of ethical standards, as well as the possible creation of an official register of certified legal consultants. The introduction of such a register would not equate consultants with lawyers, but would give their activities some official recognition and lay the foundations for establishing clear standards of professional responsibility to clients.

In view of this, it would be advisable to give legal advisers a limited amount of quasi-lawyer powers in the extrajudicial sphere, in particular: the right to make advisory requests to state authorities and local self-government; duty of confidentiality (professional secrecy of the client) with the establishment of legal liability for its violation. Such a model would increase the level of confidence in legal services provided outside the legal profession, as well as promote constructive interaction of lawyers with in-house lawyers (for example, in the form of official involvement of consultants as assistants or experts in specific cases).

Practice shows that granting the head of the enterprise the right to self-representation is not always a sufficient mechanism for effectively protecting the interests of a legal entity in court. In this regard, it is advisable to amend the procedural legislation in order to expand the list of subjects of representation. In particular, enterprises should be allowed to delegate the right of representation to full-time legal advisers without mandatory acquisition of legal status, provided that such an employee meets certain criteria (availability of higher legal education, stay in labor relations with the enterprise). Such a rule could be enshrined as a special exception in the relevant procedural codes. If such a settlement contradicts the constitutional provisions, it may be necessary to clarify the concept of "a member of the executive body autho-

rized to act on behalf of a legal entity," expanding it to the heads of legal units, if such a provision is enshrined in the charter or other constituent document.

It is also important to legalize and stimulate institutional interaction between lawyers and legal advisers. At the level of subordinate normative legal acts (in particular, decisions of the Council of Advocates of Ukraine), it is advisable to develop standards for cooperation of lawyers with full-time lawyers of clients, clearly outlining the boundaries of responsibility: lawyer - for procedural strategy and actions in court; legal counsel - for the preparation of evidence, documents, legal position. In addition, it is worth considering the possibility of a limited partnership of lawyer associations with legal consultants, for example, by creating associated structures, consulting units or providing consultants with the right of an advisory vote within the framework of a lawyer's education. In a number of countries (for example, in the UK), such a model successfully functions on the basis of the distribution of functions between solicitors and barristers. Ukraine could adapt such a model to its legal realities, without undermining the principles of the Bar, but also without ignoring the potential of highly qualified lawyers outside its borders.

In parallel with legislative improvement, it is necessary to provide effective information and explanatory support. As practice shows, even effective legislative innovations can be leveled due to their ambiguous or erroneous interpretation by law enforcement entities. In view of this, it is important that the Supreme Court of Ukraine, the Council of Advocates of Ukraine and other relevant bodies develop unified approaches to the interpretation of controversial norms. Particularly relevant are the issues of confirming the powers of the representative, the mechanism for applying exceptions to the general rule on legal representation, as well as actions in case of loss of the status of a lawyer during the proceedings. It is advisable to include specialized training modules on modern aspects of representation and interaction between lawyers and legal consultants in the training programs for judges, lawyers, law enforcement officers and public administration.

Summarizing the above, it should be emphasized: further development of legislative regulation should be aimed at harmonizing the legal status of lawyers and legal consultants, while ensuring high standards of legal assistance. The presence of clear and balanced rules of legal coexistence and interaction of these subjects will contribute to the

realization of the right of each person to quality, accessible and effective legal support. Regardless of the chosen model – the preservation of the lawyer's monopoly or its mitigation – the primary

task of the legislator should be to guarantee professional responsibility, ethics, professionalism and proper communication between all subjects of legal activity.

References:

1. Inshyn M. et al. The Role of Attorney's Request as a Communication Instrument in Advocacy // Journal of Forensic Science and Medicine. – 2024. – Vol. 10. №. 1. – P. 34-41.
2. Ostafichuk L. Ethical Aspects of Contracting a Lawyer to Provide Legal Assistance. // Forum Prava, 2020. – Vol. 65(Suppl.). – t24–t35.

Л.М. Токарчук¹

¹з.ғ.д., профессор, Одесса ұлттық университетінің экономика және құқық факультетінің деканы (Одесса қ., Украина)

УКРАИНАДАҒЫ СОТТА ӨКІЛДІК ЕТУ РЕФОРМАСЫ: АДВОКАТУРА МЕН ҚҰҚЫҚТЫҚ КЕҢЕСШІЛЕР АРАСЫНДАҒЫ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСТІК

Аңдатпа

Мақалада 2016 жылғы сот реформасы және сотта өкілдік етуге қатысты «адвокаттық монополияның» енгізілуі жағдайында Украинадағы адвокаттар мен құқықтық кеңесшілердің кәсіби өкілеттіктерін құқықтық реттеу мәселелері қарастырылды. Зерттеу аясында адвокаттық қызметті реттейтін конституциялық және заңнамалық негіздер, соның ішінде Украина Республикасының «Адвокатура және адвокаттық қызмет туралы» Заңы, іс жүргізу кодекстері және кәсіби өкілдік ету аясын айқындайтын кейінгі өзгерістер талданды. Ерекше назар сотта өкілдік ету және қылмыстық істер бойынша қорғау құқығына айрықша өкілеттіктері бар адвокаттар мен қызметі арнайы заңнамалық реттеумен толық қамтылмаған құқықтық кеңесшілер арасындағы құзыреттерді шектеу мәселесіне аударылды.

Зерттеу барысында реформаны іске асыру үдерісінде туындаған заңнамалық олқылықтар, қайшылықтар және практикалық қиындықтар, соның ішінде өтпелі кезеңдегі коллизиялар, өкілдік өкілеттіктерді растау мәселелері және корпоративтік заң қызметіне қатысты шектеулер айқындалды. Сондай-ақ кәсіби стандарттардың жоғары деңгейін қамтамасыз ету мен сот төрелігіне кең қолжетімділікті сақтау арасындағы теңгерімге қатысты доктриналық пікірталастар талданды.

Жүйелік және салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде автор құқықтық реттеу моделін жетілдіру бағыттарын ұсынады, атап айтқанда институционалдық үйлестіруді нақтылау, құқықтық кеңесшілердің кәсіби мәртебесін тану және іс жүргізу нормаларын жетілдіру. Зерттеу кәсіби рөлдерді үйлестіру құқықтық айқындылықты нығайту, кәсіби жауапкершілікті арттыру және Украинада сот төрелігіне тиімді қолжетімділікті қамтамасыз ету үшін маңызды деген қорытындыға келді.

Түйінді сөздер: адвокат, құқықтық кеңесші, құқықтық реттеу, кәсіби өкілеттіктер, құқықтық мәртебе, өкілеттіктерді шектеу, өзара әрекеттестік, заңгерлік кәсіп, адвокатура.

Л.М. Токарчук¹

¹д.ю.н., профессор, декан факультета экономики и права
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
(г. Одесса, Украина)

РЕФОРМА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АДВОКАТУРЫ И ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСУЛЬТАНТОВ

Аннотация

В статье исследуются вопросы правового регулирования профессиональных полномочий адвокатов и юридических консультантов в Украине в контексте судебной реформы 2016 года и введения так называемой «адвокатской монополии» на представительство в суде. В рамках исследования анализируются конституционные и законодательные основы регулирования адвокатской деятельности, включая Закон Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», процессуальные кодексы, а также последующие изменения, повлиявшие на объем профессионального представительства. Особое внимание уделяется разграничению компетенций между адвокатами, обладающими исключительным правом на судебное представительство и осуществление защиты в уголовном процессе, и юридическими консультантами, деятельность которых не урегулирована специализированным законодательством в полном объеме.

В работе выявлены законодательные пробелы, противоречия и практические сложности, возникшие в процессе реализации реформы, включая переходные коллизии, проблемы подтверждения полномочий представителя, а также ограничения, затрагивающие корпоративные юридические службы. Рассматриваются также доктринальные дискуссии относительно соотношения обеспечения высоких профессиональных стандартов и сохранения широкой доступности правосудия.

На основе системного и сравнительно-правового анализа автор предлагает направления совершенствования модели правового регулирования, включая уточнение институционального взаимодействия, признание профессионального статуса юридических консультантов и совершенствование процессуальных норм. Делается вывод о том, что гармонизация профессиональных ролей является необходимым условием укрепления правовой определенности, повышения профессиональной ответственности и обеспечения эффективного доступа к правосудию в Украине.

Ключевые слова: адвокат, юридический консультант, правовое регулирование, профессиональные полномочия, правовой статус, разграничение компетенций, взаимодействие, юридическая профессия, адвокатура.

МРНТИ 10.91

УДК 347.96

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-86-94

А. Арипбаева¹¹методист юридической клиникиТашкентского государственного юридического университета
(г. Ташкент, Узбекистан)

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ЧЕРЕЗ ЮРИДИЧЕСКУЮ КЛИНИКУ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТГЮУ

Аннотация

В статье исследуется роль юридической клиники Ташкентского государственного юридического университета как эффективного механизма обеспечения доступа к правосудию для социально уязвимых групп населения и площадки для практико-ориентированной подготовки будущих юристов. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления финансовых, территориальных и информационных барьеров, с которыми сталкиваются граждане при защите своих прав, а также потребностью в формировании у студентов профессиональных компетенций и социальной ответственности. На основе анализа многолетнего опыта работы клиники (с 2000 по 2024 год) автором рассматриваются основные направления деятельности: консультационная помощь, правовое просвещение и цифровые инновации. Особое внимание уделяется диверсификации каналов коммуникации с населением (Telegram-бот, колл-центр, Zoom-консультации, выездные приемы), что позволило увеличить доступность помощи для жителей отдаленных регионов и малоименных граждан. Статистические данные свидетельствуют о более чем 3200 обращениях, около 50% которых поступили онлайн. Анализ тематики обращений показывает преобладание вопросов семейного, трудового, жилищного права, а также проблем кибермошенничества. В статье также раскрывается образовательный потенциал клиники: многоступенчатая система контроля качества консультаций, распределение ролей в студенческой команде, формирование сообщества выпускников. Делается вывод о том, что модель юридической клиники ТГЮУ успешно сочетает социальную миссию и образовательные задачи, служит основой для развития клинического движения в Узбекистане и соответствует лучшим международным практикам.

Ключевые слова: доступ к правосудию; юридическая клиника; pro bono; цифровизация правовой помощи; профильное волонтерство; этические стандарты; международное партнерство.

Введение

В условиях построения правового государства одной из важнейших задач становится обеспечение реального, а не только формального доступа граждан к правосудию. Особенно остро эта потребность ощущается у социально уязвимых категорий населения – пенсионеров, женщин, людей с инвалидностью, молодежи и малообеспеченных семей, для которых юридическая помощь нередко недоступна из-за финансовых или территориальных барьеров. По данным официальной статистики и мониторингов общественных организаций, значительная часть граждан Узбекистана, особенно в сельской местности, сталкивается с трудностями при попытке защитить свои права: отсутствие средств на платного адвоката, удаленность юридических консультаций, сложность

юридического языка и процедур. Современные вызовы – рост правовой неграмотности, цифровизация общественных отношений и углубление социального неравенства – требуют поиска новых, более гибких и социально ориентированных инструментов поддержки [1]. В этой связи юридические клиники при вузах приобретают особое значение как инновационная форма правовой помощи и гражданского образования, признанная международным научным сообществом [2].

Юридические клиники возникли как социально значимый и практико-ориентированный проект, объединяющий образовательные, правозащитные и просветительские функции. Их основная идея – создать синергию между академическим обучением и реальной правозащитной практикой: дать возможность студентам-юристам применять теоретические знания в

работе с живыми обращениями, а гражданам – получить бесплатную и квалифицированную юридическую помощь под контролем опытных преподавателей и практикующих юристов [3]. Такая модель позволяет уравнивать шансы разных слоёв общества в защите своих прав и свобод, одновременно развивая у будущих юристов чувство социальной ответственности, эмпатию и понимание человеческого измерения права. Исследователи подчеркивают, что клиническое юридическое образование приносит двойную пользу: улучшает правовые результаты для недостаточно обслуживаемых сообществ и вооружает студентов-юристов практическими навыками и профессиональной этикой.

Опыт юридической клиники Ташкентского государственного юридического университета (далее – Юридическая клиника ТГЮУ), действующей с 2000 года, убедительно подтверждает эффективность этой системы. Сочетая традиционный очный приём и современные цифровые форматы, клиника делает правовую помощь максимально доступной для всех категорий граждан, включая жителей отдалённых регионов и сельской местности, следуя рекомендациям международных исследований об интеграции технологий для расширения доступа к услугам [4]. В настоящей работе на основе многолетнего опыта работы Юридической клиники ТГЮУ анализируется её роль как эффективного механизма обеспечения доступа к правосудию, исследуются основные направления деятельности, категории обращений, образовательный эффект для студентов и перспективы развития клинического юридического образования в Узбекистане.

Материалы и методы

Юридические клиники как форма бесплатной правовой помощи и профессиональной подготовки студентов давно стали частью образовательной системы во многих странах мира. Их деятельность строится на принципах *pro bono*, практического обучения и социального партнёрства. В США и Канаде юридические клиники часто специализируются на отдельных категориях дел: правах беженцев и вынужденных переселенцев, трудовых спорах, защите прав человека, семейном праве, экологических правонарушениях. В странах Европы (Германия, Франция, Польша, Чехия) клиники активно сотрудничают с неправительственными

организациями, государственными структурами и адвокатскими палатами, а в России, Кыргызстане, Казахстане и других странах СНГ клиники при вузах также играют роль инструментов правового просвещения и волонтерства, нередко выступая единственным доступным источником юридической помощи в регионах.

Среди заметных международных практик можно выделить:

Street Law (США) – просветительские программы для школьников и молодёжи, зародившиеся в начале 1970-х годов как студенческая инициатива в Georgetown Law и впоследствии распространившиеся на все 50 штатов и более 40 стран мира¹. Студенты-юристы в доступной форме рассказывают о базовых правах и механизмах их защиты, проводят интерактивные занятия, ролевые игры и учебные судебные процессы. Программа направлена на формирование у молодых людей навыков активного гражданина и понимания практического применения права в повседневной жизни.

Проекты правового сопровождения для мигрантов и беженцев в США, Германии и Франции, где клиники оказывают помощь в оформлении статуса, защите от депортации и воссоединении семей.

Анализ судебной практики и правовая экспертиза в клиниках Польши и Чехии, где студенты под руководством преподавателей участвуют в мониторинге решений судов по социально значимым делам, готовят альтернативные доклады и предложения по совершенствованию законодательства.

Ассоциация юридических клиник Кыргызстана, координирующая работу клиник в разных регионах, обеспечивающая единые стандарты качества, проводящая обучение для кураторов и студентов, а также реализующая совместные грантовые проекты.

Международный опыт показывает, что юридические клиники становятся важным связующим звеном между системой правосудия и обществом, особенно для социально уязвимых групп. Они помогают людям лучше понимать свои права, вовремя получать квалифицированные консультации, грамотно подготавливать документы для суда или государственных органов. Благодаря клиникам правовая помощь становится доступной даже там, где коммерче-

¹ Jarvis T. NHBA Seeks Attorneys for August 15 Street Law Training, School Partnership Pilot. URL: <https://www.nhbar.org/nhba-seeks-attorneys-for-august-15-street-law-training-school-partnership-pilot/> (accessed: 08.04.2025)

ские юридические услуги недостижимы из-за высокой стоимости или территориальной удаленности. Кроме того, клиники формируют поколение молодых юристов, для которых социальная ответственность и служение обществу становятся профессиональной нормой. Такой подход укрепляет доверие граждан к правовой системе и способствует развитию правового государства.

Материалом для данного исследования послужила совокупность данных о деятельности Юридической клиники ТГЮУ за период с 2000 по 2024 год включительно: статистические отчеты о количестве и тематике обращений, описания реализованных проектов, отзывы граждан, данные анкетирования студентов-участников, а также материалы международного сотрудничества. Методологическую основу составили количественный и качественный анализ обращений граждан по категориям дел, сравнительно-правовой анализ с зарубежными практиками, включенное наблюдение за педагогическим процессом подготовки студентов, а также изучение нормативно-правовой базы, регуливающей оказание бесплатной юридической помощи в Узбекистане.

Результаты и обсуждения

Юридическая клиника ТГЮУ стала одной из первых в республике площадок, где теория соединяется с практикой и формируется культура юридического волонтерства на системной основе. За более чем двадцатилетнюю историю клиника прошла путь от небольшой студенческой инициативы до признанного центра бесплатной правовой помощи и инновационных образовательных методик. Как отмечается в литературе, юридические клиники при университетах играют ключевую роль в предоставлении pro bono услуг малоимущим и маргинализированным слоям населения, которые иначе не имели бы доступа к правосудию, выступая связующим звеном между обездоленными людьми и судебной системой¹. Особенно интенсивное развитие клиники ТГЮУ произошло в последние годы, когда были запущены современные цифровые форматы оказания помощи:

– Telegram-бот, позволяющий гражданам направить обращение, получить первичную консультацию в удобной цифровой форме, от-

слеживать статус рассмотрения и знакомиться с правовыми памятками. Бот интегрирован с внутренней системой распределения обращений между студентами-волонтерами.

– Колл-центр с многоканальным номером, куда можно позвонить в рабочие часы и получить оперативную устную консультацию по широкому кругу вопросов либо записаться на личный прием.

– Онлайн-консультации по Zoom, на которые можно записаться через официальный сайт клиники; это особенно востребовано жителями отдаленных районов и людьми с ограниченными возможностями передвижения.

– Выездные приемы в партнерстве с местными хокимиятами, махаллинскими комитетами и общественными организациями, позволяющие охватить сельские районы и малые города.

Такая диверсификация каналов коммуникации сделала правовую помощь более доступной для всех категорий населения. Исследователи подчеркивают, что развитая система клинического образования, подобная существующей в юридических школах США, способствует широкому распространению идеи помощи pro bono среди представителей юридического сообщества [5]. Сегодня жители могут получить услуги клиники несколькими способами: офлайн – лично посетив клинику по адресу университета (предварительная запись по телефону или через сайт); онлайн – через Telegram-бот или по Zoom (с возможностью видеозвонка и демонстрации документов); по телефону – позвонив в колл-центр в установленные часы; на выездных приемах – следуя графику, публикуемому на сайте и в социальных сетях клиники.

Юридическая клиника ТГЮУ активно развивает правовое просвещение как приоритетное направление своей работы, понимая, что предупреждение правовых проблем не менее важно, чем их решение. Важнейшими просветительскими проектами последних лет стали:

– «Правовой компас» – серия телевизионных передач на региональных и республиканских каналах с участием студентов и преподавателей клиники, где сложные правовые вопросы объясняются доступным языком широкой аудитории. Каждый выпуск посвящен актуальной теме: права потребителей, пенсионное обеспечение, оформление недвижимости, защита от мошенников, семейные споры. Передачи вызывают большой зрительский от-

¹ Chukwuemeka M. Role of University Law Clinics in Providing Pro Bono Services as Bridging the Justice Gap in Nigeria. URL: <https://zenodo.org/records/15420824> (accessed: 04.04.2025).

клик, поступают новые вопросы от телезрителей.

– «Анализ судебных решений» – открытые семинары и круглые столы с обсуждением актуальной судебной практики, которые помогают не только студентам углубить знания, но и показывают гражданам (в том числе через онлайн-трансляции и публикации), как применяются законы на практике, какие аргументы эффективны в суде.

– «Безбарьерная среда» – совместный долгосрочный проект с Ассоциацией инвалидов Узбекистана, направленный на правовое сопровождение создания доступной инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями. В рамках проекта студенты проводят мониторинг доступности общественных зданий, консультируют по вопросам реализации прав на доступную среду, готовят обращения в соответствующие инстанции, участвуют в разработке локальных нормативных актов.

Основными получателями бесплатной помощи традиционно являются социально уязвимые категории населения:

- пенсионеры (составляют около 40% от общего числа обратившихся);
- люди с инвалидностью (около 15%);
- многодетные и малообеспеченные семьи (около 20%);
- женщины, находящиеся в трудной жизненной ситуации, в том числе включенные в государственную программу «Женская тетрадь» (около 15%);
- студенты и молодёжь, нуждающиеся в консультациях по вопросам трудового, жилищного, образовательного права (около 10%).

Анализ тематики обращений в Юридическую клинику ТГЮУ показывает, что чаще всего поступают вопросы, напрямую затрагивающие повседневную жизнь граждан и требующие оперативной квалифицированной помощи. На первом месте по популярности (около 30% от общего числа) – семейное право: разводы, раздел совместно нажитого имущества, взыскание алиментов, определение места жительства детей, установление опеки и попечительства, оспаривание отцовства. Эти вопросы особенно актуальны для женщин из программы «Женская тетрадь» и многодетных семей, которые нередко оказываются в уязвимом положении после распада семьи.

Второе по частоте направление (около 20%) – кибермошенничество и защита прав потребителей финансовых услуг. Особую тревогу

вызывает устойчивая тенденция: мошенники всё чаще оформляют микрокредиты и потребительские займы на имя пожилых людей. Злоумышленники звонят пенсионерам и, используя их доверие, недостаток цифровой грамотности и осведомленности, под различными предложениями (блокировка карты, компенсация, проверка связи) убеждают продиктовать код, пришедший по SMS, после чего оформляют кредиты онлайн. В результате люди остаются с долгами, о которых даже не подозревали, и узнают о них лишь при появлении коллекторов или судебных приставов. Клиника помогает таким заявителям составлять заявления в банки и микрофинансовые организации о несогласии с операцией, жалобы в правоохранительные органы и обращения в суд, разъясняя алгоритм защиты своих прав и сбора доказательств.

Также значительное количество обращений (около 15%) связано с трудовым правом: восстановление на работе после незаконного увольнения, защита прав работников при сокращении, невыплата заработной платы, разъяснение положений трудовых договоров и коллективных соглашений, оформление больничных листов и отпусков. Обращаются как молодые специалисты, так и пожилые граждане, столкнувшиеся с нарушением своих прав со стороны работодателей.

Большой поток обращений (около 15%) связан с жилищными вопросами: регистрация и выписка по месту жительства (прописка), споры о праве собственности на жилые помещения, приватизация, вопросы аренды и найма жилья, выселение, вселение, споры с соседями о порядке пользования общим имуществом. Не менее актуальны и гражданско-правовые споры (около 10%), включая взыскание долгов по распискам, споры между соседями (затопление, шум, границы участков), защита прав потребителей (возврат некачественного товара, нарушение сроков оказания услуг).

Отдельным важным направлением работы клиники остаётся помощь по наследственным делам (около 10%), особенно среди пожилых граждан, которым требуется помощь в оформлении документов для вступления в наследство, составлении завещаний, разрешении споров между наследниками, восстановлении пропущенных сроков для принятия наследства.

Все эти обращения наглядно показывают, что клиника реально решает социально значимые проблемы и помогает самым разным категориям граждан – от студентов и молодых се-

мей до пенсионеров и людей с инвалидностью. Каждое обращение – это не просто правовая задача, но и конкретная жизненная история, в которой студенты учатся видеть человека за делом, проявлять эмпатию и искать решение, максимально отвечающее интересам заявителя.

По состоянию на 2024 год клиника зарегистрировала более 3200 обращений, причём около 50% из них поступили онлайн через Telegram-бот. Такая высокая доля цифровых обращений свидетельствует о том, что цифровизация и дистанционные форматы делают правовую помощь реально ближе к людям, включая тех, кто ограничен в передвижении (люди с инвалидностью, пожилые, одинокие родители с маленькими детьми) или живёт в отдалённых регионах, где нет юридических вузов и адвокатов.

Эффективность работы клиники подтверждается многочисленными положительными отзывами и конкретными результатами. Среди кейсов последнего времени:

Студенты клиники помогли многодетной семье восстановить право на получение социальных выплат и льгот, которые были ошибочно приостановлены органами соцзащиты из-за неверно оформленной справки. Была подготовлена жалоба в вышестоящий орган и исковое заявление в суд, в результате выплаты возобновлены в полном объеме с компенсацией за период задержки.

В другом случае пенсионеру, которому необоснованно снизили размер пенсии из-за ошибки в трудовом стаже, была оказана комплексная помощь: студенты под руководством преподавателя помогли собрать необходимые архивные справки, составили заявление в пенсионный фонд и, после отказа, подготовили административное исковое заявление в суд. В итоге пенсия была пересчитана и восстановлена в полном объёме, пенсионер получил недоплаченные суммы.

Еще один пример: молодой женщине с ребенком, оказавшейся в трудной жизненной ситуации и столкнувшейся с угрозами со стороны бывшего супруга, студенты клиники помогли составить заявление в органы внутренних дел, подготовить иск об определении места жительства ребенка и взыскании алиментов, а также разъяснили порядок действий в случае дальнейших угроз.

В юридической клинике ТГЮУ действует одно из важнейших правил, которое обеспе-

чивает качество и ответственность в работе: студенты никогда не дают ответ сразу после получения обращения. Эта многоступенчатая система гарантирует высокий уровень консультаций. Как отмечается в современных исследованиях, необходима оценка целесообразности консультирования граждан студентами при обязательном присутствии преподавателей-кураторов (*supervising teachers*), что обеспечивает контроль качества оказываемой помощи.

Детальный анализ. Сначала клиницист детально изучает ситуацию, анализирует все предоставленные заявителем факты и документы, самостоятельно ищет и проверяет нормы действующего законодательства, судебную практику по аналогичным делам, разъяснения Верховного суда и возможные правовые решения.

Обсуждение с наставником. Только после этого студент обращается к преподавателю-куратору или методисту клиники, подробно излагает фабулу дела, обсуждает найденные варианты и получает профессиональную обратную связь, корректировки и рекомендации.

Проверка готового ответа. Подготовленный проект консультации или правового документа студент обязан представить преподавателю на проверку. Лишь после того, как преподаватель одобрит содержание, убедится в полноте, юридической корректности, отсутствии ошибок и соответствии интересам заявителя, клиницист может передать ответ или готовый документ заявителю.

Такая система помогает не только поддерживать высокий уровень правовой помощи и минимизировать риски ошибок, но и формирует у студентов навык самостоятельного правового анализа, ответственности за каждое написанное слово и уважительного отношения к каждому обращению.

Юридическая клиника ТГЮУ активно развивает сотрудничество с международными организациями и вузами других стран. Среди ключевых партнеров: Программа развития ООН (UNDP), Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC), международная организация Street Law Inc. (США), а также юридические клиники и ассоциации клиник России, Кыргызстана, Казахстана, Беларуси и других стран. Это сотрудничество включает участие в международных конференциях и тренингах, реализацию совместных проектов, обмен учебно-методическими материалами, стажировки для студентов и преподавателей. Такая открытость мировой практике открыва-

ет доступ к передовому опыту, повышает качество работы и помогает внедрять новые подходы в оказании бесплатной правовой помощи и клиническом образовании.

Юридическая клиника ТГЮУ играет важную роль не только в оказании помощи населению, но и как уникальная площадка для практико-ориентированного обучения будущих юристов. Студенты учатся работать с реальными обращениями граждан, готовить консультации, составлять правовые документы, анализировать судебную практику и взаимодействовать с государственными органами. Благодаря продуманной системе организации работы студенты осваивают целый ряд ключевых компетенций:

- умение вести правовой анализ и быстро ориентироваться в массиве норм законодательства;
- навыки письменной и устной юридической речи, составления процессуальных документов;
- навыки работы с документами и современными цифровыми сервисами (Telegram-бот, Zoom, Google Forms, сайт клиники);
- навыки медиации, активного слушания и общения с разными категориями граждан, включая уязвимые группы (люди с инвалидностью, пожилые, пострадавшие от насилия).

Важную роль в организации работы клиники играет распределение ролей в студенческой команде:

Модераторы координируют онлайн-работу, распределяют поступившие через бот и сайт обращения между волонтерами, следят за сроками ответов.

Координаторы управляют конкретными проектами («Правовой компас», «Безбарьерная среда»), взаимодействуют с партнерами и организуют выездные мероприятия.

Волонтеры непосредственно ведут консультации (очные, онлайн, телефонные), готовят проекты документов и участвуют в просветительских акциях.

Через работу в клинике у студентов развивается не только профессиональная компетентность, но и чувство социальной ответственности, эмпатия, умение слушать и понимать людей в сложных жизненных ситуациях. Они учатся видеть за юридическим делом конкретную историю человека и находить решение, которое реально поможет, а не просто формально соответствует закону. Исследователи подчеркивают, что клиническое юридическое

образование улучшает практические навыки студентов-юристов, одновременно принося пользу обществу через оказание правовой помощи.

Студенты не остаются только наблюдателями – они с первых курсов активно участвуют в приёмах граждан, готовят проекты документов, ведут просветительские проекты и представляют клинику на форумах, конференциях и в средствах массовой информации. Это даёт им уникальный опыт, который высоко ценится работодателями: выпускники клиники, как правило, легче адаптируются к профессиональной деятельности, быстрее находят работу и более востребованы на рынке благодаря наличию реальной практики и развитым «мягким навыкам» (soft skills).

Кроме того, выпускники клиники объединены в отдельной Telegram-группе Alumni, где продолжают поддерживать связь друг с другом и с клиникой, делиться профессиональным опытом, информацией о вакансиях и стажировках. Молодые клиницисты могут обратиться к старшим коллегам за советом по сложным делам или вопросам карьеры, что помогает сохранять преемственность поколений, укреплять профессиональное сообщество и развивать наставничество.

Полученные результаты подтверждают, что модель юридической клиники, реализованная в ТГЮУ, является высокоэффективной как с точки зрения обеспечения доступа к правосудию для уязвимых групп, так и с позиции практической подготовки будущих юристов. Высокая доля обращений по семейным, жилищным, трудовым вопросам и проблемам кибермошенничества отражает реальные социальные проблемы узбекистанского общества и подтверждает востребованность бесплатной юридической помощи именно в этих сферах. Особенно значима роль клиники в противодействии кибермошенничеству в отношении пожилых людей — это новое и быстрорастущее направление, требующее от студентов не только знания гражданского права, но и понимания специфики цифровых технологий и методов социальной инженерии.

Цифровизация услуг (Telegram-бот, Zoom-консультации) оказалась не просто данью моде, а насущной необходимостью, позволившей увеличить охват и привлечь тех, кто ранее не имел физической возможности обратиться за помощью. Половина обращений, поступающих онлайн, — это убедительное доказа-

тельство правильности выбранного курса на развитие дистанционных форматов. В то же время сохранение очного приема и выездных мероприятий важно для работы с категориями граждан, которые испытывают трудности с использованием цифровых технологий (прежде всего, пожилые люди).

Сравнение с международной практикой показывает, что Юридическая клиника ТГЮУ находится в русле мировых тенденций, но имеет и свою специфику. Подобно клиникам США и Европы, она активно развивает правовое просвещение через медийные проекты («Правовой компас») и работу со школами. Как и в странах СНГ, здесь делается акцент на помощь социально уязвимым группам и волонтерство. Уникальной особенностью можно считать глубокую интеграцию с государственными социальными программами (например, «Женская тетрадь») и активное взаимодействие с махаллинскими комитетами, что обеспечивает адресность помощи и связь с местными сообществами. Сотрудничество с UNDP, UNODC и зарубежными клиниками позволяет внедрять лучшие мировые стандарты качества и методики обучения.

Важным результатом является доказанная эффективность педагогической модели «студент – преподаватель – заявитель». Многоступенчатая система проверки консультаций гарантирует качество и безопасность, одновременно обучая студентов ответственности и навыкам самостоятельной работы под руководством наставника, что соответствует современным требованиям к организации деятельности юридических клиник. Формирование сообщества выпускников (Alumni) создает устойчивую основу для преемственности и дальнейшего развития клинического движения.

Заключение

Опыт юридической клиники ТГЮУ наглядно демонстрирует, что клиника может быть не только учебной базой для студентов, но и реальным, высокоэффективным инструментом обеспечения доступа граждан к правосудию, особенно для социально уязвимых слоев населения. Её многолетняя работа помогает тысячам людей получить квалифицированную помощь в сложных жизненных ситуациях, защитить свои права, восстановить справедливость. Одновременно клиника формирует культуру юридического волонтерства и гото-

вит новое поколение юристов, для которых социальная ответственность, профессионализм и служение обществу становятся неотъемлемой частью профессиональной идентичности.

Благодаря продуманной системе контроля качества и активному внедрению цифровых сервисов (Telegram-бот, онлайн-консультации), клиника эффективно охватывает даже труднодоступные категории населения – жителей отдаленных регионов, маломобильных граждан, одиноких пожилых людей. Этот опыт уже сегодня служит моделью для развития аналогичных проектов в других вузах и регионах страны.

В ближайшие годы Юридическая клиника ТГЮУ планирует продолжить развитие как по содержательной, так и по организационной линии. Приоритетными направлениями станут:

- запуск новых междисциплинарных проектов, объединяющих юристов с волонтерами из других сфер (например, проект экоправовой помощи с участием экологов и представителей профильных министерств);
- развитие медиации как более гибкой и мирной формы урегулирования конфликтов, обучение студентов навыкам медиации;
- дальнейшая цифровизация услуг, включая расширение функционала Telegram-бота и онлайн-платформы клиники, внедрение элементов искусственного интеллекта для первичной обработки обращений;
- расширение сети выездных приёмов для охвата жителей самых отдалённых сельских районов;
- поддержка создания и развития юридических клиник при других вузах республики, формирование единой и устойчивой системы правового волонтерства в Узбекистане, возможно, создание национальной ассоциации юридических клиник;

– укрепление международного сотрудничества: участие в конкурсах, стажировках, обменах опытом с клиниками из других стран и совместные проекты с международными организациями для внедрения передовых практик и повышения качества юридического образования.

Поддержка юридических клиник, развитие волонтерских проектов и цифровых сервисов правовой помощи остаются важнейшими задачами для всех, кто заинтересован в построении справедливого, правового и социально ориентированного общества. Только объединяя усилия государства, системы высшего образова-

ния, профессионального юридического сообщества и волонтеров, можно сделать квалифицированную правовую помощь по-настоящему доступной для каждого гражданина, незави-

симо от его места жительства, возраста и материального положения. Опыт Юридической клиники ТГЮУ убедительно доказывает, что такая синергия возможна и приносит ощутимые плоды.

Список литературы

1. Nyoni-Wood Z. et al. Effecting Change and Addressing Inequalities through Community Based Research: Opportunities and Challenges //Int'l J. Clinical Legal Educ. 2025. – Vol. 32. – P. 21-30.
2. Rusi N., Melo I. Clinical Legal Education: The Role and Challenges in Enhancing Access to Justice //Journal of Educational and Social Research. 2025. – p. 209-217.
3. Ong B. Community legal clinics and clinical legal education in Singapore //Sing. J. Legal Stud. 2025. – P. 70-113.
4. Rusi N., Melo I. Clinical Legal Education: The Role and Challenges in Enhancing Access to Justice //Journal of Educational and Social Research. 2025. – P. 209-217.
5. Россиев В.В. Бесплатная юридическая помощь в Соединенных Штатах Америки // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования, 2023. – Т. 9, № 3 (35). – С. 176–191.

References

1. Nyoni-Wood Z. et al. Effecting Change and Addressing Inequalities through Community Based Research: Opportunities and Challenges //Int'l J. Clinical Legal Educ. – 2025. – Vol. 32. – P. 21-30.
2. Rusi N., Melo I. Clinical Legal Education: The Role and Challenges in Enhancing Access to Justice //Journal of Educational and Social Research. – 2025. – p. 209-217.
3. Ong B. Community legal clinics and clinical legal education in Singapore //Sing. J. Legal Stud. – 2025. – P. 70-113.
4. Rusi N., Melo I. Clinical Legal Education: The Role and Challenges in Enhancing Access to Justice //Journal of Educational and Social Research. – 2025. – P. 209-217.
5. Rossiye V.V. Besplatnaya yuridicheskaya pomoshch' v Soyedinennykh Shtatakh Ameriki // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya, 2023. – T. 9, № 3 (35). – S. 176–191.

А. Арипбаева¹

¹Ташкент мемлекеттік заң университеті Заң клиникасының әдіскері
(Ташкент қ., Өзбекстан)

ЗАҢ КЛИНИКАСЫ АРҚЫЛЫ ӘДІЛ СОТҚА ҚОЛЖЕТІМДІЛІК: ТМЗУ ТӘЖІРИБЕСІ МЕН ДАМУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Андатпа

Мақалада Ташкент мемлекеттік заң университеті Заң клиникасының әлеуметтік осал топтардың әділ сотқа қолжетімділігін қамтамасыз етудегі тиімді тетік ретіндегі рөлі және болашақ заңгерлерді тәжірибелік бағытта даярлау алаңы ретінде маңызы қарастырылды. Тақырыптың өзектілігі азаматтардың өз құқықтарын қорғау барысында кездесетін қаржылық, аумақтық және ақпараттық кедергілерді еңсеру қажеттілігімен, сондай-ақ студенттердің кәсіби құзыреттері мен әлеуметтік жауапкершілігін қалыптастыру қажеттілігімен айқындалады.

Клиниканың 2000-2024 жылдар аралығындағы көпжылдық тәжірибесін талдау негізінде оның негізгі қызмет бағыттары – құқықтық кеңес беру, құқықтық ағарту және цифрлық инновациялар – сараланады. Халықпен коммуникация арналарының әртараптандырылуына (Telegram-бот, колл-орталық, Zoom арқылы кеңес беру, көшпелі қабылдаулар) ерекше назар аударылды, бұл шалғай өңірлердің тұрғындары мен қозғалысы шектеулі азаматтар үшін құқықтық көмектің қолжетімділігін арттыруға мүмкіндік берді. Статистикалық деректер 3200-ден астам өтініш тіркелгенін, олардың шамамен 50%-ы онлайн форматта түскенін көрсетеді. Өтініштердің

мазмундық талдауы отбасылық, еңбек және тұрғын үй құқықтарына, сондай-ақ кибералақтық мәселелеріне қатысты сұрақтардың басым екенін айқындайды.

Сонымен қатар мақалада клиниканың білім беру әлеуеті ашып көрсетілді: консультациялардың сапасын көпсатылы бақылау жүйесі, студенттік команда ішіндегі рөлдерді бөлу, түлектер қауымдастығын қалыптастыру. Қорытындыда ТМЗУ Заң клиникасының моделі әлеуметтік миссия мен білім беру міндеттерін үйлесімді ұштастыратыны, Өзбекстандағы клиникалық құқықтық білім беру қозғалысын дамытуға негіз болатыны және халықаралық озық тәжірибелерге сәйкес келетіні тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: әділ сотқа қолжетімділік; заң клиникасы; pro bono; құқықтық көмекті цифрландыру; салалық еріктілік; этикалық стандарттар; халықаралық әріптестік.

A. Aripbaeva¹

¹Methodologist of the Legal Clinic, Tashkent State University of Law
(Tashkent, Uzbekistan)

ACCESS TO JUSTICE THROUGH A LEGAL CLINIC: EXPERIENCE AND PROSPECTS OF TSUL

Abstract

The article examines the role of the Legal Clinic of Tashkent State University of Law as an effective mechanism for ensuring access to justice for socially vulnerable groups and as a platform for practice-oriented training of future lawyers. The relevance of the topic is обусловлена the need to overcome financial, territorial, and informational barriers faced by citizens in protecting their rights, as well as the necessity of fostering professional competencies and social responsibility among law students.

Based on an analysis of the clinic's long-term experience (2000–2024), the author explores its key areas of activity: legal counselling, legal awareness-raising, and digital innovation. Particular attention is paid to the diversification of communication channels with the public (Telegram bot, call center, Zoom consultations, and outreach receptions), which has significantly increased access to legal assistance for residents of remote regions and persons with limited mobility. Statistical data indicate that more than 3,200 applications were processed, approximately 50% of which were submitted online. The thematic analysis of inquiries demonstrates the predominance of issues related to family, labour, and housing law, as well as cyber fraud.

The article also highlights the clinic's educational potential, including a multi-level quality control system for consultations, role distribution within student teams, and the development of an alumni community. It is concluded that the Legal Clinic model of TSUL successfully integrates its social mission with educational objectives, serves as a foundation for the development of the clinical legal education movement in Uzbekistan, and aligns with international best practices.

Keywords: access to justice; legal clinic; pro bono; digitalisation of legal aid; specialised volunteering; ethical standards; international partnership.

ӨОЖ 343.81

FTAXP 10.83.21

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-95-101

Н.Д. Тлешалиев^{1*}, Ш.К.Амирбекова²

¹PhD докторы, Қазақстан Республикасы Мемлекеттік қызмет істері
агенттігінің Алматы қаласы бойынша департаментінің Сыбайлас
жемқорлықтың алдын алу басқармасының басшысы

(Алматы қ., Қазақстан)

²«TERENT HEALTH CARE» ЖШС заңгердің көмекшісі

(Алматы қ., Қазақстан)

ORCID: 0009-0002-2170-2573, e-mail: Shugyla.amirbekova@bk.ru

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАСЫНДА ЖАЗАНЫ ТАҒАЙЫНДАУ ИНСТИТУТЫ: ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ПРАКТИКА

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасындағы жазаны тағайындау институтының теориялық және практикалық аспектілері жан-жақты қарастырылған. Зерттеудің басты мақсаты – жазаны тағайындау ережелерінің құрылымын, олардың жалпы және арнайы бастауларын талдау, сондай-ақ сот тәжірибесі мен құқық қолдану үрдісінде кездесетін проблемалық мәселелерді анықтау. Мақалада жазаның негізгі мақсаты, сипаты, сотталушының жеке басының ерекшеліктері, қылмыстық құқық бұзушылықтың ауырлығы мен қоғамға қауіптілік дәрежесін ескеру қажеттілігі жүйелі түрде қарастырылған. Құқықтық статистика және нақты сот істерінің мысалдары негізінде қоғамдық мүлікті бүлдіру, бұзақылық, вандализм және басқа да құқық бұзушылықтардың сот тәжірибесінде қаралуы талданған. Зерттеу барысында тарихи, формалды-логикалық және салыстырмалы әдістер қолданылған, бұл жазаны тағайындаудың теориялық негіздерін анықтауға, сондай-ақ отандық және шетелдік тәжірибелер арасындағы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды көрсетуге мүмкіндік берді.

Мақала қорытындысында, жазаны тағайындау институты соттардың әділ және пропорционалды шешім қабылдауын қамтамасыз ететін, қоғамға қауіптілікті төмендетуге және сотталушының түзелуіне ықпал ететін маңызды құқықтық механизм ретінде танылды. Зерттеу барысында құқықтық теория мен практика арасындағы өзара байланысқа бағытталған, қылмыстық құқық қорғаудағы жазаны тағайындау принциптерін жетілдіруге арналған ұсыныстар берді.

Түйінді сөздер: Вандализм, жаза, қылмыс, ұсақ бұзақылық, бұзақылық, қоғамдық тәртіп, алдын алу, қоғамдық орын, қоғамды құрметтеу.

Кіріспе

Қылмыстық құқықтағы жаза институ-ты мемлекеттің қылмыстық саясатындағы негізгі тетіктердің бірі болып табылады. Жаза қылмыстық құқық бұзушылық жасаған тұлғаның әрекетіне құқықтық баға берудің, әлеуметтік әділеттілікті қалпына келтірудің, сондай-ақ қылмыстылықтың алдын алудың маңызды құралы ретінде көрініс табады [1]. Осы тұрғыдан алғанда, қылмыстық жаза тағайындау мәселесі құқық қолдану тәжірибесінде ерекше мәнге ие, өйткені сот үкімінің әділдігі мен заңдылығы көбіне тағайындалған жазаның

негізділігі мен пропорционалдығына байланысты айқындалады.

Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына сәйкес, қылмыстық құқық бұзушылық жасауға кінәлі деп танылған адамға жаза Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің Ерекше бөлігінің тиісті баптарын-да белгіленген шектерде және Қылмыстық Кодекстің Жалпы бөлігінің қағидаларын ескере отырып тағайындалады. Жаза тағайындаудың негізгі қағидасы – оның әділдігі, яғни жасалған қылмыстық құқық бұзушылықтың сипаты мен қоғамға қауіптілік дәрежесіне, сондай-ақ кінәлі адамның жеке басына сәйкес келуі. Сонымен

*Автор-корреспондент, e-mail: nurlan.tleshaliev@mail.ru

қатар жаза қылмыс жасаған тұлғаның түзелуіне ықпал етуге және жаңа қылмыстық құқық бұзушылықтардың алдын алуға бағытталған қажетті әрі жеткілікті құқықтық шара ретінде қарастырылады¹.

Қылмыстық заңнамада жазаның түрін таңдауда және мөлшерін анықтауда оның мақсаттарына қол жеткізу қағидаты басшылыққа алынады [2]. Егер қылмыстық құқық бұзушылық үшін көзделген жазаның жеңілдеу түрі жазаның мақсаттарына жетуді қамтамасыз ете алмайтын болса ғана, заңда белгіленген неғұрлым қатаң жаза қолданылуы мүмкін. Сонымен бірге қылмыстық құқық бұзушылықтардың жиынтығы немесе үкімдердің жиынтығы жағдайында жаза Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 58 және 60-баптарына сәйкес тағайындалуы мүмкін, ал заңда көзделгеннен неғұрлым жеңіл жаза қолдану негіздері Қылмыстық кодекстің 55-бабында айқындалған. Жаза тағайындау барысында соттар қылмыстық құқық бұзушылықтың сипаты мен қоғамға қауіптілік дәрежесін, кінәлі адамның жеке басын, оның құқық бұзушылық жасағанға дейінгі және одан кейінгі мінез-құлқын, жауаптылық пен жазаны жеңілдететін немесе ауырлататын мән-жайларды, сондай-ақ тағайындалған жазаның сотталған адамның түзелуіне және оның отбасының немесе асырауындағы адамдардың әлеуметтік жағдайына ықпалын жан-жақты ескеруі тиіс². Бұл мәселелерді нақтылау және сот тәжірибесінде біркелкі қолдануды қамтамасыз ету мақсатында Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2015 жылғы 25 маусымдағы № 4 «Қылмыстық жаза тағайындаудың кейбір мәселелері туралы» нормативтік қаулысы қабылданған. Аталған құжатта Қазақстан Республикасы Конституциясының барлық адамдардың заң мен сот алдында теңдігі, сондай-ақ тұлғаның кінәсі заңды күшіне енген сот үкімімен дәлелденбейінше қылмыс жасаған деп танылмайтыны туралы қағидалары негізге алына отырып, соттардың әрбір қылмыстық істі заң талаптарына сәйкес әділ және негізді шешуі қажеттігі атап көрсетілген³. Сонымен қатар соттар жаза тағайындау кезінде қылмыстық құқық бұзушылықтың ауырлық санатын, қылмыстың қайталануын, оның жасалу кезеңін, сотталушының қылмысты жасаудағы қатысу дәрежесін, келтірілген немесе келтірілуі

мүмкін зиянның сипаты мен мөлшерін, сондай-ақ жауаптылық пен жазаны жеңілдететін немесе ауырлататын мән-жайлардың болуын міндетті түрде ескеруге тиіс.

Қазіргі кезеңде ұйымдасқан қылмыстық топтар құрамында жасалатын қылмыстар, сыбайлас жемқорлыққа байланысты құқық бұзушылықтар, терроризм мен экстремизм сипатындағы қылмыстар, сондай-ақ кәмелетке толмағандардың жыныстық тиіспеушілігіне қарсы қылмыстар қоғамға ерекше қауіп төндіретін әрекеттер қатарына жатады. Осыған байланысты мұндай қылмыстарды жасаған, түзелу жолына түсу ниетін білдірмеген бұрын сотталған тұлғаларға қатысты заңда көзделген қатаң жазалау шараларын қолдану мәселесіне ерекше назар аудару қажеттілігі туындайды. Жасалған қылмыстық құқық бұзушылықтың қоғамға қауіптілік дәрежесін анықтау барысында соттар Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 11-бабында белгіленген қылмыстың ауырлық санатын, сондай-ақ құқық бұзушылық жасалған кездегі барлық мән-жайларды, атап айтқанда оның жасалу тәсілін, кінәнің нысанын, себептері мен мақсаттарын, қылмыстың аяқталу кезеңін және туындаған зардаптардың сипатын жан-жақты бағалауы қажет [2]. Осыған байланысты қылмыстық жаза тағайындаудың теориялық және тәжірибелік аспектілерін кешенді зерттеу қылмыстық заңнаманы тиімді қолдануды қамтамасыз ету және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіру тұрғысынан ғылыми-құқықтық тұрғыдан өзекті мәселе болып табылады.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу барысында қылмыстық жаза институтының теориялық және практикалық аспектілерін жан-жақты талдау мақсатында бірқатар жалпы ғылыми және арнайы құқықтық зерттеу әдістері қолданылды. Біріншіден, тарихи әдіс қылмыстық жаза ұғымының қалыптасу эволюциясын, оның мақсаттары мен мазмұнының дамуын талдау барысында пайдаланылды. Аталған әдіс қылмыстық құқықтағы жаза институтының тарихи қалыптасу кезеңдерін, заң шығару тәжірибесіндегі өзгерістерді және олардың қазіргі қылмыстық саясаттағы ролін анықтауға мүмкіндік берді. Екіншіден, формальды-логикалық әдіс қылмыстық заңнаманың нормаларын жүйелі түрде талдауға, олардың мазмұнын, құрылымын және құқықтық мағынасын айқындауға бағытталды. Бұл әдіс Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінде белгіленген жаза тағайындаудың қағидаларын, сондай-ақ қылмыстық-құқықтық нормалардың өзара байланысын зерттеу ба-

¹ Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ «Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі». URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (қаралған күні: 11.09.2025).

² Аталған дерек. 58, 60 баптар.

³ Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2015 жылғы 25 маусымдағы № 4 нормативтік қаулысы «Қылмыстық жаза тағайындаудың кейбір мәселелері туралы». URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P150000004S> (қаралған күні: 11.09.2025).

рысында қолданылды. Сонымен қатар ол жазаның мақсаттарын, оның тиімділігін және қылмыстық құқықтық реттеу механизміндегі орнын ғылыми тұрғыдан негіздеуге мүмкіндік берді. Үшіншіден, салыстырмалы-құқықтық әдіс қылмыстық жаза ұғымы мен мақсаттарын реттейтін ұлттық қылмыстық заңнаманы шетел мемлекеттерінің қылмыстық құқықтық жүйелерімен салыстыру барысында пайдаланылды. Бұл әдіс арқылы әртүрлі құқықтық жүйелердегі жаза институтының ерекшеліктері, оның мақсаттары мен қолдану практикасы сараланып, ұлттық заңнаманы жетілдіру тұрғысынан маңызды ғылыми қорытындылар жасауға мүмкіндік берілді.

Зерттеудің материалдық базасын Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары, сондай-ақ қылмыстық құқық теориясы саласындағы отандық және шетелдік ғалымдардың ғылыми еңбектері құрады.

Нәтижелер мен талдаулар

Қазақстан Президенті Қасым-Жомарт Тоқаев қоғамдық мүлікті бүлдіру, бұзақылық және вандализм жағдайларына қарсы жазаны қатаңдату қажеттігін атап өтті¹. Мемлекет басшысы өткен жылы маусымы кезінде жиілеген жазатайым оқиғаларға, өрттер мен технологиялық аварияларға ерекше назар аудару қажеттігін, сондай-ақ төтенше жағдайлардың салдарын жедел жоюға дайындықты қамтамасыз ету үшін жан-жақты шаралар қабылдау қажеттігін айтты. Сонымен қатар, президент қоғамдық мүліктің бүлінуі мен бұзақылық әрекеттерінің жиілеп бара жатқанын ескертіп, заңнамалық шараларды күшейтудің маңыздылығын атап өтті. Президенттің пікірінше, пропорционалды емес жеңіл жазалар немесе іс жүзінде жазасыздық құқық бұзушылықтардың одан әрі өсуіне ықпал етті. Мысалы, елордада мас күйінде лифтітегі мониторды сындырып, тек 14 мың теңге айыппұл төлеген тұлға тіркелген. Мұндай әрекеттер үшін кемінде 15 күнге қамау немесе бір жылға түзету жұмыстары тағайындалуы қажет, бұл «нөлдік төзімділік» принципі қамтамасыз етеді².

ҚР Бас прокуратурасының құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің

деректері бойынша, 2024 жылы вандализм фактілері бойынша 6 қылмыстық іс қозғалған, ал 76 іс басқа біреудің мүлкін бүлдірумен байланысты болды. Әкімшілік құқық бұзушылықтар айтарлықтай көп – ұсақ бұзақылықтың 21,9 мың жағдайы тіркелген. Бұзушылықтардың ең көп саны абаттандыру ережелерін бұзу бойынша анықталған (ҚР ӘҚБтК 505-бап, 263,8 мың факт)³.

Сот практикасы да осындай жағдайларды көрсетеді. Мысалы, басты сот талқылауында сотталушы «Т» кінәсін ішінара мойындап, 2022 жылғы ақпан айында достары «М» және «О» алкогольдік өнімдерді қолданған кезде Байқоңыр қаласындағы «Я люблю Байконур» кіші сәулет фигурасын зақымдағанын жеткізді. Сотталушы қасақана бүлдіру ниеті болмағанын, оқиға орын алғаннан кейін кетіп қалғанын көрсетті. Жәбірленуші, «Тұрғын үй шаруашылығы» мемлекеттік унитарлы кәсіпорнының заң бөлімінің басшысы «Ц», аталмыш кіші сәулет фигурасының материалдық шығыны 37 000 рубль (210 530 теңге) болғанын хабарлады, алайда азаматтық талап қою берілмеген.

Басты сот талқылауында куә ретіне айғақ берген «О» 2022 жылғы 08 ақпан кешкі уақытта достары болып келетін «Т», «М» кездестіріп, үшеуі сөйлескенін, алкогольдік өнімдерді де пайдаланғандарын, 2022 жылғы 09 ақпан түнгі уақытта «Космо» дүкенінен шығып, алаңда орналасқан «Я люблю Байконур» кіші сәулет фигурасына суретке түсу үшін барғандарын, суретке түсу кезінде «Т» аяғы тайып кетіп, аталған кіші сәулет фигурасына қолы тиіп, ол сынып кеткенін, сотталушы «Т» «Я люблю Байконур» кіші сәулет фигурасын артқы жағынан ұрғанын видеодан көргенін, осы жағдай орыналғаннан кейін қайтып кеткендерін көрсетті.

Сотталушы «Т» Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 294-бабымен кінәлі деп танылсын, оған 61260 (алпыс бір мың екі жүз алпыс) теңге мөлшерінде айыппұл жазасы тағайындалсын. Айыппұлды ерікті төлеу мерзімі сот үкімі заңды күшіне енген күннен бастап 1 (бір) айға белгіленсін⁴.

Келесі іс, 12-ші наурыз 2018 жылы сағат 05.20 - 07.40 шамасы аралығында «Б» «Ақтоғай-Достық» бағытында қатынайтын қала маңындағы тасымалдау» АҚ-на тиесілі

¹ Президент бұзақылық пен вандализм туралы: Бұндайға жеңіл жаза жарамайды. URL: https://kaz.inform.kz/news/prezident-buzakylyk-pen-vandalizm-turaly-bundayga-zhenil-zhazazharamaydy_a3804379/ (қаралған күні: 11.09.2025).

² Тоқаев потребовал ужесточить наказание за порчу общего имущества, хулиганство и вандализм. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/tokaev-potreboval-uzhestochit-nakazanie-za-porchu-obshchego-imushchestva-khuliganstvo-i-vandalizm> (дата обращения: 12.09.2025).

³ Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасының құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің 2024 жылға арналған статистикалық мәліметі. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fqamqor.gov.kz%2Fcrimestat%2F%2Ffiles%2F2024%2F2%2F19%2F202402_kui_00100_ru.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (қаралған күні: 05.07.2025).

⁴ Қызылорда облысының Байқоңыр қалалық сотының 2022 жылғы 12 мамырдағы № 4356-22-00-1/9 Үкімі. URL: <https://office.sud.kz/> (қаралған күні: 07.08.2025).

№6-941 қала маңындағы жолаушы поезының №071/26337 вагонымен жолаушы ретінде келе жатып, алкогольдік масаң күйде жоғарыда аталған вагонның жұмыс тамбурындағы есіктің 3 (үш) терезесін еш себепсіз қолымен ұрып, қасақана сындырған. Сөйтіп, «Б» қоғамдық көліктегі мүлікті қасақана бүлдірген, нәтижесінде «Қала маңындағы тасымалдау» АҚ-на 6 076 теңге 38 тиынға материалдық залал келген. Сот мәжілісінде «Б», кінәсін толық мойындап, 12-ші наурыз 2018 жылы өзі жанында бір досымен «Ақтоғай-Достық» бағытында қатынайтын жолаушы поезбен келе жатып, сыра ішіп масайып қалып, аталған вагонның жұмыс тамбурындағы есіктің терезелерін еш себепсіз қолымен ұрып сындырғанын көрсетті. Сонымен қатар, өзі бұл әрекетіне шын жүректен өкініш білдіріп, келген шығынды толық өтегенін баяндап, өзіне қатысты істі ҚР ҚК-нің 68 бабының негізінде тоқтатуды сұрады. Жәбірленуші «қала маңындағы тасымалдау» АҚ-ның өкілі «Д» сот отырысына келмеді, өзінің сотқа жолдаған арызында сот отырысын өзінің қатысуынсыз қарауды сұрап, іс бойынша сотталушы «Б» келтірілген шығынның орнын толтырғанын, оған қояр талап-тілегі жоқ екендігін, соған байланысты, «Б» қатысты қозғалған қылмыстық істі ҚР ҚК-нің 68 бабының талаптарына сай тоқтатуды сұрады.

Сот, іс құжаттарын тексеріп, зерттеп, сотталушы «Б» іс-әрекеті тергеу органдарымен ҚР ҚК-нің 294 бабымен дұрыс дәрежеленген деп табады. «Б» жасаған қылмыстық теріс қылық санатына жатады, жәбірленушіге келтірілген зиянның есесін толтырған. Демек, «Б» ҚР-ның ҚК-нің 68 бабының 1-ші бөлігінің негізінде қылмыстық жауаптылықтан босатылуға жатады. Іс бойынша заттай дәлелдемелер қан дақтары мен әйнек сынықтары ҚР ҚПК-нің 118 бабының 3 бөлігінің 3 тармағына сай, жойылуы қажет деп табады. Іс бойынша сот шығыны болып табылатын сот биологиялық сараптама құны «Б» мемлекет пайдасына өндірілуі тиіс.

Жоғарыдағылар негізінде Қазақстан Республикасы Қылмыстық процестік Кодексінің 327, 343, 344 баптарын, Қылмыстық Кодекстің 68 бабының 1- бөлігін басшылыққа алып, сот, қаулы етті: «Б» Қазақстан Республикасы Қылмыстық Кодексінің 294 бабында көрсетілген жауаптылықтан, Қазақстан Республикасы Қылмыстық Кодексінің 68 бабының 1-бөлігінің негізінде, босатылсын. «Б» қатысты Қазақстан Республикасы Қылмыстық Кодексінің 294 бабымен айыптаудағы қылмыстық іс, Қазақстан Республикасы Қылмыстық процестік Кодексінің 35 бабының 12-бөлігінің негізінде, тоқтатылсын¹.

Қарастырып отырған мәселеге қатысты келесі іс қызығушылық тудурады, 2016 жылғы 07 мамырда түнгі сағат 02.00 шама-сында Ақтөбе облысы Ойыл ауданы Қаратал ауылында «Ж» алкогольден масаң күйде орталық көшедегі ауылдық клуб ғимаратының алдындағы мемлекет қорғауындағы, тарихи және мәдени құндылығы бар Ш. Берсиевтің құрметіне қойылған ескерткішке өзін көтермей сынып қалатынын біле тұра шығып, қасақана, қоғамдық имандылықты қорлайтын әрекеттерімен, ескерткіштің оң жақ қолын, бас киімінің алдыңғы жағын және ескерткіш орнатылған тастарын сындырып бүлдірген.

Сот отырысында сотталушы «Ж» тағылған айыпты толық мойындап, 2016 жылғы 07 мамырда түнде мастықпен ауыл көшесіне орнатылған «Б» ескерткішіне өрмелеп шыққанын, ескерткіштің гипстен жасалғанын, өзін көтермейтінін білгенін, ескерткіштің қолын, бас жағын және орнатылған тастарын сындыра отырып құлағанын, өзінің қолы сынғанын көрсетіп, істеген ісіне өкінетінін айтты.

Сот отырысында жәбірленуші өкілі «Н» 2015 жылдан бастап Ойыл аудандық мәдениет үйінің директоры қызметін атқарып отырғанын, 2016 жылдың 07 мамырына қараған түнде «Ж» Қаратал селосындағы клуб алдына орнатылған Ойыл аудандық мәдениет үйінің балансындағы, қорғауға жататын «Б»тің құрметіне орнатылған ескерткішті сындырып, бүлдіргенін, бүгінгі күнге дейін қалпына келтірілмегенін, жөндеуді қажет ететінін көрсетіп, «Ж»тан мәдениет үйінің пайдасына келтірілген шығын 200.000 теңге өндіруді сұрайды, жазаны соттың қарауына қалдырады.

Бұл жауаптарды сот нанымды, үкімнің негізіне алуға болады деп санайды, себебі істің мән-жайына сай келетін бірқалыпты жауаптар.

2016 жылғы 08 мамырдағы оқиға орнын қарап-тексеру хаттамасына сәйкес «Б» арналған ескерткіш Ойыл ауданы Қаратал ауылының орталық көшесінде орналасқан, темір қоршаумен қоршалған, ескерткіштің оң жақ қолы, бас киімі, астыңғы орнатылған тасы зақымданған. Ойыл аудандық қаржы бөлімінің 01.09.2009 ж. №К-100 бұйрығымен Қаратал ауылдық клубы алдында орнатылған «Б»ке ескерткіш «Ойыл аудандық мәдениет үйі» МКҚК балансына бекітілген. «Б» атындағы ауылдық округ әкімінің 05.05.2015 ж. №3 шешімімен «Ойыл аудандық қаржы бөлімі» ММ-не Қаратал ауылындағы «Б»тің ескерткішін орналастыру үшін жалпы алаңы 0,0140 га жер теліміне тұрақты жер пайдалану құқығы берілген, құқық тіркелген.

¹ Алматы облысы Алақөл аудандық сотының 16-шы сәуір 2018 жылғы № 1934-18-00-1/17 Қаулысы. URL: <https://office.sud.kz/> (қаралған күні: 09.08.2025).

27.07.2015 ж. «Тарих және мәдениет ескерткішін қорғау міндеттемесіне» сәйкес меншік иесі «Ойыл аудандық мәдениет үйі» КМҚК Қаратал ауылында орналасқан, мемлекет қорғауындағы «Б» ескерткіші» тарих және мәдениет ескерткішінің сақталуын қамтамасыз етуге міндеттеме алған. Ескерткішке 28.09.2015 жылы техникалық паспорт жасақталған. «Ж» психоневралогиялық, наркологиялық есепте тұрмайды. Келтірілген дәлелдемелерді зерделей келе сот, «Ж»-тың кінәсі сотта толықтай өз дәлелін тапты және оның әрекеті Қазақстан Республикасының Қылмыстық Кодексінің 294-бабымен дұрыс дәрежеленген деп есептейді, өйткені ол тағылық, яғни тарих және мәдениет ескерткіштерін қоғамдық имандылықты қорлайтын өзге де әрекеттермен бүлдірген. «Ж» жасаған әрекеті қылмыстық теріс қылық болып саналады. Сондықтан Қ.Қ. Жәлжанов жасаған қылмыстық теріс қылығы үшін заңға сәйкес жауапкершілікке тартылуы тиіс.

Сотталушыға жаза тағайындағанда сот «Ж»-тың бұрын қылмыстық жауаптылыққа тартылмағандығын жаза мен қылмыстық жауапкершілікті жеңілдететін мән-жәйлар ретінде бағалайды. Сот жаза мен қылмыстық жауапкершілікті ауырлататын мән-жәй ретінде оның алкогольден масаң күйінде қылмыстық құқық бұзушылық жасауын таниды. Сот жаза түрі мен мөлшерін анықтау кезінде ҚР ҚК-ң 52-бабының талабын негізге ала отырып, «Ж»-тың жасаған қылмыстық теріс қылығының сипаты мен қоғамға қауіптілік дәрежесін, жеке басының мінездемесін, іс бойынша барлық жағдайларды ескеріп, сотталушыға қоғамдық жұмысқа тарту түріндегі жаза тағайындауға жеткілікті негіз бар деп санайды. ҚР АҚ 917-бабының 1-бөлігіне сәйкес азаматтар мен заңды тұлғалардың мүліктік немесе мүліктік емес игіліктері мен құқықтарына заңсыз іс-әрекеттермен (әрекетсіздікпен) келтірілген (мүліктік және (немесе) мүліктік емес) зиянды, оны келтірген тұлға толық көлемінде өтеуге тиіс.

Іске тіркелген жеке кәсіпкер «Ш» анықтамасына сәйкес ескерткіштің сынып зақымданған жерлерін қалпына келтіріп жөндеу жұмыстары 200.000 теңгені құрайды. Қазақстан Республикасының ҚПК-нің 387-393, 529-баптарын басшылыққа алып, сот үкім етті:

«Ж» Қазақстан Республикасының Қылмыстық Кодексінің 294-бабымен кінәлі деп танылсын, оған 200 (екі жүз) сағат қоғамдық жұмыстарға тарту жазасы тағайындалсын. Үкімнің орындалуын бақылау Ойыл аудандық пробацияқызметіне жүктелсін. «Ойылаудандық мәдениет үйі» коммуналдық мемлекеттік қазыналық кәсіпорнының азаматтық талап

қоюы толық қанағаттандырылсын. «Ойыл аудандық мәдениет үйі» коммуналдық мемлекеттік қазыналық кәсіпорнының пайдасына «Ж» 200.000 (екі жүз мың) теңге, өндірілсін. «Ж» мемлекет пайдасына 6000 (алты мың) теңге мемлекеттік баж өндірілсін¹.

Соттар сотталушының жеке басына қатысты мәліметтердің жазаның түрі мен мөлшерін белгілеу үшін елеулі мәні бар екенін назарға ала отырып, оларды жан-жақты, толық және объективті түрде зерттеуге тиіс. Атап айтқанда, сотталушының денсаулығын, еңбекке қабілеттілігін, еңбекке, білімге көзқарасын, соттылығы және отбасылық жағдайы туралы мәліметтерді анықтау қажет. Соттар жаза тағайындаған кезде ҚК-нің 52-бабының үшінші бөлігіне сәйкес тағайындалған жазаның сотталушының отбасының және оның асырауындағы адамдардың тұрмыс жағдайына ықпалын ескерулері қажет.

ҚК-нің 54-бабының бірінші бөлігінде көрсетілген жауаптылық пен жазаны ауырлататын мән-жайлар тізбесі түпкілікті болып табылады, осыған байланысты, қылмыстық құқық бұзушылық жасалған кездегі немесе сотталушыны сипаттайтын сот анықтаған өзге де мән-жайлар (маскүнемдікке салыну, қоғамдық тәртіпті бұзу, отбасына, жұмысына, оқуына көзқарасы және т.б.) жаза тағайындалған кезде ескерілуі мүмкін, бірақ жауаптылық пен жазаны ауырлататын мән-жайлар ретінде танылмайды.

ҚК-нің 54-бабы бірінші бөлігінің 12) тармағына сәйкес, сот қылмыстық құқық бұзушылықтың сипатына қарай масаң күйде қылмыс жасауды жауаптылық пен жазаны ауырлататын мән-жай ретінде танымауға құқылы. Осы мәселені шешу кезінде соттар қылмыстық іс-әрекеттің жасалуының өз сипаты бойынша кінәлі адамның масаң күйімен байланысы бар жоғын, сондай-ақ адам осындай күйге түскен кездегі жағдайды ескерулері қажет. Атап айтқанда, кәмелетке толмағанның қылмыстық құқық бұзушылықты жасау сәтінде масаң күйіндегі жағдайы, егер бұл оны спирт ішімдіктерін, есірткі немесе уытқұмар заттарды пайдалануға қылмыстық құқық бұзушылықты жасауға бірге қатысушы ересек адамның тартуымен байланысты болса, жауаптылық пен жазаны ауырлататын мән-жай ретінде есептелуге тиіс емес.

ҚК-нің 53-бабында немесе 54-бабында көзделген мән-жай қылмысты саралайтын белгілердің бірі ретінде Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің Ерекше бөлігіндегі бабының диспозициясында көрсетілсе, сот

¹ Ақтөбе облысы Ойыл аудандық соты 2016 жылғы 25 мамыр № Іс №1552-16-2-1/33 Үкімі. URL: <https://office.sud.kz/> (қаралған күні: 09.08.2025).

оны осы қылмыстық құқық бұзушылықты жасағаны үшін жауаптылық пен жазаны ауырлататын мән-жай ретінде тани алмайды. Сонымен қатар, егер адам қылмыстық әрекетті ұйымдастырушы деп танылса, қылмыстық құқық бұзушылық жасаудағы ерекше белсенді рөл ауырлататын мән-жай деп танылуы мүмкін емес.

Сот талқылауының шегі айыптау актісін, жеделдетілген сотқа дейінгі тергеп-тексеру хаттамасын, айыптау хаттамасын жасау кезінде тұжырымдалып тағылған айыппен шектеледі. Жауаптылық пен жазаны жеңілдететін және ауырлататын мән-жайлар айыптың мазмұнына енгізіледі (Қылмыстық-процестік кодекстің (бұдан әрі – ҚПК) 299-бабы үшінші бөлігінің 4-тармағы). Сондықтан, сот айыптау актісінде көрсетілмеген, жауаптылықты ауырлататын мән-жайлардың бар болуын үкімде белгілеп көрсетсе, ол ҚПК-нің 340-бабының талаптарына сәйкес сотталушының жағдайын ауырлатады және сот талқылауының шегін бұзу болып табылады. Сонымен қатар, жауаптылықты жеңілдететін мән-жайлар деп танылатын мәселенің шешілуі айыппен шектелмейді және басты сот талқылауында анықталған істің нақты мән-жайларына негізделуі тиіс.

Қорытынды

Зерттеу қорытындысы бойынша, жазаны тағайындау мәселесі қылмыстық заңнаманың нақты ережелерімен тікелей байланысты және олардың тиімділігін сот практикасы мен құқықтық талдау арқылы бағалау қажет. Жазаны тағайындау тек қана қылмыстық құқық бұзушылық фактісін айқындаумен шектелмей, әрбір жағдайдың ерекшеліктерін ескеріп, жазаның түрін, мөлшерін немесе мерзімін белгілеуді талап етеді. Бұл тұрғыдан алғанда, жазаны тағайындау ережесі құқықтық норманың негізгі белгілерін ғана анықтайды, ал оның мазмұны мен қолданылу аясы сот

практикасында нақты жүзеге асырылады.

Жазаны тағайындаудың арнайы және жалпы ережелерін талдау көрсеткендей, олардың әрқайсысы құқық қорғау органдары мен соттарға әрекеттердің сипатына қарай пропорционалды және әділ жазаны белгілеуге мүмкіндік береді. Жазаны тағайындаудың жалпы бастаулары мен арнайы ережелерінің үйлесімділігі сот тәжірибесінде қылмыстық құқықты тиімді қолданудың, жауаптылық пен жазаның мақсаттылығының негізгі кепілі болып табылады. Сонымен қатар, зерттеу барысында анықталғандай, жазаны тағайындаудың нақты ережелері мен жалпы бастауларының арасындағы өзара байланыс кейде жеткілікті түрде айқын көрсетілмегендіктен, құқық қолдануда интерпретациялық қиындықтар туындауы мүмкін. Бұл мәселелерді шешу үшін сот тәжірибесінде жалпы бастаулардың мазмұны мен мәнін нақты іске асыруға, сондай-ақ әрбір қылмыстық іс бойынша жеке мән-жайды жан-жақты бағалауға ерекше назар аудару қажет. Осылайша, жазаны тағайындау институты қылмыстық заңнаманың тиімділігін қамтамасыз ететін, қоғамға қауіптілікті төмендетуге және сотталушыны түзетуге бағытталған құқықтық механизм ретінде маңызды рөл атқаратыны айқын көрінеді. Жазаны тағайындаудың теориялық негіздерін және практикалық қолдану қағидаларын жүйелі түрде зерттеу сот шешімдерінің әділдігін арттыруға және құқық қорғау жүйесінің сапасын жоғарылатуға мүмкіндік береді.

Мақала «AP23485634 Мемлекеттік-жекешелік әріптестік механизмі арқылы қазақстандық пенитенциарлық жүйенің қазіргі заманғы трансформациясы» 2024-2026 жылдарға арналған ғылыми, ғылыми-техникалық бағдарламалар бойынша гранттық қаржыландыруға арналған конкурсы шеңберінде ұсынылып отыр.

Қолданылған әдебиеттер

1. Рустемова Г.Р., Османова Г.Ж., Бижанова А.Р. Қылмыстық заңнамасы аясында жаза тағайындау // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы, 2024. – Т. 148. №. 3. – 119-138 бб.
2. Нұрхан А. С. Жаза тағайындаудың жалпы негіздері және қылмыстық теріс қылықтар үшін жаза тағайындаудың өзіндік ерекшеліктері // Хабаршы, 2018. – 223-227 бб.

References

1. Rwstemova G.R., Osmanova G.J., Btjanova A.R. Qılmıstıq zañnaması ayasında jaza tağayındaw // L.N. Gwmılev atındağı Ewraziya ulttıq wñıversitetınıñ Xabarşısı, 2024. – T. 148. №. 3. – 119-138 bb.
2. Nurxan A. S. Jaza tağayındawdıñ jalpı negizderi jäne qılmıstıq teris qılıqtar üşin jaza tağayındawdıñ özındik ereķşelikteri // Xabarşı, 2018. – 223-227

Н.Д. Тлешалиев¹, Ш.К. Амирбекова²

¹доктор PhD, руководитель управления профилактики коррупции
Департамента Агентства Республики Казахстан по делам государственной
службы по городу Алматы (г. Алматы, Казахстан)

²помощник юриста ТОО «TERENT HEALTH CARE» (г. Алматы, Казахстан)
ORCID: 0009-0002-2170-2573, e-mail: Shugyla.amirbekova@bk.ru

ИНСТИТУТ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты института назначения наказания в уголовном законодательстве Республики Казахстан. Основная цель исследования заключается в анализе структуры правил назначения наказания, их общих и специальных начал, а также выявлении проблемных вопросов, возникающих в судебной практике и процессе применения права. В статье системно изучается необходимость учета основной цели наказания, его характера, личностных особенностей осужденного, тяжести совершенного преступления и степени общественной опасности. На основе правовой статистики и конкретных судебных дел проанализировано рассмотрение в судебной практике случаев повреждения общественного имущества, хулиганства, вандализма и иных правонарушений. В ходе исследования применялись исторический, формально-логический и сравнительный методы, что позволило выявить теоретические основы назначения наказания, а также показать сходства и различия между отечественной и зарубежной практикой. В заключении института назначения наказания признается важным правовым механизмом, обеспечивающим справедливое и пропорциональное принятие решений судами, снижение общественной опасности и способствующим исправлению осужденного. Исследование направлено на выявление взаимосвязи между правовой теорией и практикой и содержит рекомендации по совершенствованию принципов назначения наказания в сфере уголовной защиты права.

Ключевые слова: Вандализм, наказание, преступление, мелкое хулиганство, хулиганство, общественный порядок, предупреждение, общественное место, уважение к обществу.

N.D. Tleshaliev¹, Sh.K. Amirbekova²

¹PhD, Head of the Department for Corruption Prevention of the Department
of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs in Almaty
(Almaty, Kazakhstan)

²Assistant Lawyer, TERENT HEALTH CARE LLP, (Almaty, Kazakhstan)
ORCID: 0009-0002-2170-2573, e-mail: Shugyla.amirbekova@bk.ru

THE INSTITUTION OF SENTENCING IN THE CRIMI- NAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKH- STAN: THEORY AND PRACTICE

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the theoretical and practical aspects of the institution of sentencing in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. The main objective of the study is to examine the structure of sentencing rules, including their general and special principles, as well as to identify problematic issues arising in judicial practice and the application of law. The study systematically considers the need to account for the primary purpose of punishment, its nature, the individual characteristics of the convicted person, the severity of the crime, and its level of social danger. Based on legal statistics and specific court cases, the article analyzes how offenses such as damage to public property, hooliganism, vandalism, and other violations are addressed in judicial practice. Historical, formal-logical, and comparative methods were employed, allowing the identification of the theo-

retical foundations of sentencing and highlighting similarities and differences between domestic and foreign practices. In conclusion, the institution of sentencing is recognized as a crucial legal mechanism ensuring fair and proportionate court decisions, reducing social danger, and contributing to the rehabilitation of offenders. The study emphasizes the interaction between legal theory and practice and provides recommendations for improving sentencing principles in criminal law enforcement.

Keywords: Vandalism, punishment, crime, minor hooliganism, hooliganism, public order, prevention, public place, respect for society.

ГРНТИ 10.87.91

УДК 34.096

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-103-111

Д.Б. Базарова¹

¹д.ю.н., профессор заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
Ташкентского государственного юридического университета
(г. Ташкент, Узбекистан)

ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация

Статья посвящена исследованию цифровизации государственных услуг как одного из наиболее эффективных инструментов противодействия коррупции в Узбекистане. Рассматриваются стратегические документы и правовые основы, включая Стратегию «Цифровой Узбекистан-2030», а также реформы, направленные на повышение прозрачности, подотчетности и эффективности государственного управления. В работе использован комплекс методов: формально-юридический – для анализа узбекского законодательства о цифровизации и противодействии коррупции; системный – для оценки институциональных взаимосвязей; сравнительно-правовой – для изучения опыта Эстонии и Сингапура; а также анализ и синтез эмпирических данных стратегических программ и отчетных показателей эффективности.

Особое внимание уделено сферам, наиболее подверженным коррупционным рискам, таким как использование бюджетных средств, государственные закупки, строительство, лицензирование, банковское кредитование и кадровая политика. Анализируются действующие механизмы цифровизации: Единый портал интерактивных государственных услуг, электронные закупки, виртуальные приемные и системы общественного контроля. Рассмотрены также существующие проблемы, включая цифровое неравенство, низкий уровень цифровой грамотности и недостаточную интеграцию информационных систем. На основе международного опыта Эстонии и Сингапура обосновывается вывод о том, что цифровизация государственных услуг является не только технологическим, но институциональным инструментом формирования эффективной антикоррупционной политики.

Ключевые слова: цифровизация, государственные услуги, противодействие коррупции, прозрачность, законодательство Республики Узбекистан.

Введение

В современных условиях глобальной цифровой трансформации одним из наиболее эффективных инструментов повышения качества государственного управления и противодействия коррупции становится цифровизация государственных услуг. Республика Узбекистан, реализуя масштабные институциональные реформы в рамках создания «Нового Узбекистана», уделяет приоритетное внимание внедрению цифровых технологий в сферу государственного управления как ключевому фактору обеспечения прозрачности, подотчетности и минимизации коррупционных рисков.

Актуальность исследования цифровизации государственных услуг в контексте противо-

действия коррупции обусловлена рядом факторов. Во-первых, коррупция остается одной из наиболее серьезных угроз устойчивому развитию Узбекистана, что признается на высшем государственном уровне. Так, Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по созданию среды нетерпимого отношения к коррупции» от 06.07.2021 г. № УП-6257¹ прямо отмечает, что «коррупция на современном этапе развития страны является одной из самых серьезных угроз для государственного и общественного развития Узбекистана». Во-вторых, традици-

¹ Указ Президента Республики Узбекистан, от 06.07.2021 г. № УП-6257 “О мерах по созданию среды нетерпимого отношения к коррупции, кардинальному сокращению коррупционных факторов в государственном и общественном управлении, а также широкому вовлечению общественности в этот процесс”. URL: <https://lex.uz/docs/5495531> (дата обращения: 01.06.2025)

онные методы противодействия коррупции, основанные на правоохранительном подходе, демонстрируют ограниченную эффективность и требуют дополнения превентивными мерами, направленными на устранение системных причин и условий, способствующих коррупционным проявлениям. В-третьих, международный опыт убедительно свидетельствует о высокой эффективности цифровизации как инструмента противодействия коррупции, что подтверждается успешными практиками таких стран, как Эстония и Сингапур.

Стратегия «Цифровой Узбекистан-2030», утвержденная Указом Президента Республики Узбекистан от 05.10.2020 г. № УП-6079, определила долгосрочные приоритеты и механизмы цифровой трансформации государственного управления, создав концептуальную основу для интеграции цифровых технологий в процессы предоставления государственных услуг¹. Данная Стратегия предусматривает «расширение высококачественных и востребованных электронных государственных услуг по всей стране, поэтапный перевод всех государственных услуг в цифровую форму, включая доведение доли автоматизированных услуг до 60% к 2022 году». При этом цифровизация рассматривается не только как технологический, но и как институциональный проект, направленный на формирование новой модели взаимоотношений между государством, гражданами и бизнесом.

Связь между цифровизацией и снижением коррупционных рисков носит системный характер и проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, цифровизация обеспечивает прозрачность административных процедур, делая процесс принятия решений более открытым и подотчетным. Во-вторых, она минимизирует личные контакты между заявителями и должностными лицами, устраняя один из ключевых факторов коррупционных взаимодействий. В-третьих, автоматизация рутинных операций и алгоритмизация процедур принятия решений снижает роль «человеческого фактора» и субъективизма. В-четвертых, цифровизация создает условия для эффективного общественного контроля за деятельностью государственных органов. В-пятых, она обеспечивает формирование цифрового следа всех операций, что позволяет выявлять аномалии и подозрительные паттерны поведения.

В настоящее время в Узбекистане реализуется комплекс мер по цифровизации государ-

ственных услуг, включая развитие Единого портала интерактивных государственных услуг (ЕПИГУ), внедрение системы межведомственного электронного взаимодействия, создание виртуальных приемных Президента и руководителей государственных органов, развитие системы электронных государственных закупок. В рамках комплексной программы «Цифровой Ташкент» запущен геопортал, интегрированный с более 40 информационными системами, создана информационная система управления общественным транспортом и коммунальной инфраструктурой, осуществляется цифровизация социальной сферы. Данный опыт предполагается распространить на другие регионы страны.

Вместе с тем, процесс цифровизации государственных услуг в Узбекистане сталкивается с рядом объективных ограничений, включая недостаточный уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры, особенно в сельской местности; цифровое неравенство между городским и сельским населением, столицей и периферией; недостаточный уровень цифровой грамотности как населения, так и государственных служащих; недостаточную интеграцию информационных систем различных государственных органов; сохранение правовых и административных барьеров для цифровизации отдельных процессов; риски нарушения информационной безопасности и защиты персональных данных. Преодоление данных ограничений требует комплексного подхода, интегрирующего технологические, организационные, правовые и образовательные аспекты.

Анализ нормативно-правовых актов Республики Узбекистан позволяет идентифицировать наиболее коррупциогенные сферы государственного управления, требующие приоритетного внедрения цифровых технологий. Так, Указ Президента № УП-6257 указывает, что «несмотря на принимаемые системные меры, сохраняются коррупционные проявления в таких направлениях, как использование бюджетных средств, государственные закупки, капитальное строительство, получение лицензий и разрешений, выделение банковских кредитов, прием на работу»². Цифровизация данных сфер может существенно снизить коррупционные риски за счет обеспечения прозрачности процедур, автоматизации рутинных операций и формирования механизмов общественного контроля.

¹ Указ Президента Республики Узбекистан, от 05.10.2020 г. № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации». URL: <https://lex.uz/ru/docs/5031048?ONDATE=06.10.2020&ONDATE2=02.04.2021&action=compare> (дата обращения: 01.06.2025)

² Указ Президента Республики Узбекистан, от 06.07.2021 г. № УП-6257 «О мерах по созданию среды нетерпимого отношения к коррупции, кардинальному сокращению коррупционных факторов в государственном и общественном управлении, а также широкому вовлечению общественности в этот процесс». URL: <https://lex.uz/docs/5495531> (дата обращения: 01.06.2025)

Таким образом, цифровизация государственных услуг представляет собой не только технологический, но и институциональный проект, направленный на формирование новой модели государственного управления, основанной на принципах прозрачности, подотчетности и эффективности. Целью данной работы является комплексный анализ правовых основ, текущего состояния и проблем цифровизации государственных услуг в Узбекистане, а также оценка ее потенциала как инструмента противодействия коррупции на основе изучения зарубежного опыта.

Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили нормативные правовые акты Республики Узбекистан, формирующие правовую основу цифровой трансформации и противодействия коррупции. Ключевыми документами выступили: Указ Президента РУз «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы» от 28.01.2022 г. № УП-60¹, Указ Президента РУз «О Стратегии «Узбекистан – 2030» от 11.09.2023 г. № УП-158², Указ Президента РУз «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» от 05.10.2020 г. № УП-6079³, Указ Президента РУз «О мерах по созданию среды нетерпимого отношения к коррупции» от 06.07.2021 г. № УП-6257⁴, а также Законы «О противодействии коррупции» (2016 г.)⁵ и «О конфликте интересов» (2024 г.)⁶.

Эмпирическую базу исследования составили данные о реализации государственных программ, содержащиеся в указанных нормативных актах и отчетах о ходе их исполнения, включая сведения о количестве внедренных

информационных систем, реализованных проектах и запланированных показателях эффективности (например, доля автоматизированных услуг, целевые позиции в Индексе восприятия коррупции). Также проанализированы материалы, описывающие текущее состояние и проблемы внедрения цифровых услуг в Узбекистане.

Методологическую основу работы составляет комплекс методов научного познания. Формально-юридический метод применен для анализа содержания нормативно-правовых актов, регулирующих процессы цифровизации и противодействия коррупции. Системный метод позволил рассмотреть цифровизацию как целостный институциональный проект, выявив взаимосвязи между его правовыми, технологическими и социальными аспектами. Сравнительно-правовой метод использован для изучения международного опыта цифровизации государственных услуг в Эстонии и Сингапуре с целью выявления моделей и практик, применимых в условиях Узбекистана. Метод анализа и синтеза применялся при обработке данных о наиболее коррупциогенных сферах и существующих проблемах цифровой трансформации.

Результаты и обсуждение

Правовые основы цифровизации государственных услуг в Узбекистане

Формирование нормативно-правовой базы цифровизации государственного управления и государственных услуг в Республике Узбекистан происходит в контексте масштабных институциональных реформ, инициированных в рамках создания «Нового Узбекистана». Данный процесс характеризуется системным подходом к правовому регулированию цифровой трансформации, что выражается в принятии взаимосвязанных и взаимодополняющих нормативно-правовых актов различного уровня.

Фундаментальное значение в этом отношении имеет Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № УП-60 «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы»⁷. Данный документ устанавливает стратегические приоритеты развития страны, где цифровизация приобретает роль инструмента обеспечения прозрачности государственного управления и минимизации коррупционных рисков. В частности, цель № 10 Стратегии предусматривает «создание системы государственной гражданской службы на основе современных стандартов», включая «реа-

¹ Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022 – 2026 годы». URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения: 03.06.2025)

² Указ Президента РУз «О Стратегии «Узбекистан – 2030» от 11.09.2023 г. № УП-158 “Указ Президента Республики Узбекистан “О Стратегии «Узбекистан – 2030»”. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6600404> (дата обращения: 03.06.2025)

³ Указ Президента Республики Узбекистан, от 05.10.2020 г. № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации”. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5031048?ONDATE=06.10.2020&ONDATE2=02.04.2021&action=compare> (дата обращения: 01.06.2025)

⁴ Указ Президента Республики Узбекистан, от 06.07.2021 г. № УП-6257 “О мерах по созданию среды нетерпимого отношения к коррупции, кардинальному сокращению коррупционных факторов в государственном и общественном управлении, а также широкому вовлечению общественности в этот процесс”. URL: <https://lex.uz/docs/5495531> (дата обращения: 01.06.2025)

⁵ Закон Республики Узбекистан, от 03.01.2017 г. № ЗРУ-419 “О противодействии коррупции”. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3088013?ONDATE=06.12.2024> (дата обращения: 03.06.2025)

⁶ Закон Республики Узбекистан, от 05.06.2024 г. № ЗРУ-931 “О конфликте интересов”. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6952745> (дата обращения: 03.06.2025)

⁷ Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022-2026 гг. URL: <https://brmnn.uz/ru/newid/86> (дата обращения: 08.06.2025)

лизацию проекта «Цифровая государственная служба», предусматривающего цифровизацию процессов, связанных с поступлением на государственную службу, формированием резерва, оценкой и прохождением службы». Важно отметить, что данная цель непосредственно коррелирует с антикоррупционными задачами, что подтверждается включением в Стратегию цели № 83 «Внедрение стандартов честности на государственной службе» и цели № 84 «Выявление сфер и отраслей, подверженных коррупции, повышение эффективности системы предотвращения коррупционных факторов, формирование непримиримого отношения в обществе к коррупции».

Последовательная интеграция цифровизации в антикоррупционную политику государства получила дальнейшее развитие в Указе Президента Республики Узбекистан «О Стратегии «Узбекистан – 2030»» от 11.09.2023 г. № УП-158, где п. 89 раздела 4.2 «Реформы по обеспечению верховенства закона и в судебной правовой системе» конкретизирует измеримые показатели эффективности, такие как «достижение обретения не ниже 50-й позиции в Индексе восприятия коррупции» и «достижение уменьшения в 2 раза случаев нарушения требований актов законодательства о государственных закупках», что предполагается реализовать в том числе путем цифровизации контрольных механизмов и обеспечения прозрачности государственных закупок¹.

Правовое регулирование предотвращения конфликта интересов как одного из факторов коррупции осуществляется Законом Республики Узбекистан «О конфликте интересов» от 05.06.2024 г. № ЗРУ-931. Данный закон устанавливает основные принципы регулирования отношений, связанных с конфликтом интересов, среди которых особое место занимает принцип открытости и прозрачности (ст. 4). Анализ ст. 9, определяющей полномочия Агентства по противодействию коррупции Республики Узбекистан, позволяет сделать вывод о том, что цифровизация является одним из инструментов выявления и урегулирования конфликта интересов, поскольку Агентство уполномочено «запрашивать и изучать информацию и материалы, связанные с конфликтом интересов», а также «утверждать типовые формы Реестра учета конфликта интересов, уведомления о реальном конфликте интересов и декларации о потенциальном конфликте интересов», что предполагает создание соответствующих информационных систем.

¹ Указ Президента Республики Узбекистан, от 05.10.2020 г. № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации». URL: <https://lex.uz/ru/docs/5031048?ONDATE=06.10.2020&ONDATE2=02.04.2021&action=compare> (дата обращения: 01.06.2025)

Системообразующим нормативно-правовым актом в сфере противодействия коррупции является Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» (принят 24.11.2016 г., одобрен Сенатом 13.12.2016 г.). Статья 5 данного Закона в качестве одного из основных направлений государственной политики в области противодействия коррупции определяет «своевременное выявление, пресечение коррупционных правонарушений, устранение их последствий, причин и условий, им способствующих, обеспечение принципа неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений». Статья 19 регламентирует меры по предупреждению коррупции в сфере государственного управления, где прямо указывается на необходимость «обеспечения открытости деятельности государственных органов и их подотчетности», а также «внедрения критериев эффективности, стандартов и систем оценки качества исполнения должностными лицами и другими работниками государственных органов своих должностных или служебных обязанностей», что в современных условиях объективно требует применения цифровых технологий.

Существенной новеллой в механизме противодействия коррупции стал Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по созданию среды нетерпимого отношения к коррупции, кардинальному сокращению коррупционных факторов в государственном и общественном управлении, а также широкому вовлечению общественности в этот процесс» от 06.07.2021 г. № УП-6257. Данный Указ вводит ряд инновационных механизмов, опирающихся на цифровые технологии, в частности, «Открытый электронный реестр лиц, признанных виновными в совершении коррупционных преступлений», а также «систему обязательного декларирования доходов и имущества государственных служащих, руководителей и заместителей руководителей организаций с государственной долей более 50 процентов, государственных предприятий и учреждений, их супругов и несовершеннолетних детей» (с 1 января 2022 года). Особо следует отметить пункт 7 Указа, категорически запрещающий «инициирование разработки актов законодательства, предусматривающих заключение прямых договоров, инвестиционных соглашений, соглашений о государственно-частном партнерстве, приватизации и иных сделок, ограничивающих конкурентные виды торгов при государственных закупках», что создает правовую основу для внедрения электронных торгов и аукционов как антикоррупционного механизма.

Концептуальным документом, определяющим стратегические направления и механиз-

мы цифровой трансформации государства, является Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации» от 05.10.2020 г. № УП-6079. Данный нормативно-правовой акт не только утверждает саму Стратегию, но и вводит комплекс организационно-правовых мер, обеспечивающих ее реализацию, включая программы цифровой трансформации регионов и отраслей.

В разделе 2.2 Стратегии «Приоритетные направления развития электронного правительства» определены ключевые направления цифровизации государственного управления, среди которых: расширение электронных госуслуг, обеспечение единого технологического подхода, совершенствование механизмов использования открытых данных, формирование единой системы управления госданными, оптимизация процедур, перевод лицензий и разрешений в электронную форму, развитие цифровой идентификации, внедрение систем онлайн-мониторинга обращений граждан, оценка эффективности внедрения цифровых технологий, онлайн-обсуждение проектов НПА, создание систем онлайн-оплаты, оцифровка архивов и создание Центра обработки данных электронного правительства.

Для обеспечения эффективной реализации Стратегии Указом Президента № УП-6079 создана Координационная комиссия по реализации стратегии «Цифровой Узбекистан-2030», основными задачами которой являются контроль за реализацией проектов, заслушивание отчетов руководителей, принятие мер по совершенствованию госуслуг и утверждение перечня информационных систем для размещения в центре обработки данных. Значимым институциональным нововведением стало возложение с 1 ноября 2020 года на одного из действующих заместителей руководителей всех министерств и ведомств, органов исполнительной власти на местах полномочий заместителя руководителя по цифровизации (Chief Digital Officer). Существенным компонентом правового регулирования является «Дорожная карта» по реализации Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» в 2020-2022 годах и проект «Цифровое ведомство», реализуемый на базе Министерства по развитию информационных технологий и коммуникаций и Министерства юстиции.

Текущее состояние и проблемы внедрения цифровых государственных услуг в Узбекистане

В настоящее время Республика Узбекистан демонстрирует значительную динамику в области внедрения цифровых государственных услуг. Стратегия «Цифровой Узбекистан-2030»

предусматривает доведение доли автоматизированных услуг до 60% к 2022 году, что отражает масштабность поставленных целей. Анализ промежуточных результатов реализации данной Стратегии позволяет оценить текущее состояние цифровизации государственных услуг и выявить существующие проблемы.

Согласно данным, содержащимся в нормативно-правовых актах, в республике начата реализация свыше 220 приоритетных проектов, направленных на совершенствование системы электронного правительства и развитие отечественного рынка программных продуктов. В рамках цифровой трансформации регионов и отраслей в 2020-2022 годах внедрено свыше 400 информационных систем, электронных услуг и иных программных продуктов в различных сферах социально-экономического развития регионов, а также свыше 280 информационных систем и программных продуктов по автоматизации процессов управления, производства и логистики на предприятиях реального сектора экономики.

Анализ нормативно-правовых актов Республики Узбекистан позволяет идентифицировать сферы государственного управления, наиболее подверженные коррупционным рискам, которые требуют приоритетного внедрения цифровых технологий для обеспечения прозрачности и подотчетности. Указ Президента № УП-6257 прямо указывает, что «несмотря на принимаемые системные меры, сохраняются коррупционные проявления в таких направлениях, как использование бюджетных средств, государственные закупки, капитальное строительство, получение лицензий и разрешений, выделение банковских кредитов, прием на работу». Данный перечень формирует приоритетные направления цифровизации государственных услуг.

В сфере использования бюджетных средств требуются цифровые инструменты контроля. Пункт 10 вышеуказанного Указа предписывает «в целях предупреждения коррупционных рисков при использовании средств местного бюджета... установить постоянный контроль за использованием средств, выделенных за счет дополнительных источников местных бюджетов». Сфера госзакупок требует снижения нарушений вдвое к 2030 г. (Указ № УП-158). Капитальное строительство также в фокусе: Стратегия «Цифровой Узбекистан-2030» предусматривает «создание системы повышения прозрачности и качества в строительной сфере путем внедрения современных информационно-коммуникационных технологий». Процессы получения лицензий и разрешений, выделения банковских кредитов, а также приема на работу (проект «Цифровая

государственная служба») являются зонами высокого риска, где цифровизация призвана минимизировать личные контакты и субъективный фактор.

Несмотря на значительный прогресс, существует ряд объективных ограничений. Анализ нормативно-правовых актов и текущей практики позволяет выделить следующие основные проблемы:

Недостаточный уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры, особенно в сельской местности. Несмотря на запланированное повышение уровня подключения населенных пунктов к сети Интернет с 78 до 95 процентов, равный доступ не обеспечен.

Недостаточный уровень цифровой грамотности населения, особенно среди пожилых граждан и в сельской местности. Указ № УП-6079 предусматривает обучение, но эти меры не в полной мере учитывают потребности всех социальных групп.

Недостаточный уровень цифровых компетенций государственных служащих. Предусмотренное Указом № УП-6079 обучение сталкивается с низкой мотивацией и сохранением традиционных методов работы.

Недостаточная интеграция информационных систем различных госорганов («информационные силосы», дублирование данных). Стратегия предусматривает создание Центра обработки данных для решения этой проблемы.

Недостаточный уровень доверия граждан к электронным услугам и опасения относительно безопасности персональных данных.

Сохранение правовых и административных барьеров (требования личного присутствия, бумажного документооборота), что требует системного пересмотра нормативной базы.

Международный опыт использования цифровизации для снижения коррупции

Мировая практика убедительно демонстрирует, что цифровизация государственных услуг является одним из наиболее эффективных инструментов противодействия коррупции. Особый интерес для Узбекистана представляет опыт стран, добившихся значительных успехов в данной сфере, среди которых выделяются Эстония и Сингапур.

Эстония является признанным мировым лидером. Ключевым компонентом является система X-Road – децентрализованная платформа для безопасного обмена данными, реализующая принцип «единого окна» и обеспечивающая прозрачность использования данных (гражданин видит, кто и когда запрашивал его данные). Система электронной идентификации на основе ID-карты дает доступ к более чем 99% госуслуг. Принцип «цифровой по умолча-

нию» и высокий уровень защиты данных (распределенное хранение) позволили Эстонии занять 13-е место в Индексе восприятия коррупции (2022 г.).

Сингапур представляет модель, интегрирующую цифровизацию в жесткую антикоррупционную систему. Принцип «правительство как сервис» (GaaS) реализован через портал SingPass (доступ к 2000+ сервисов), систему электронных закупок GeBIZ и Интегрированную систему управления земельными ресурсами. Инновационная система CORAL использует анализ больших данных для выявления коррупционных рисков и аномалий в поведении госслужащих. Результат: 5-е место в Индексе восприятия коррупции (2022 г.) и высокая эффективность правительства по оценкам Всемирного банка.

Анализ зарубежного опыта позволяет оценить его применимость в Узбекистане. Эстонская модель X-Road концептуально соответствует задачам Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» по формированию единой системы управления данными и автоматизации межведомственного взаимодействия [1]. Однако, учитывая более низкий уровень цифровой грамотности и проникновения интернета в Узбекистане, требуется гибкий переходный период с сочетанием цифровых и традиционных форм. Опыт Эстонии в создании ID-карт может быть использован в эксперименте по формированию «персонального кабинета физического лица», предусмотренном Указом № УП-6079.

Сингапурская модель «правительство как сервис» актуальна для повышения клиентоориентированности, что требует не только технологий, но и изменения организационной культуры госслужащих. Система GeBIZ может служить моделью для совершенствования госзакупок, а система CORAL – для внедрения аналитики больших данных в противодействие коррупции, что является среднесрочной задачей, требующей высокой цифровой зрелости.

Конкретные механизмы противодействия коррупции через цифровизацию

Анализ правовой базы и международного опыта позволяет выделить конкретные механизмы, внедряемые в Узбекистане.

Система «Единое окно» представляет собой один из наиболее эффективных механизмов. Она основана на принципе однократного предоставления информации и минимизирует личные контакты. Правовую основу формирует Стратегия «Цифровой Узбекистан-2030» [2]. В текущей практике система реализуется через Единый портал интерактивных государственных услуг (ЕПИГУ), который обеспечивает доступ к широкому спектру услуг и автоматизированный обмен данными.

Внедрение электронных аукционов и тендеров в сфере госзакупок призвано обеспечить прозрачность и снизить коррупционные риски. Указ № УП-158 ставит цель двукратного уменьшения нарушений и внедрения общественного контроля. В Узбекистане функционирует Единый портал электронных государственных закупок, интегрированный с системами госорганов и банков.

Цифровые платформы обратной связи граждан являются инструментом общественного контроля. Правовую основу составляют Закон «О противодействии коррупции» (ст. 14, 26, 28), гарантирующий защиту заявителей, и Стратегия «Цифровой Узбекистан-2030», предусматривающая внедрение систем онлайн-мониторинга обращений. В Узбекистане они реализуются через:

- виртуальные приемные Президента и руководителей госорганов.
- порталы открытых данных и общественного контроля.
- системы оценки качества госуслуг.
- специализированные платформы для анонимного сообщения о коррупции.

Таким образом, конкретные механизмы противодействия коррупции через цифровизацию представляют собой комплексный инструмент, обеспечивающий прозрачность, минимизацию контактов, автоматизацию и общественный контроль. Их эффективность зависит от совокупности технологических, организационных, правовых и культурных факторов.

Резюмируя, можно констатировать, что в Узбекистане сформирована комплексная правовая и институциональная основа для использования цифровизации госуслуг в качестве инструмента противодействия коррупции. Анализ текущего состояния показывает значительную динамику внедрения, однако выявляет и системные барьеры, преимущественно связанные с человеческим капиталом и институциональной инерцией. Международный опыт Эстонии и Сингапура подтверждает правильность выбранных стратегических направлений (интеграция данных, электронная идентификация, прозрачные закупки) и одновременно указывает на необходимость долгосрочной, последовательной работы по адаптации этих решений с учетом местной специфики. Внедряемые в стране конкретные механизмы – «Единое окно», электронные торги, платформы обратной связи – являются адекватным ответом на выявленные коррупционные риски, однако их реальная эффективность будет определяться не столько техническим совершенством, сколько способностью государства синхронизировать технологическое обновление с реформой государственной службы, повышением доверия

граждан и последовательным устранением административных барьеров.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация государственных услуг в Республике Узбекистан является не просто технологическим обновлением, а стратегическим институциональным проектом, интегрированным в общую архитектуру антикоррупционной политики государства. Анализ нормативно-правовой базы демонстрирует системный подход законодателя: от стратегических документов (Стратегии «Узбекистан-2030», «Цифровой Узбекистан-2030») до конкретных механизмов реализации (Указ № УП-6257, законы «О противодействии коррупции» и «О конфликте интересов»). Это создает прочную основу для трансформации государственного управления.

Ключевым результатом исследования является подтверждение прямой корреляции между уровнем цифровизации и снижением коррупционных рисков. Цифровые инструменты – система «Единое окно», электронные госзакупки, платформы обратной связи, открытые реестры – работают на устранение системных причин коррупции: они минимизируют личный контакт чиновника и заявителя, автоматизируют рутинные процедуры, делают процессы прозрачными и оставляют «цифровой след», что повышает неотвратимость выявления нарушений.

Вместе с тем, исследование выявило ряд системных проблем, тормозящих процесс цифровой трансформации. Инфраструктурное неравенство, низкий уровень цифровой грамотности населения и недостаточные компетенции госслужащих, фрагментация ведомственных информационных систем и сохранение устаревших административных барьеров – все это требует комплексного решения. Простое внедрение технологий без преодоления этих ограничений не даст желаемого антикоррупционного эффекта.

Международный опыт Эстонии и Сингапура показывает, что успех достигается там, где цифровизация является частью более широкой культуры открытости, подотчетности и нетерпимости к коррупции. Для Узбекистана критически важным является не только заимствование технологических решений (X-Road, ID-карты, GeBIZ), но и адаптация сопровождающих их институциональных практик: обеспечение защиты персональных данных, формирование доверия граждан, обучение и мотивация государственных служащих, вовлечение общественности в контроль.

В качестве практических рекомендаций можно выделить необходимость:

– ускорения интеграции ведомственных информационных систем на базе единого Центра обработки данных для реализации принципа «однократного ввода данных».

– расширения программ цифровой грамотности с акцентом на уязвимые группы населения (пожилые, сельские жители) и внедрения обязательных курсов повышения квалификации по цифровым компетенциям для госслужащих.

– проведения ревизии нормативно-правовых актов на предмет выявления и устранения требований, препятствующих полному переходу на электронное взаимодействие (бумажный документооборот, личное присутствие).

– развития функционала платформ обратной связи, включая гарантии анонимности и защиты для заявителей о коррупции, а также

внедрения систем анализа обращений для выявления «болевых точек».

– внедрения пилотных проектов по аналитике больших данных (по аналогии с сингапурской CORAL) для выявления аномалий в сферах высокого коррупционного риска (госзакупки, бюджетные расходы, кадровые назначения).

Таким образом, цифровизация государственных услуг в Узбекистане обладает огромным потенциалом для снижения уровня коррупции. Дальнейший успех будет зависеть от последовательности в реализации намеченных планов, готовности к преодолению институциональных и культурных барьеров, а также от способности государства обеспечить не только технологическую, но и реальную правовую и социальную эффективность внедряемых инноваций.

Список литературы:

1 Lillemets P. E-estonia – a digital government in digital transformation: дис. – Tallinn, Estonia: Tallinn University of Technology, 2023. – 53 p.

2 Рустамбеков И.Р., Гулямов С.С., Аминев Ф.Г. Конституционная модель узбекского государства: от суверенитета к цифровой трансформации в эпоху «Нового Узбекистана» // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – №. 4 (82). – С. 45-58.

References:

1 Lillemets P. E-estonia – a digital government in digital transformation: diss. – Tallinn, Estonia: Tallinn University of Technology, 2023. – 53 p.

2 Rustambekov I.R., Gulyamov S.S., Aminev F.G. Konstitutsionnaya model' uzbekskogo gosudarstva: ot suvereniteta k tsifrovoy transformatsii v epokhu «Novogo Uzbekistana» // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – №. 4 (82). – S. 45-58.

Д.Б. Базарова¹

¹з.ғ.д., профессор, Ташкент мемлекеттік заң университетінің Қылмыстық-процестік құқық кафедрасының меңгерушісі (Ташкент қ., Өзбекстан)

ӨЗБЕКСТАННЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІНДЕ СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚ ТӘУЕКЕЛДЕРІН АЗАЙТУ ҮШІН ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ПАЙДАЛАНУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аңдатпа

Мақала Өзбекстанда сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың тиімді құралдарының бірі ретінде мемлекеттік қызметтерді цифрландыру мәселесіне арналған. «Цифрлық Өзбекстан – 2030» стратегиясын қоса алғанда, стратегиялық құжаттар мен құқықтық негіздер, сондай-ақ мемлекеттік басқарудың ашықтығын, есептілігін және тиімділігін арттыруға бағытталған реформалар талданды. Зерттеудің әдіснамалық негізін жалпығылыми таным әдістері мен арнайы құқықтық әдістердің кешені құрайды: формальды-құқықтық әдіс – Өзбекстан Республикасының цифрландыру және сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл саласындағы заңнамасын талдау үшін; жүйелік әдіс – институционалдық өзара байланыстарды бағалау үшін; салыстырмалы-құқықтық әдіс – Эстония мен Сингапур тәжірибесін зерделеу үшін; сондай-ақ стратегиялық

бағдарламалар мен тиімділік көрсеткіштерінің эмпирикалық деректерін талдау және синтездеу әдістері қолданылды. Сыбайлас жемқорлық тәуекелдері жоғары салаларға – бюджет қаражатын пайдалану, мемлекеттік сатып алу, құрылыс, лицензиялау, банктік кредиттеу және кадр саясаты мәселелеріне – ерекше назар аударылады. Цифрландырудың қолданыстағы тетіктері, атап айтқанда, интерактивті мемлекеттік қызметтердің бірыңғай порталы, электрондық сатып алу жүйесі, виртуалды қабылдау бөлмелері және қоғамдық бақылау жүйелері қарастырылды.

Сонымен қатар цифрлық теңсіздік, цифрлық сауаттылық деңгейінің төмендігі және ақпараттық жүйелердің жеткіліксіз интеграциясы сияқты өзекті проблемалар талданды. Эстония мен Сингапур тәжірибесін салыстырмалы талдау негізінде мемлекеттік қызметтерді цифрландыру тек технологиялық жаңашылдық ғана емес, сонымен қатар тиімді сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатты қалыптастырудың институционалдық құралы болып табылатыны туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: цифрландыру, мемлекеттік қызметтер, сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл, ашықтық, Өзбекстан Республикасының заңнамасы.

D.B. Bazarova¹

¹Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law, Tashkent State University of Law (Tashkent, Uzbekistan)

LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES TO MINIMISE CORRUPTION RISKS IN PUBLIC ADMINISTRATION IN UZBEKISTAN

Abstract

The article examines the digitalisation of public services as one of the most effective instruments for combating corruption in Uzbekistan. It analyses strategic policy documents and legal frameworks, including the Strategy “Digital Uzbekistan – 2030”, as well as reforms aimed at enhancing transparency, accountability, and efficiency in public administration. The study employs a комплекс of methods: the formal-legal method to analyze the legislation of Uzbekistan on digitalization and anti-corruption; the systemic method to assess institutional interrelationships; the comparative legal method to examine the experience of Estonia and Singapore; as well as the analysis and synthesis of empirical data from strategic programs and reported performance indicators. Particular attention is paid to sectors most vulnerable to corruption risks, such as the use of budgetary funds, public procurement, construction, licensing procedures, bank lending, and human resource policy. The study evaluates existing digitalisation mechanisms, including the Unified Portal of Interactive Public Services, electronic procurement systems, virtual reception offices, and public oversight platforms.

The article also addresses current challenges, including the digital divide, low levels of digital literacy, and insufficient integration of information systems. Drawing upon the international experience of Estonia and Singapore, the author substantiates the conclusion that the digitalisation of public services constitutes not merely a technological innovation but an institutional instrument for shaping an effective anti-corruption policy.

Keywords: digitalisation, public services, anti-corruption policy, transparency, legislation of the Republic of Uzbekistan.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 85-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА КАСПИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТЕЛЕЕВА САГЫНДЫКА ТАИРОВИЧА НА ТЕМУ: «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДООХРАННОГО И ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ПРАВА»

10 октября 2025 года в смешанном формате (онлайн и офлайн) состоялся круглый стол, посвященный 85-летию профессора Каспийского университета Культелеева Сагындыка Таировича на тему: «Актуальные проблемы природоохранного и природоресурсного права».

Организаторами круглого стола выступили Высшая школа права «Эділет» Каспийского общественного университета и ИС «Параграф». Рабочие языки круглого стола – русский, казахский и английский.

Место проведения круглого стола: Каспийский общественный университет, г. Алматы, пр. Достык 85А, (Зал ученого совета, -1 этаж).

Данный круглый стол был посвящен 85-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки КазССР, профессора Каспийского университета, доцента, кандидата юридических наук Культелеева Сагындыка Таировича (1940 – 2021 гг.).

Юбилейное мероприятие направлено на обсуждение проблемных вопросов современного состояния и дальнейшего развития экологического, земельного, горного, водного, лесного и аграрного права.

С приветственным словом выступила декан Высшей школы права «Эділет» Каспийского общественного университета, доктор юридических наук, профессор Мороз С.П.

В работе круглого стола в качестве почетных гостей приняли участие ведущие ученые Казахстана и зарубежных государств. В частности, с научными докладами выступили: академик НАН РК, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института частного права Каспийского общественного университета, академический профессор Высшей школы права «Эділет» Каспийского общественного университета Сулейменов М.К. – на тему: «*Экологическое право в системе права*»; профессор кафедры таможенного, финансового и экологического права Казахского национального университета им. аль Фараби, доктор юридических наук, профессор Байдельдинов Д.Л. – на тему: «*Правовое регулирование практики применения цифровых технологий в механизме государственного экологического управления Республики Казахстан*»; доктор юридических наук, академический профессор ВШП «Эділет» Алиханова Г.А. – на тему: «*Влияние научных взглядов профессора Культелеева Т.М и профессора Культелеева С.Т. на становление и развитие юридической науки и юридического образования в Казахстане*», доктор юридических наук, академический профессор ВШП «Эділет» Акимбекова С.А. – на тему «*Памяти нашего учителя*».

Активное участие в работе конференции приняли: д.ю.н., академический профессор ВШП «Эділет» Ильясова К.М.; заместитель руководителя Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований, начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права, к.ю.н., доцент Бакиновская О.А. (Беларусь, Минск); директор НИИ публичного права Каспийского общественного университета, к.ю.н., академический профессор ВШП «Эділет» Караев А.А.; к.ю.н., почётный профессор Maqsut Narikbayev University (Астана) Калишева Ж.Г.; к.ю.н., ассоциированный профессор ВШП «Эділет» Нестерова Е.В., к.ю.н., ассоциированный профессор ВШП «Эділет» Татаринов Д.В., к.ю.н., ассоциированный профессор ВШП «Эділет» Татаринова Л.Ф., партнер Юридической фирмы «AEQUITAS», сын Сагындыка Таировича Культелеева – Культелеев Т.С.; сеньор-лектор ВШП «Эділет» Қасымхан М.Е. и др.

Во время работы круглого стола были обсуждены: современное состояние природоохранного и природоресурсного права в Казахстане; Экологический кодекс Республики Казахстан: его роль и значение в рыночных условиях; проблемные вопросы системы, соотношения и содержания вещных прав в сфере недропользования; некоторые аспекты стабильности законодательства о недропользовании; международно-правовое сотрудничество государств Центральной Азии по вопросам рационального использования водных ресурсов; совершенствование законодательства Республики Казахстан в сфере безопасного захоронения радиоактивных отходов; конституционные основы экологической политики в Республике Казахстан.

С научными сообщениями выступили студенты ВШП «Әділет»: Джумалиев Ж.К., Дарий Д.С., Рахымберді Қ.Н., Рзыкпаева Д.Ж., Беркалиева И.А., Молчанова М.А., Айдар М.А. и др. В своих выступлениях студенты поднимали важные вопросы в сфере природоохранного и природоресурсного права, в том числе, экологический терроризм: как угроза национальной безопасности, международно-правовые механизмы противодействия экоциду: значение для Центральной Азии, ответственность государств за экологические преступления в международном уголовном праве, легальная охота как инструмент охраны и рационального использования животного мира, проблемы соблюдения экологического законодательства РК: на примере деятельности АО «Арселор-МитталТемиртау»; экологическое право и уголовная политика: предупреждение экологических угроз со стороны лиц с психофизиологическими отклонениями; правовое регулирование отношений, связанных со специальным природопользованием и др.

Подводя итоги работы круглого стола, декан ВШП «Әділет», д.ю.н., профессор Светлана Павловна Мороз выразила уверенность в том, что сегодняшнее обсуждение было полезно всем ее участникам – ученым, преподавателям, практикующим юристам и студентам. По итогам работы круглого стола планируется публикация докладов и научных сообщений в Журнале «Научные труды Әділет» Каспийского университета».

В CASPIAN UNIVERSITY ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ AIRPA 2025 В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ТВОРЧЕСКОГО ФОРУМА

16–17 октября 2025 года в Каспийском общественном университете состоялась международная научно-практическая конференция AIRPA 2025 «Artificial Intelligence – Possibilities for Practical Application», прошедшая в рамках VI Евразийского творческого форума «Eurasia 2025: Safety, Sustainability and Innovation».

Форум объединил представителей науки, образования, бизнеса и государственных структур и был направлен на формирование междисциплинарной площадки для обсуждения актуальных вызовов и перспектив развития современных технологий, включая вопросы искусственного интеллекта и его практического применения.

Программа мероприятия включала пленарные и панельные сессии, посвященные вопросам био- и цифровой интеграции, устойчивого развития, инноваций и роли творчества в научно-технологическом прогрессе, а также специализированную конференцию AIRPA 2025, где обсуждались прикладные аспекты использования искусственного интеллекта.

В рамках конференции были представлены доклады, охватывающие широкий спектр тем — от информационной безопасности и биометрической аутентификации до применения искусственного интеллекта в промышленности, дизайне, нефтегазовой отрасли и социальной инженерии. Особое внимание было уделено вопросам этики искусственного интеллекта, цифровой трансформации и безопасности данных.

В мероприятии приняли участие преподаватели и исследователи Высшей школы права «Эділет», что позволило интегрировать правовой взгляд в обсуждение технологических процессов и вопросов регулирования искусственного интеллекта.

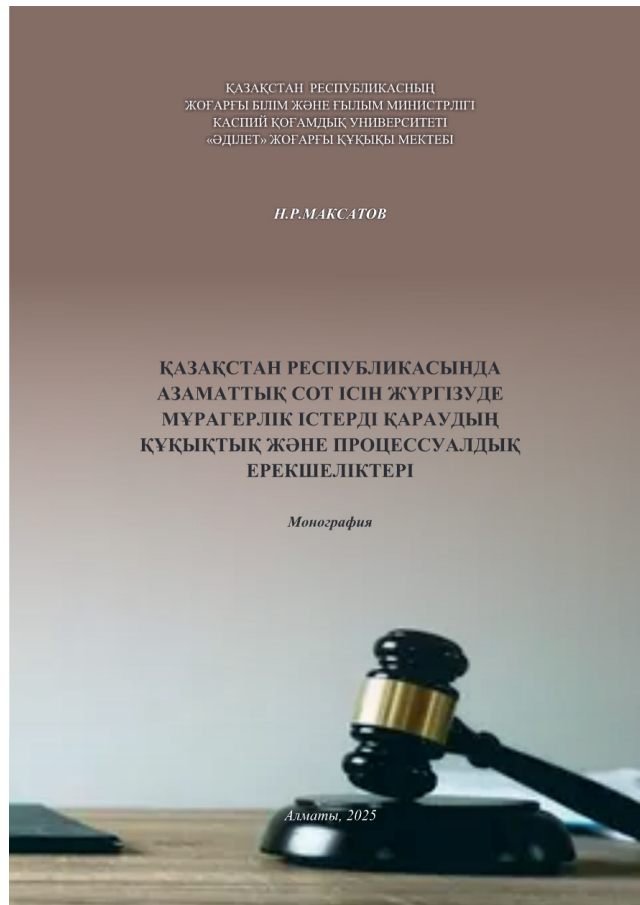
ВЫХОД В СВЕТ МОНОГРАФИИ НА ТЕМУ: «ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА АЗАМАТТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДЕ МҰРАГЕРЛІК ІСТЕРДІ ҚАРАУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕССУАЛДЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ»

В октябре 2025 года вышла в свет монография доктора PhD, ассоциированного профессора Высшей школы права «Әділет» Каспийского общественного университета Максатова Нуржана Ришатовича на тему: *«Қазақстан Республикасында азаматтық сот ісін жүргізуде мұрагерлік істерді қараудың құқықтық және процессуалдық ерекшеліктері»*.

Нуржан Ришатович Максатов является активно работающим ученым, автором научных публикаций в области гражданского процессуального права, чьи исследования направлены на анализ актуальных проблем судебной защиты прав и законных интересов участников гражданского судопроизводства. Его научные труды отличаются вниманием к вопросам практики правоприменения и стремлением к совершенствованию действующего законодательства.

Представленная монография посвящена исследованию правовых и процессуальных особенностей рассмотрения наследственных дел в гражданском судопроизводстве Республики Казахстан. В работе раскрываются вопросы правового регулирования наследственных правоотношений, анализируются процессуальные механизмы их судебного разрешения, а также выявляются проблемные аспекты правоприменительной практики. Особое внимание уделено вопросам обеспечения прав наследников, соблюдения принципов гражданского процесса и повышению эффективности судебной защиты.

Следует отметить, что данная монография является отечественным научным изданием, отражающим современное состояние и направления развития казахстанской юридической науки. Работа представляет интерес как для научного сообщества, так и для практикующих юристов, судей, магистрантов и докторантов, и вносит вклад в дальнейшее развитие теории и практики гражданского процессуального права в Республике Казахстан.

ХІХ МІЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНА-ПРАКТЫЧЕСКАЯ КАНФЕРЕНЦІЯ НА ТЕМУ: «ПРАВО НА ДОСТОЙНУЮ ЖІЗНЬ: СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМІЧЕСКІЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ», ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТІЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА АЩЕУЛОВА А.Т.

9 декабря 2025 года Высшая школа права «Эділет» и НИИ публичного права Каспийского общественного университета под эгидой Фонда Нурсултана Назарбаева и в партнерстве с Представительством GIZ в рамках реализации проекта «Предотвращение насильственного экстремизма в Центральной Азии» провела очередную XIX Международную научно-практическую конференцию на тему: «Право на достойную жизнь: социально-экономические и культурные аспекты», посвященную 100-летию доктора юридических наук, профессора А.Т. Ащеулова, выдающегося казахстанского ученого и ветерана Великой Отечественной войны.

Модераторами конференции выступили профессор **Мухтарова Айжан Калисовна**, Директор НИИ Публичного права Каспийского университета **Караев Алипаша Агаханович**, а также ассоциированный профессор **Калимбекова Асель Рахатовна**.

Работу конференции, по устоявшейся традиции открыл ректор Caspian University **Нусенов Жолдасбек Муслимович**, который отметил, что настоящая конференция служит уникальной площадкой для диалога между учеными, практиками и молодыми исследователями, формирующими будущую правовую культуру Казахстана.

Примечательно также, что конференция приурочена к 100-летию, известного ученого, доктора юридических наук, профессора Ащеулова Андрея Тихоновича, который в своих трудах по конституционному праву затрагивал вопросы социальной политики государства, а также обращал внимание на необходимость создания достойных условий для жизни каждого человека.

Он также отметил, что право на достойную жизнь, является ключевой категорией международного и национального права, объединяющей весь комплекс экономических, социальных и культурных прав человека. Особую актуальность в вопросах обеспечения права на достойную жизнь представляют такие сферы как образование, экология, качество питания, доступность жилья и др. Не менее актуальны проблемы обеспечения равного доступа к медицинской помощи, качество лекарственного обеспечения, проведение мероприятий по профилактике заболеваний и др.

Эти и многие другие вопросы, по мнению ректора нуждаются в глубоком правовом анализе, с изучением не только законодательства, но и практических проблем, связанных с их обеспечением.

С приветственным словом к участникам форума выступил также Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, заместитель исполнительного директора Фонда Нурсултана Назарбаева, член Венецианской комиссии Совета Европы от Республики Казахстан, **Рогов Игорь Иванович**. В своем докладе он подчеркнул, что достоинство человека это неотъемлемый атрибут его бытия. Это фундаментальная категория, определяющая сущность прав человека и качество государственного управления. Он также отметил, эти вопросы были предметом рассмотрения еще первого Конституционного Суда РК, в котором были рассмотрены вопросы конституционности определения потребительской корзины.

И.И. Рогов также обратил внимание на роль и многолетний вклад профессора А.Т. Ащеулова в воспитание юридических кадров Казахстана, глубину его научных исследований в сфере социального обеспечения, конституционного права и др.

Штефан Бухмайер, руководитель проекта GIZ «Предотвращение насильственного экстремизма в Центральной Азии», отметил важность комплексных превентивных подходов и межсекторального взаимодействия для укрепления устойчивости общества. Он подчеркнул, что сотрудничество с образовательными и научными учреждениями, включая казахстанские университеты, играет ключевую роль в формировании устойчивой среды, способной противостоять экстремистским вызовам.

Представитель Уполномоченного по правам человека в РК по городу Алматы, **Малдыбаев Казыбек Малдыбаевич**, подчеркнул значимость укрепления правозащитных механизмов и роли института Уполномоченного по правам человека в обеспечении реальной защиты прав граждан. Он также отметил важность сотрудничества с Каспийским общественным университетом как площадкой для подготовки будущих специалистов, способных эффективно работать в сфере прав человека и государственной политики.

Председатель Совета по науке при Фонде Нурсултана Назарбаева, Заместитель генерального директора Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, PhD, **Токтаров Ермек Бауржанович** в приветственном слове отметил, что Фонд неизменно поддерживает инициативы по проведению мероприятий, расширяющие границы правовых знаний и инициативы молодежи, рассказав о программах фонда для молодежи как стипендии и различные гранты, отметив победы и достижения молодых ученых и студентов Caspian University, и призвав студентов в дальнейшем также активно принимать участие в конкурсах, проводимых Фондом Нурсултана Назарбаева.

Он акцентировал внимание на необходимости развития научных исследований в сфере прав человека, отметил роль и значимый вклад старейшего Института философии и права (в период независимого Казахстана разделившегося на Институт философии и Институт государства и права) и Высшей школы права «Эділет» и её профессорско-преподавательского состава в продвижение фундаментальных правовых идей, в том числе идей по обеспечению и защите прав человека.

В рамках пленарных докладов выступили ведущие учёные, эксперты и практики в области права, философии, медицины, социальной политики и государственного управления. Среди ключевых докладчиков отметим:

Айтхожин Кабдулсамих Кошеквич, д.ю.н., профессор Кунаев Университета, в своем выступлении раскрыл значимость научного наследия профессора Андрея Тихоновича Ашеулова, подчеркнув его вклад в развитие отечественной юридической науки. Он отметил, что идеи и исследования профессора Ашеулова продолжают служить прочной методологической основой для современных ученых и практиков, формируя высокие стандарты правовой культуры и образования.

Ашеулова Наталья Андреевна и **Ашеулов Рустем** поделились историко-биографическими материалами и оценкой научного вклада юбиляра.

Кан Александр Герасимович, начальник факультета дополнительного образования Алма-тинской академии МВД РК им. М. Есбулатова, подчеркнул, что понятийная ясность и единообразие юридической терминологии являются важнейшим условием эффективного противодействия преступности. Он отметил, что качественно унифицированное законодательство не только повышает управляемость и правоприменение, но и напрямую влияет на реализацию права каждого гражданина на достойную и безопасную жизнь. По его словам, укрепление терминологической согласованности в праве способствует формированию справедливой правовой среды, где права человека защищены последовательно и предсказуемо.

Бейсенова Аймхан Усупбаевна, к.ю.н., ведущий научный сотрудник НИИ Публичного права Каспийского общественного университета, отметила, что устойчивое развитие социальной и политической системы Казахстана невозможно без конструктивного взаимодействия государства и общества. Она подчеркнула, что реализация концепции «Закон и Порядок» требует доверия, открытого диалога и совершенствования институциональных механизмов участия граждан. По её словам, именно синергия власти и общества становится ключевым фактором успешной модернизации и укрепления правопорядка.

Жанузакова Лейла Тельмановна, главный научный сотрудник Института публичного права Каспийского общественного университета; профессор Высшей школы права университета «Туран»; главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации РК; доктор юридических наук, профессор в своём выступлении акцентировала внимание на ключевых проблемах реализации конституционного права на свободу объединений в Республике Казахстан, подчеркнув необходимость совершенствования правовых и институциональных механизмов для полноценной защиты гражданских свобод.

Подопригора Роман Анатольевич, д.ю.н., судья Конституционного Суда РК, главный научный сотрудник НИИ публичного права Каспийского общественного университета, профессор Высшей школы права «Эділет» Каспийского общественного университета, доктор юридических наук представил анализ защиты социальных и культурных прав в практике Конституционного Суда;

Караев Алипаша Агаханович, директор НИИ публичного права и профессор ВШП «Эділет» Каспийского общественного университета, представил анализ конституционных гарантий права на достойную жизнь в условиях современных социально-экономических вызовов. Он подчеркнул необходимость укрепления правовых механизмов и адаптации конституционных институтов к новым реалиям для обеспечения реальной и устойчивой защиты прав человека.

Нургуль Балтаевна Мынбаева, к.ю.н., ассоциированный профессор School of Transformative Humanities and Education Алматы Менеджмент Университет, в своём выступлении подчеркнула

ключевую роль социальных стандартов в обеспечении права человека на достойную жизнь. Она отметила, что развитие системы социальных гарантий, адекватных современным экономическим реалиям, является обязательным условием построения справедливого общества. Отдельное внимание было уделено необходимости повышения эффективности государственных программ, направленных на поддержку уязвимых категорий населения.

Татаринов Данила Владимирович, к.ю.н., ассоциированный профессор Высшей школы права «Эділет» Каспийского общественного университета, в своём докладе обозначил современные вызовы реализации принципа права наций и народов на самоопределение, подчеркнув необходимость поиска баланса между международно-правовыми нормами и политической стабильностью государств. Он также отметил, что Казахстан последовательно укрепляет правовые и институциональные механизмы защиты социальных и культурных прав, рассматривая их как неотъемлемую часть устойчивого развития. Взаимосвязь этих прав с принципом самоопределения, по его словам, играет важную роль в обеспечении гармонии в многонациональном обществе и укреплении общественного согласия.

Шаукенов Али Темрленович, к.ю.н., ассоциированный профессор ВШП «Эділет» Каспийского общественного университета, отметил, что реализация права на достойную жизнь остаётся сложной задачей, особенно в условиях неравного доступа к культурным благам и инфраструктуре между городом и сельской местностью. Он подчеркнул, что возможность смотреть качественное кино в комфортных условиях — это не просто вопрос досуга, а часть обеспечения культурных прав, влияющих на развитие личности и социальное благополучие. Расширение культурной доступности и улучшение условий жизни в регионах является важным шагом к реальному воплощению права каждого гражданина на достойную жизнь.

Калимбекова Асель Рахатовна, к.ю.н., ассоциированный профессор ВШП «Эділет» и ведущий научный сотрудник НИИ публичного права Каспийского университета, отметила, что цифровизация становится ключевым инструментом для повышения качества жизни и расширения доступа граждан к базовым социальным услугам. Однако важно при этом обратить внимание на необходимость формирования правовых гарантий для обеспечения безопасного и справедливого использования цифровых технологий в интересах человека.

Доклады демонстрировали междисциплинарный подход и подчеркивали, что право на достойную жизнь находится на пересечении конституционных принципов, социально-экономических реформ, культурной политики и современных цифровых вызовов.

Конференция стала важной научной платформой для обсуждения ключевых аспектов обеспечения права на достойную жизнь в Казахстане и в международном контексте.

Также в рамках конференции среди студентов Высшей школы права «Эділет» Caspian University была проведена Психологическая игра для молодежи «Игры разума» в рамках проекта GIZ «Предотвращение насильственного экстремизма в Центральной Азии», организаторами которой выступили **Наурузбаева Шнар**, психолог, эксперт по ПНЭ GIZ **Якуба Кристина**, координатор проекта GIZ PREVECA II и **Юргелайтине Инга** — лидер Клуба немецкой молодежи «VORWÄRTS» г. Каскелен.

Статьи участников конференции: профессорско-преподавательского состава, молодых учёных, докторантов, магистрантов и студентов будут опубликованы в сборнике материалов конференции. Также среди студентов будет проведён конкурс на лучшую научную статью, по итогам которого авторы самых сильных работ получают призы, предоставленные Фондом Нурсултана Назарбаева.

Проведение подобных конференций в Caspian University позволяет поощрять исследовательскую активность молодых ученых, обеспечивать преемственность в сфере научных исследований и повышать качество академической дискуссии.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.И. ХУДЯКОВА В КАСПИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

19 декабря 2025 года в Каспийском общественном университете (г. Алматы) состоялась Международная научно-практическая конференция «Научное наследие профессора Худякова А.И. в трудах современных ученых по административному, финансовому и гражданскому праву» (Худяковские чтения по финансовому праву), посвященная памяти и 85-летию доктора юридических наук, профессора Алексея Ивановича Худякова.

Конференция была организована Научно-исследовательским институтом финансового и налогового права, Научно-исследовательским институтом частного права и Высшей школой права «Эділет» Каспийского общественного университета. Мероприятие прошло в смешанном очно-заочном формате, что позволило обеспечить участие широкого круга ученых, преподавателей, практикующих юристов, а также молодых исследователей из различных регионов и научных центров.

Проведение конференции, посвященной научному наследию А.И. Худякова, имеет особое значение для современной юридической науки. Алексей Иванович Худяков по праву считается одним из ведущих ученых в области финансового права, чьи труды оказали значительное влияние на формирование и развитие данной отрасли как в Казахстане, так и в постсоветском пространстве в целом. Его научные идеи, посвященные вопросам публичных финансов, налогового регулирования, финансово-правовой ответственности и принципам функционирования финансовой системы, сохраняют свою актуальность и в условиях современных правовых трансформаций.

В рамках конференции были рассмотрены актуальные проблемы административного, финансового и гражданского права, включая вопросы совершенствования финансового законодательства, развития налоговой системы, обеспечения законности в сфере публичных финансов, а также взаимодействия частноправовых и публично-правовых механизмов регулирования. Особое внимание было уделено вопросам преемственности научных идей, заложенных в трудах профессора Худякова, и их развитию в современных исследованиях.

Проведенная конференция стала значимым научным событием, объединившим представителей юридической науки и практики, и внесла вклад в развитие научной мысли, а также в дальнейшее осмысление и развитие научного наследия профессора А.И. Худякова в современных условиях. Выступления участников отличались высоким научным уровнем, содержательностью и практической направленностью. В докладах нашли отражение как теоретические аспекты правового регулирования, так и актуальные проблемы правоприменительной практики. Конференция стала площадкой для профессионального диалога, обмена научными подходами и обсуждения перспектив дальнейшего развития юридической науки. Следует отметить, что проведение подобных научных мероприятий способствует укреплению научного сотрудничества, развитию академической среды и формированию единого научного пространства. Особую значимость конференции придает участие представителей различных научных школ, что позволяет обеспечить многоплановое осмысление актуальных правовых проблем.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР

Su Qin – Ухань төрелік алқасы төрағасының орынбасары; Хубэй провинциясы бойынша қаржылық даулар медиациясының сарапшы; Хубэй провинциясының заң қоғамы Атқарушы кеңесінің мүшесі; Хубэй заң қоғамының азаматтық құқықты зерттеу қауымдастығының вице-президенті; Хубэй заң қоғамының арбитраждық құқықты зерттеу қауымдастығының вице-президенті; Хубэй заң қоғамының коммерциялық құқықты зерттеу қауымдастығының Атқарушы кеңесінің мүшесі; Ухань заң қоғамының арбитраждық құқықты зерттеу қауымдастығының вице-президенті; құқық магистрі

Амантурлиев Алиби Кенесбайұлы – з.ғ.м., Каспий қоғамдық университетінің «Өділет» Жоғары құқық мектебінің сеньор-лекторы

Амирбекова Шұғыла Қаламбековна – «TERENT HEALTH CARE» ЖШС заңгерінің көмекшісі

Арипбаева Айгерім – Ташкент мемлекеттік заң университетінің заң клиникасының әдіскері

Байзаков Әділ – з.ғ.м., «Ұлттық мемлекеттік ғылыми-техникалық сараптама орталығы» АҚ Құқықтық қамтамасыз ету департаментінің заңгері

Базарова Дильдора Бахадировна – з.ғ.д., профессор, Ташкент мемлекеттік заң университетінің қылмыстық процессуалдық құқық кафедрасының меңгерушісі

Дүйсенова Әсел Ериковна – Қазақстан Халықаралық арбитражының атқарушы директоры; Каспий қоғамдық университетінің Жеке құқық ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері; Қазақстан Арбитраж палатасы басқармасының мүшесі

Жанузакова Лейла Тельмановна – з.ғ.д., профессор, Тұран университеті Жоғары құқық мектебінің профессоры

Караев Алипаша Агаханович – з.ғ.к., профессор, Заңнама және құқықтық ақпарат институтының бас ғылыми қызметкері

Қасымхан Мөлдір Еркінқызы – з.ғ.м., Каспий қоғамдық университетінің «Өділет» Жоғары құқық мектебінің сеньор-лекторы

Максатов Нұржан Ришатұлы – PhD докторы, Каспий қоғамдық университетінің «Өділет» Жоғары құқық мектебінің қауымдастырылған профессоры, жеке практикамен айналысушы заңгер

Мороз Светлана Павловна – з.ғ.д., профессор, Каспий университетінің «Өділет» Жоғары құқық мектебінің деканы; Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты жанындағы Ғылыми-консультативтік кеңестің мүшесі

Мухамеджанов Эдуард Булатович – з.ғ.д., профессор, Каспий университетінің Қоғамдық құқық ғылыми-зерттеу институтының бас ғылыми қызметкері

Сүлейменов Майдан Кунтуарович – з.ғ.д., профессор, Каспий қоғамдық университетінің Жеке құқық ғылыми-зерттеу институтының директоры; Қазақстан Халықаралық арбитражының төрағасы; Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты жанындағы Халықаралық кеңестің мүшесі; Қазақстан Арбитраж палатасы басқармасының төрағасы; Қазақстан Республикасы Конституциялық Соты жанындағы Ғылыми-консультативтік кеңестің мүшесі; Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының академигі

Тлешалиев Нұрлан Даулетқұлович – PhD докторы, Қазақстан Республикасы Мемлекеттік қызмет істері агенттігінің Алматы қаласы бойынша департаментінің сыбайлас жемқорлықтың алдын алу басқармасының басшысы

Токарчук Людмила Михайловна – з.ғ.д., профессор, И.И. Мечников атындағы Одесса ұлттық университетінің экономика және құқық факультетінің деканы

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Su Qin – заместитель директора Уханьской арбитражной комиссии, Эксперт по посредничеству в финансовых спорах провинции Хубэй, член Исполнительного совета Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований гражданского права Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований арбитражного права Юридического общества провинции Хубэй, член Исполнительного совета Ассоциации исследований коммерческого права Юридического общества провинции Хубэй, вице-президент Ассоциации исследований арбитражного права Юридического общества Ухань, LLM

Амантурлиев Алиби Кенесбайулы – м.ю.н., сеньор-лектор Высшей школы права «Эділет» Каспийского общественного университета

Амирбекова Шугыла Каламбековна – помощник юриста ТОО «TERENT HEALTH CARE»

Арипбаева Айгерим – методист юридической клиники Ташкентского государственного юридического университета

Байзаков Адиль – м.ю.н., юрист Департамента правового обеспечения АО «Национальный центр государственной научно-технической экспертизы»

Базарова Дильдора Бахадировна – д.ю.н., профессор заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Ташкентского государственного юридического университета

Дуйсенова Асель Ериковна – исполнительный директор Казахстанского Международного Арбитража, ведущий научный сотрудник НИИ частного права Каспийского общественного университета, член Правления Арбитражной Палаты Казахстана

Жанузакова Лейла Тельмановна – д.ю.н., профессор, профессор Высшей школы права университета «Туран»

Караев Алипаша Агаханович – к.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации

Қасымхан Мәлдір Еркінқызы – м.ю.н., сеньор-лектор Высшей школы права «Эділет» Каспийского общественного университета

Максатов Нуржан Ришатулы - доктор PhD, Ассоциированный профессор Высшей школы права «Эділет», частнопрактикующий юрист

Мороз Светлана Павловна – д.ю.н. профессор декан Высшей школы права «Эділет» Каспийского университета, член Научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Казахстан

Мухамеджанов Эдуард Булатович – д.ю.н., профессор, г.н.с. НИИ публичного права Каспийского университета

Сулейменов Майдан Кунтуарович – д.ю.н., профессор, директор НИИ частного права КОУ, председатель Казахстанского международного арбитража, Член Международного совета при Верховном Суде РК, Председатель правления Арбитражной палаты Казахстана, Член НКС при Конституционном Суде РК, Академик НАН РК

Тлешалиев Нурлан Даулеткулович – доктор PhD, руководитель управления профилактики коррупции Департамента Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы по городу Алматы

Токарчук Людмила Михайловна – д.ю.н., профессор, декан факультета экономики и права Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Su Qin – Deputy Director of the Wuhan Arbitration Commission; Expert in Financial Dispute Mediation of Hubei Province; Member of the Executive Council of the Hubei Law Society; Vice President of the Civil Law Research Association of the Hubei Law Society; Vice President of the Arbitration Law Research Association of the Hubei Law Society; Member of the Executive Council of the Commercial Law Research Association of the Hubei Law Society; Vice President of the Arbitration Law Research Association of the Wuhan Law Society; LL.M.

Amanturliyev Alibi Kenesbayuly – m.l.s., Senior Lecturer at the Adilet Higher School of Law, Caspian Public University

Amirbekova Shugyla Kalambekovna – Legal Assistant at TARENT HEALTH CARE LLP

Aripbayeva Aigerim – Methodologist of the Legal Clinic at Tashkent State University of Law

Baizakov Adil – m.l.s., Lawyer at the Legal Support Department of the National Center for State Scientific and Technical Expertise

Bazarova Dildora Baxadirovna – d.l.s., Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law at Tashkent State University of Law

Dyusenova Assel Erikovna – Executive Director of the Kazakhstan International Arbitration; Leading Research Fellow at the Research Institute of Private Law, Caspian Public University; Member of the Board of the Arbitration Chamber of Kazakhstan

Zhanuzakova Leyla Telmanovna – d.l.s., Professor, Professor at the Higher School of Law, Turan University

Karaev Alipasha Agakhanovich – c.l.s., Professor, Chief Research Fellow at the Institute of Legislation and Legal Information

Kassymkhan Moldir Erkinqyzy – m.l.s., Senior Lecturer at the Adilet Higher School of Law, Caspian Public University

Maksatov Nurzhan Rishatuly – PhD, Associate professor at the Adilet Higher School of Law, Caspian Public University, private legal practitioner

Moroz Svetlana Pavlovna – Doctor of Law, Professor, Dean of the Adilet Higher School of Law, Caspian University; Member of the Scientific Advisory Council of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan

Mukhamedzhanov Eduard Bulatovich – d.l.s., Professor, Chief Research Fellow at the Research Institute of Public Law, Caspian University

Suleimenov Maidan Kuntuarovich – d.l.s., Professor, Director of the Research Institute of Private Law of the Caspian Public University; Chairman of the Kazakhstan International Arbitration; Member of the International Council under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan; Chairman of the Board of the Arbitration Chamber of Kazakhstan; Member of the Scientific Advisory Council under the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan; Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

Tleshaliev Nurlan Dauletkulovich – PhD, Head of the Corruption Prevention Department of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs (Almaty City Department)

Tokarchuk Lyudmila Mikhailovna – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Law at Odesa I. I. Mechnikov National University

Правила публикации для авторов журнала «Научные труды «Эділет» (требования к оформлению статей, представляемых для опубликования)

Редакционная коллегия просит авторов при подготовке статей для опубликования в журнале «Научные труды «Эділет» руководствоваться следующими правилами.

Условия размещения публикаций в журнале

Для публикации в журнале «Научные труды «Эділет» принимаются статьи на казахском, русском и английском языках, содержащие ранее не опубликованные проблемные, обзорные, дискуссионные статьи в области юридической науки, где освещаются результаты фундаментальных и прикладных исследований.

Статья может быть представлена на одном из трех языков: казахском, русском или английском.

Статья магистрантов должна сопровождаться рецензией от научного руководителя (заверенная печатью отдела кадров). Рецензия – на казахском или русском языках.

Статья должна быть тщательно отредактирована. Особое внимание следует обратить на ясность и лаконичность стиля, точность и последовательность в изложении материала.

Автором должен быть подписан первый экземпляр статьи с указанием, что текст статьи (цитаты, цифры, сноски) вычитан и сверен. За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

Автор перед сдачей рукописи в журнал должен тщательно проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

К оформлению статей предъявляются следующие требования

Объем статьи, включая список литературы, таблицы и рисунки с подрисуночными надписями, аннотации, не должен превышать 10 страниц печатного текста. Минимальный объем статьи — 5 страниц. В редакцию необходимо представить электронную версию статьи в полном соответствии с распечаткой. Страницы статьи должны быть пронумерованы. Указывается код по УДК.

В начале статьи указывается ФИО автора, должность или место работы, учебы, название статьи.

Аннотация (андатпа, annotation) дается после ФИО, место работы, учебы автора и названия статьи в начале текста на рус., каз. и англ языках (до 8-10 строк). Перед каждой аннотацией написать фамилию и инициалы, должность, название статьи на соответствующем языке аннотации. Далее ключевые слова (түйінді сөздер, keywords) на каз., рус., англ. языках внизу аннотации на соответствующем языке аннотации.

Аннотация является кратким изложением содержания научного произведения, дающая обобщенное представление о его теме и структуре. Аннотация не требуется при публикации рецензий, отчетов о конференциях и подобных информационных материалов.

Ключевые слова должны обеспечить наиболее полное раскрытие содержания статьи. Для каждого конкретного материала задайте 5-6 ключевых слов (keywords) в порядке их значимости, т.е. самое важное ключевое слово статьи должно быть первым в списке.

Авторы, информация об авторах, название статьи, аннотация и ключевые слова указываются на языке написания статьи и на русском/казахском и английском языке. В информации об авторах должны быть указаны занимаемая должность, основное место работы, ученая степень, ученое звание, а также e-mail

Текст должен быть набран в программе Word любой версии, представляется на электронном носителе либо отправляется по электронной почте akalimbekova@mail.ru

(Раб.тел.: 8 (727) 323 10 09, вн. 215. Шрифт текста — Times New Roman, формат бумаги А4 (210*297 мм), размер кегля — 12 пт. Межстрочный интервал — одинарный. Выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 0,8 см. Поля верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 2.

В таблицах, рисунках, формулах не должно быть разночтений в обозначении символов, знаков. Рисунки должны быть четкими, чистыми. На рисунки и таблицы в тексте должны быть ссылки.

В тексте число формул должно быть минимальным. Формулы должны быть набраны в соответствующем редакторе (для математических и химических формул). Таблицы должны быть озаглавлены, не допускается наличия в них пустых граф. Условные сокращения и символы следует пояснять в примечании.

Иллюстративные материалы представляются в форматах: для фото, рисунков — tiff или jpeg (300 dpi для черно-белых и цветных); графики, диаграммы, схемы и т.п. — xls, cdr. На обороте рисунка или под ним указывается фамилия автора, название статьи и номер рисунка. Иллюстрации могут размещаться по тексту, но обязательно прилагаются в виде отдельных файлов, который впоследствии будет использоваться при верстке). Подрисовочные подписи даются отдельным списком, в конце статьи.

Список использованных источников должен состоять не более чем из 20 наименований, и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Ссылки на источники в тексте статьи даются только в квадратных скобках (без цитирования [12], при цитировании или пересказе авторского текста [12, с. 29]). Нумерация ссылок в статье производится по порядковому номеру источника в приставном списке литературы. Архивные материалы в список не включаются, ссылки на них помещаются в тексте в круглых скобках. При использовании в статье источников из электронных ресурсов или удаленного доступа (Интернета) в списке литературы приводится библиографическая запись источника и ссылка на сетевой ресурс с полным сетевым адресом в Интернете. Желательно указывать дату обращения к ресурсу.

НАПРИМЕР (библиографические сведения условны):

Для книг: Фамилии и инициалы авторов. Заглавие. — Сведения о повторности издания. — Место издания: Издательство, Год издания. — Количество страниц.

Например:

Басин Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. — 3-е изд. — СПб.: 2003. — 294 с.

Для статей из журналов: Фамилии и инициалы авторов. Название статьи // Заглавие издания. (Серия). — Год издания. — Том. — Номер. — Страницы.

Например:

Брызгалов А.И. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Государство и право. — 2004. — № 4. — С. 17–22.

Для материалов конференций, сборников трудов и т.д.: Фамилии и инициалы авторов. Название статьи // Заглавие издания: Вид издания. — Место, год издания. — Том. — Номер. — Страницы.

Например:

Диденко А. Гражданское право как источник формирования правовой действительности // VI Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика. – Вып.40 / Под ред. А.Г. Диденко. – Алматы: Раритет, 2015. - С. 4-24.

Автор обязан сделать транслитерацию фамилии, инициалов, перевод заглавия статьи (обзора, рецензии), списка использованных источников (References) на английский язык, разместив их в конце текста статьи. Ее можно сделать по следующей ссылке: <http://www.russki-mat.net/trans2.html>)

Например:

Didenko A. Grazhdanskoye pravo kak istochnik formirovaniya pravovoy deystvitelnosti // VI Grazhdanskoye zakonodatelstvo: Statyi. Kommentarii. Praktika. – Vyp.40 / Pod red. A.G. Didenko. – Almaty: Raritet, 2015. - S. 4-24.

Сведения об авторах

К рукописи прилагаются:

- 1) справка о каждом из авторов статьи с указанием фамилии, имени, отчества; ученой степени; ученого звания; основного места работы; должности; домашнего, служебного или мобильного телефонов; электронного и почтового адресов (для связи с редакцией);
- 2) информация о том, кому из соавторов следует адресовать вопросы главного редактора и/или направлять корректуру.

Все статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. При необходимости статья может быть возвращена автору на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией ее окончательного варианта. Редакция оставляет за собой право внесения в текст редакторских изменений, не искажающих смысла статьи.

Статьи публикуются по мере поступления.

Схематический пример оформления статьи

- УДК.
- По центру приводятся:
 - о Фамилии и инициалы авторов (напр.: И.В. Иванов¹, С.П. Крылов²)
 - о Полное название учреждения, которое представляет автор (с указанием страны и города). Если авторы из разных учреждений, то соответствие между автором и учреждением устанавливается надстрочными индексами, например:
И.В. Иванов¹, С.П. Крылов² Каспийский общественный университет, Казахстан, г. Алматы¹
Институт экономики и права, Казахстан, г. Алматы²
 - о Название статьи (полужирное написание)
- Аннотация.
- Ключевые слова.
- Текст статьи.
- Список использованных источников.
- References (транслитерация).
- В конце статьи приводится перевод на двух остальных языках (по очереди): Ф.И.О. авторов, названия статьи, резюме (размер шрифта на 2 кегеля меньше, чем основной).
- На отдельных страницах приводятся иллюстрации (рисунки, диаграммы, таблицы и др.) с надписями.
- Сведения об авторах.

Стоимость публикации в журнале «Научные труды «Әділет»

Стоимость публикации в журнале «Научные труды «Әділет» - 20000 тенге. Для сотрудников, профессорско-преподавательского состава, магистрантов, докторантов Каспийского университета стоимость публикации в журнале «Научные труды «Әділет» – 10000 тенге

Оплата производится в кассу Каспийского общественного университета, чек об оплате предоставляется в редакцию вместе с рукописью статьи.

Или путем оплаты на расчетный счет университета

Реквизиты для казахстанских авторов:

УО «Каспийский общественный университет»

Ректор Нусенов Жолдасбек Муслимович

Адрес:

Республика Казахстан, 050021

г. Алматы, пр. Достык, 85А, каб. 210

РНН 600700524033

БИН -030640000531

Р/счет – KZ9584901KZ014467972

БИК NURSKZKX

КБЕ – 18

АФ АО Нурбанк г.Алматы

Ул.Желтоқсан 173

Код ВУЗа 079

Реквизиты для зарубежных авторов:

УО «Каспийский общественный университет»

Ректор Нусенов Жолдасбек Муслимович

Адрес:

Республика Казахстан, 050021

г. Алматы, пр. Достык, 85А, каб. 210

РНН 600700524033

БИН -030640000531

Р/счет – KZ9584901KZ014467972

БИК NURSKZKX

КБЕ – 18

АФ АО Нурбанк г.Алматы

Ул.Желтоқсан 173

Код ВУЗа 079

Инструкция по оплате статьи через приложение «KASPI.KZ»

В приложение «KASPI.KZ» зайти в Платежи, затем «Все», далее «Образование», затем «Вузы и колледжи», выбрать «Каспийский общественный университет (Caspian University)»;

Где факультет ставить отметку статья

Курс

Заполнить свои данные: курс, Ф.И.О. и ИИН

Назначение платежа - «Прочее»

https://kaspi.kz/pay/_gate?action=service_with_subservice&service_id=2766&subservice_id=8206®ion_id=18

Контакты и адрес редакции, телефон

Республика Казахстан, 050021

г. Алматы, пр. Достык, 85А, каб. 210

Раб. тел: 8 (727) 323 10 09, вн. 215

Электронная почта: akalimbekova@mail.ru

Главный редактор – Калимбекова Асель Рахатовна

**Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати
и массовой информации Республики Казахстан
Регистрационное свидетельство
№ 9774-Ж от 19 декабря 2008 г.**

**Учредитель
Учреждение образования
«Каспийский общественный университет»**

**Адрес
050021, г. Алматы, пр. Достык 85 А,
Тел.: +7 (727) 250 69 35, +7 (727) 323 10 09
факс: +7 (727) 250 69 30
e-mail: akalimbekova@mail.ru**

**Наш сайт: www.cu.edu.kz, www.adlet-nt.kz
Опубликованные материалы не всегда отражают точку зрения редакции.
Ответственность за достоверность фактов и сведений
в публикациях несут авторы.**

Басуға 8.01.2026 ж.
қол қойылды.
Форматы 60х90/16.
Офсеттік басылым.
Офсеттік қағаз.
Шартты баспа табағы 7,0.
Баспа табағы 8,5

Подписано
в печать 8.01.2026 г.
Формат 60х90/16.
Печать офсетная.
Бумага офсетная.
Усл.- печ. л. 7,0.
Печ. л. 8,5.